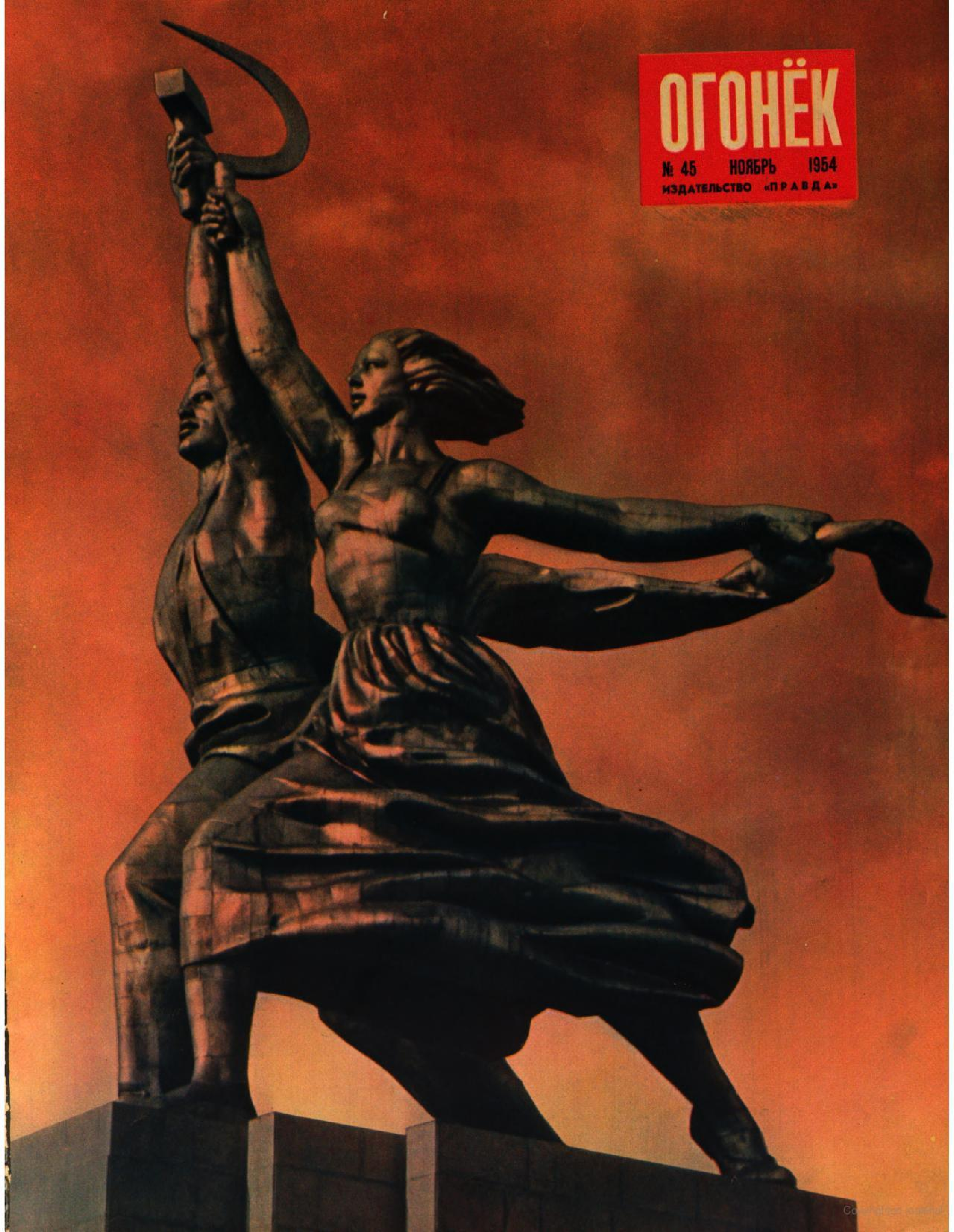

ОГОНЁК
№ 45 НОЯБРЬ 1954
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

На целинных землях Алтая новоселы уже обосновались. Появились молодые семьи. В новый дом въехал шофер Кулундинского зерносовхоза Фёдор Евсеев с женой Анной и сыном Сашей.

Фото Галины Санько.

На первой странице обложки: «Рабочий и колхозница». Скульптурная группа В. И. Мухиной.

На последней странице обложки: Вид на Москву с высотного здания МГУ на Ленинских горах.

Фото Г. Петрусова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 45 (1430)

7 НОЯБРЯ 1954

32-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Да здравствует 37-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции!

Над мирной землей

По гладкой трассе высоты
от тополей Алма-Аты
до подмосковных кленов плыл,
опережая тучи, «ИЛ».
Не отрывая жадных глаз,
глядел,
глядел я в сотый раз
туда,
где в легкой синеве —
в озерах,
в пахоте,
в листве —
под прочной плоскостью крыла
земля советская была.
Во весь размах своих красот,
то обряжённая в восход,
а в час заката, как в шелка,
окутанная в облака,
то поражающая взор
багровой цепью грозных гор,
то золотая от жнивья,
сияла
Родина моя.
Куда ни кинь влюбленный взгляд,
в какую даль ни посмотри, —
ковры озимых,
стрелы гряд,
бессчетных строек фонари.
Плывут суда,
бредут стада,
бегут составы чередой.
Богатой осени страда,
раздолье жизни трудовой.
Привет тебе, земля в цвету!
Пусть пограничник на посту,
и комбайнер,
и сталевар
не понижают сердца жар.
Поклон тебе, страна труда!
Пусть ни за что и никогда
шахтер,
поэт
и полевод
не тормозят души полет.
Ведь это всё для нас самих —
и свет,
и южный сад,
и стих,
и покоренная река,
и стройный стержень маяка,
и красных труб могучий лес,
и зданье новой МТС,
и этот дивный самолёт,
несущий в небе мирный гром.
Всему хозяин — сам народ,
раскрепощенный Октябрем.

Сергей ВАСИЛЬЕВ

НОВЫЕ ЛЮДИ НА НОВОЙ

Е. РЯБЧИКОВ

Фото Галины САНЬКО

Специальные корреспонденты «Огонька»

Поезд медленно шел по недавно построенной магистрали Южсиба. Посмотришь направо, посмотришь налево — всюду золотые бесконечные нивы, хлеба, хлеба, хлеба... От Кулунды, словно утонувшей в пшенице, поезд уходит прямо на юг — к Малиновому озеру, в самые отдаленные места Алтайского края.

Степной большак выводит через поля и бахчи к Назаровке. На горизонте показывается диск ветродвигателя, побежали широкие пыльные улицы, и открывается площадь перед конторой Назаровской МТС. Восемь месяцев назад, мартовским холодным днем, остановился перед этой конторой поезд из тракторных вагончиков, откуда вышли новоселы-москвичи...

Мы решили теперь посетить новоселов и прежде всего Зою Гаврилину. Вместе с другим работником Автозавода имени Сталина, Володей Молотиловым, она одной из первых вызвалась поехать на целину. На обложке мартовского номера журнала «Огонек» (№ 12) был напечатан снимок Зои Гаврилиной и Володи Молотилова. Многие читатели интересуются их судьбой, спрашивают, как они работают на новых землях.

И вот мы на квартире у Зои.

В комнате и на кухне множество арбузов, пахнет дынями и помидорами. В сенях квохчут куры. Зоя стоит посредине комнаты и укладывает в чемодан вафельное полотенце, хорошо отутюженные рубахи и бритвенные принадлежности для своего мужа, тракториста Владимира Хабарова. Светловолосый, коренастый молодой человек сидит за обеденным столом с директором МТС В. И. Крестьяниновым.

— Незаметно пролетело время, — говорит Зоя. — Третьего марта приехали сюда, а четвертого вышли на работу. Теперь первые итоги подводим... Освоились мы здесь, полюбили сельское хозяйство. Раньше у меня представление о земледелии было смехотворное — словно булки сами растут на деревьях: всегда жила и работала в Москве.

Здесь, на Алтае, я окончила курсы трактористов. Весна была поздняя, долго лежал снег, а нам не терпелось как можно скорее выйти на целину. Наконец «поспела» земля, и мы начали пахоту. Ох, и трудно было! То дожди и грязь, то пыль и такой зной, что боязно дотрагиваться до металла.

Работаю я в бригаде Павла Губина. Это очень опытный тракторист, комбайнер, Герой Социалистического Труда; ему я многим обязана. Он говорил: «Не отступай, не падай духом». Был такой период, когда мне предложили перейти в контору. Очень казалось соблазнительным передохнуть после грохота мотора, тряски и духоты в кабине. Но мы-то ехали целину поднимать, и я отказалась.

Сколько раз в ту пору я вспоминала Кремль, торжественные проводы, задушевное слово Никиты Сергеевича Хрущева! Тогда ведь и я слово дала с трибуны Кремля от имени новоселов! Помню, в Оружейной палате мы делали записи. Я записала с подружкой Ниной Лазаревой: «Последний день, последние часы в Москве. Сегодня уезжаем на Алтай осваивать новые земли. До свидания, Москва, до свидания, Кремль! Мы унесем с собой твой прекрасный образ, он будет вдохновлять нас на хорошие дела во славу Родины».

Целины мы подняли в два раза больше плана. И я и подруга моя с автозавода Нина Лазарева премию получили. Уборку успешно кончили. Урожай замечательный, говорят, небывалый. Павел Губин скосил и намолотил больше всех.

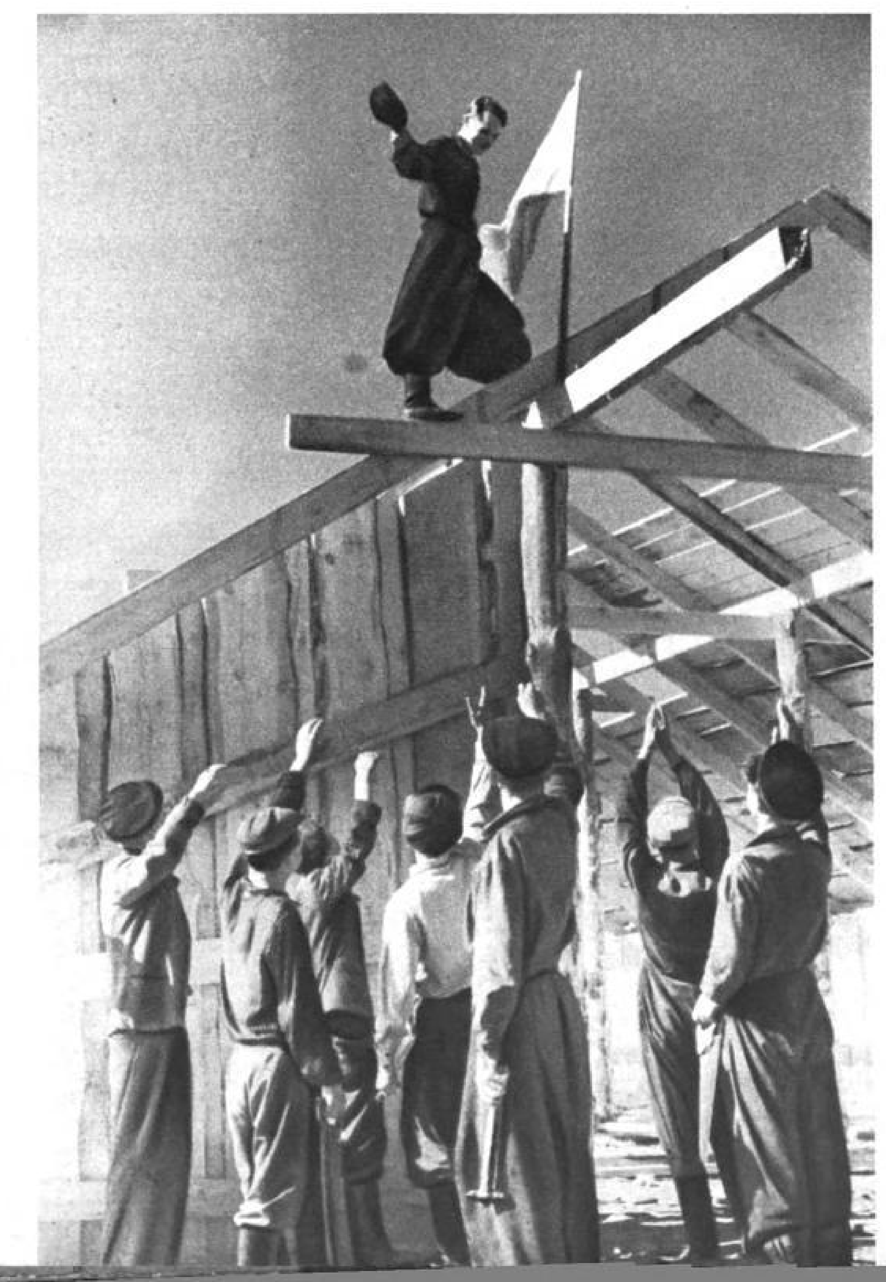
За это время в личной жизни у меня произошло большое событие — вышла замуж. С Володей Хабаровым мы были знакомы еще на автозаводе; он работал испытателем новых автомобилей. В пути и здесь стали друзьями, вместе ездили в Барнаул на курсы пропагандистов. Теперь у нас семья.

Вскоре мы увидели и Владимира Молотилова и попросили его коротко рассказать о себе.

— Мне двадцать шесть лет, я комсомолец,— говорит он.— Работал инженером-конструктором на московском автозаводе. В Москве остались мать — закройщица ателье, отец — товаровед, брат Костя — на автозаводе диспетчером. Добровольно поехал я осваивать целину и вот теперь стал участковым механиком Назаровской МТС. Две тракторные

Трактористка Зоя Гаврилина и участковый механик Владимир Молотилов на усадьбе Назаровской МТС.

Виктор Захаров водружает переходящий красный вымпел, который четыре месяца подряд получает его бригада строителей.

ЗЕМЛЕ

бригады, работавшие на полях колхоза «Рекорд», закончили косовицу и переезжают в соседний, Волчихинский, район. Очень доволен работой, многому научился. Планы на будущее у нас большие: подготовим к весне всю технику, займемся организацией быта, учебой. Пора подумать мне и о семье.

...Зоя Гаврилина уходит провожать мужа. На площади, перед конторой Назаровской МТС, уже выстроились комбайны, готовые отправиться на поля колхозов соседней МТС. Володя Хабаров обнимает жену, прощается с товарищами, садится в кабину трактора.

— Успехов, Володя! — Зоя идет за машиной, Хабаров выглядывает из кабины, машет ей кепкой.

Комбайнеры и трактористы выезжают в колхозы Волчихинского района. Слева направо: заведующий механической мастерской МТС Константин Шурлапов, трактористка Нина Лазарева, заправщик Алексей Василенко, комбайнер с Дона Василий Вершенник, трактористы Зоя Гаврилина, ее муж Владимир Хабаров, инженер-механик МТС Георгий Семенов.

— А теперь скорей в поле! — говорит Зоя Нине Лазаревой.— Едем, пора на смену!

Захватив дома чемоданчики, подруги садятся на попутную грузовую машину и уезжают в бригаду. Темнеет, высоко в небе теплятся первые звезды. Вспыхивают во мгле огни тракторов и комбайнов, светится зарево от горящей соломы и костров на бахчах.

Машина останавливается в Мавлютовке. Здесь полевой стан тракторного отряда. Девушки входят в дом, мягкий свет ламп заливает пустые кровати: все на поле. Светится зеленый глазок приемника «Родина», стены красного уголка алеют знаменами.

...И вот Зоя Гаврилина садится в кабину своего трактора, внимательно следит, чтобы без рывков, плавно шел следом комбайн, точно выдерживая направление. В кабине жарко, оглушает рев и гул мотора. Зоя уже привыкла к дизелю, познала работу на «ДТ-54» и весело поет любимую песню «Приехали друзья в дальние края».

На следующий день отряд Героя Социалистического Труда Павла Губина, собрав в колонну тракторы и комбайны, переезжает в соседний район. Колонну догоняет секретарь партийной организации П. Д. Павленков.

— В колхоз имени Энгельса, — сообщает он Зое, — приехали демобилизованные воины, передают тебе привет, сообщают, что явились в ответ на твои письма.

Многие писали из воинских частей Зое, Нине, их подругам и товарищам. Они узнавали, как живут и работают новоселы, спрашивали, стоит ли направиться и им в далекие районы Алтая осваивать целину. Зоя пригласила их после окончания службы приехать в Назаровскую МТС. Они так и поступили.

— Новоселы проложили широкую дорогу на целину, — говорит Павленков.

И действительно, много людей едет на новые земли.

В Кулундинском зерносовхозе радостно встретили Тоню — жену бригадира тракторной бригады, бывшего авиатехника Николая Соловьева. Весной она не поехала из Свердловска в Кулундинские степи и только теперь, когда стало ясно, что муж всерьез обосновался на новой земле, оставила Свердловск. В совхозе Тоня будет работать по специальности — радисткой.

Тоня увидела светлый городок с широкой улицей, крытые токи, горы свезенного с полей хлеба.

— Вот она, наша кулундинская пшеничка! — Николай сошел с машины и на току копнул ладонью хлебную гору. Золотые струи потекли меж пальцев.

На улице появляется другая группа: директор совхоза Е. Емельяненко, секретарь партийной организации Д. Милослов и лучший бригадир строителей Виктор Захаров знакомят комбайнеров из сальского совхоза «Гигант» с новым городком в степи.

Почти четверть века работает комбайнером донской казак Павел Дьяков. В этом году он убрал у себя в Задонье 380 гектаров и поехал со своей машиной за Урал, на Алтай, помогать на уборке хлебов с целины. Прямо с поезда повел Дьяков комбайн на поля. И только теперь, когда окончена в совхозе жатва, видит он с товарищами центральную усадьбу совхоза, больницу, дома, маленький лесопильный завод, строительство бани, общежитий, яслей и клуба.

Сейчас в поселке много детей. На крыльце дома, облицованного серыми плитками, сидит в ожидании из рейса мужа-шофера Аня Евсеева. Еще весной она работала на шахте «Черта первая» в Кузбассе, там и познакомилась с Федором, а потом вместе с ним поехала осваивать целину. Здесь, в поселке, их первый ребенок резвится на солнце.

...На новой земле обосновались новые люди. Они переделывают природу огромного края, превращают степи в житницы.

Сын агронома Вадим Сальников — ученик пятого класса кулундинской школы.

Поздравления из Китая

Вот они перед нами, эти письма.

Внешне очень не похожие друг на друга, они одинаковы в одном — в искренности выраженного ими чувства дружбы к советским людям.

Авторы писем тоже очень разные. Здесь известные всей стране общественные деятели и крестьяне, только что научившиеся читать и писать, рабочие металлургических заводов и скотоводы, ткачихи и артисты, рыбаки и замечательные народные художники-резчики по дереву и кости, школьники и моряки. Они живут в разных провинциях Китая, отличаются друг от друга одеждой, говорят на разных диалектах и даже языках, у них разные обычаи и привычки. Но все они, встречая человека, приехавшего из СССР, неизменно обращаются с просьбой передать советским людям пожелание доброго здоровья, успехов. Многие посылают письма. Часто их пишут или диктуют тут же на месте.

Вы спросите: кому адресуются письма? Называют фамилии известных советских ученых, полюбившихся артистов кино, знатных рабочих-новаторов, инженеров и техников, которые помогали здесь, в Китае, строить заводы, осваивать оборудование. А иногда просто говорят: первому, кого встретите в Союзе.

Часть писем, переданных нам во время пребывания в Китае, мы с разрешения авторов, публикуем.

Г. БОРОВИК,
Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ,
специальные корреспонденты «Огонька».

Лю Дэ-чжен у турбины № 6.

Всем моим дорогим друзьям в Советском Союзе

Прежде всего я поздравляю всех вас с великим праздником — тридцать седьмой годовщиной Октябрьской революции. Весь шестисотмиллионный китайский народ шлет в эти дни вам свои самые сердечные поздравления. Советских людей часто называют у нас старшими братьями. Это имя вам дал народ, который благодарен старшему брату за большую бескорыстную помощь в течение всех пяти лет существования нашей республики. Наша задача сейчас — максимально использовать эту помощь, учиться у Советского Союза во всем.

В дни празднования пятой годовщины провозглашения Китайской Народной Республики, когда в Пекине находилась правительственная делегация Советского Союза и советская делегация деятелей культуры, мы особенно почувствовали, как крепка и нерушима дружба между нашими народами, в какой несокрушимый бастион превращает она лагерь мира и демократии.

Мне, как участнику движения борцов за мир, часто приходится бывать проездом или специально в Советском Союзе. Я счастлив и горд, что приобрел там много друзей.

В день великого праздника, нашего общего праздника, я хочу сказать вам, что все мы будем еще лучше работать, еще лучше учиться, осваивать учение Маркса и Ленина, чтобы в кратчайший срок построить социализм. Этого требуют интересы нашего народа.

ГО МО-ЖО

СССР, товарищу Чернышкову

Здравствуйте, дорогой товарищ Чернышков!

Все мы, работники электростанции Шицзиньшань, очень рады, что представился случай поздравить вас с праздником. Я лично уже давно собирался вам написать, но не мог узнать адреса. Все здесь очень часто о вас вспоминают, но, у кого ни спросишь, никто не знает вашего полного имени. Мы же всегда по фамилии вас называли... А помните ли вы меня? Я Лю Дэ-чжен, тот самый рабочий, что спрашивал вас: какая вам выгода отдавать свои силы и здоровье ради чужой страны? Это было в октябре сорок девятого. У нас тогда диверсанты вывели из строя турбину № 6. Наши старые инженеры сказали, что отремонтировать ее невозможно, надо заказывать новую. Они ссылались на какие-то американские нормы. Но тут приехали вы, посмотрели и сказали: можно отремонтировать своими силами.

Вы, может быть, и не догадывались, как важно было для нас тогда, чтобы старые, кадровые рабочие, привыкшие преклоняться перед американской техникой, поверили русскому инженеру. Поверят в Советский Союз,— значит, поверят в социализм. Ответственность за это лежала на всех нас, членах партии.

Вы хорошо, наверно, помните, какие у нас на каждом шагу были трудности: не хватало деталей, инструментов, приборов. Иногда часа в два—три ночи мы уговаривали вас пойти отдохнуть, вы только отмахивались... Вот тогда-то я и задал вам свой вопрос: «Как это вы, человек, находящийся не в своей стране, без всякой для себя выгоды отдаете все силы, здоровье на восстановление турбины, которую, может быть, потом никогда больше и не увидите?»

У меня и сейчас еще краснеют уши, когда я вспоминаю, как вы тогда улыбнулись. Каждое слово вашего ответа я запомнил на всю жизнь.

— Без выгоды?—сказали вы.—Еще с какой выгодой! С самой что ни на есть личной. Мне, как и каждому советскому человеку, очень выгодно, чтобы Китай как можно скорее превратился в мощную индустриальную державу; мне выгодно, чтобы Китай был независимым во всех отношениях государством; в моих интересах, чтобы китайский народ жил счастливо и свободно, и в моих интересах, чтобы в Китае был в кратчайший срок построен социализм. Вот почему я так работаю здесь. А вы говорите, невыгодно...

Только теперь, когда отремонтированная турбина уже пятый год работает без перебоев, мы можем в полной мере оценить, как много дала нам ваша помощь, помощь советского инженера. Дело не только в турбине. Мне кажется, что вы, товарищ Чернышков, и не догадываетесь, сколько замечательных рабочих воспитали вы у нас на электростанции. Сам я за пять лет из простого рабочего стал начальником цеха.

Вот обо всем этом мне и хотелось напомнить вам, товарищ Чернышков. И еще хочу сказать, что, может быть, мы скоро увидимся. В будущем году меня хотят послать учиться в СССР. А пока еще раз сердечно поздравляю вас с великим праздником Октября!

ЛЮ ДЭ-ЧЖЕН

Кавалеру Золотой Звезды

Это письмо продиктовал нам немолодой высокий крестьянин. Он просил передать благодарность очень хорошему советскому человеку. Но мы не сразу могли догадаться, кому.

— Понимаете,— объяснял крестьянин,— он вроде и человек, вроде и нет. Мы его в кино видели. Знаете, еще танкистом он был, потом к себе в деревню вернулся и электростанцию построил.

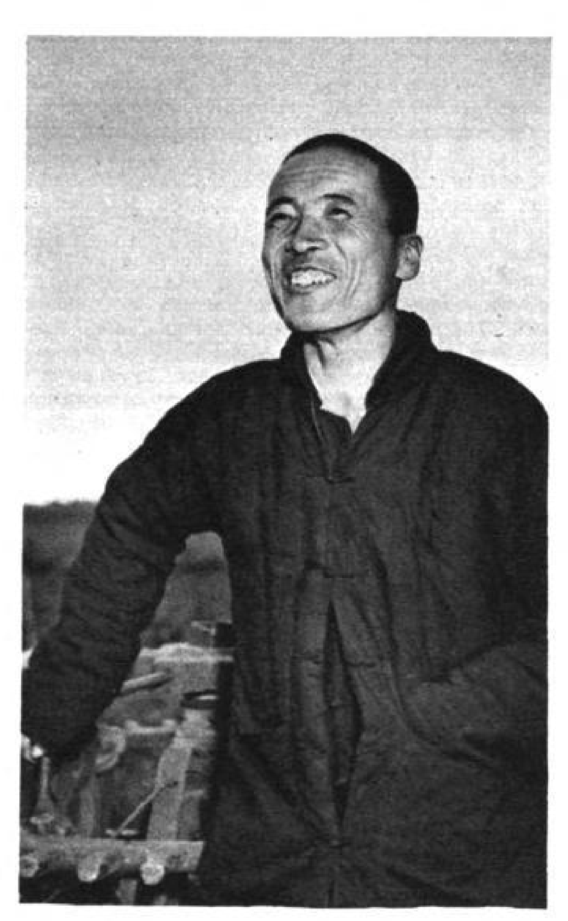
— Кавалер Золотой Звезды? Тутаринов? — догадались мы.

— Вот-вот, он! — обрадованно закивал наш собеседник.

Мы не стали его разубеждать. И поскольку крестьянин сказал, что стесняется своего корявого почерка, записали под его диктовку следующее:

«Зовут меня Лю Чан-лин, я из кооператива Хунгуан, деревни Сяохун. Деревня у нас большая: три тысячи человек. До освобождения на каждого в среднем приходилось по одной трети му. Все остальное у помещиков. Теперь у нас на душу два с половиной му.

Теперь еще. Построено триста сорок новых

От всей нашей деревни поздравьте кавалера Золотой Звезды! И поблагодарите!

домов. Так. Семьдесят бывших бедняков женились. Создали кооператив. Каждые десять дней кинопередвижка в деревне.

Когда все это было сделано, наши крестьяне решили: вот оно и есть, полное счастье и полная справедливость, дальше уже двигаться не к чему, успокоились. До того дошло, что кое-кто стал отказываться принимать в кооператив новых членов: мы, мол, свое счастье построили, пускай нам не мешают.

Конечно, не все так думали, но многие. А это большой вред. Начали их перевоспитывать. Рассказывали, что рано успокаиваться, надо еще лучшую жизнь строить. Ходили в госхоз, смотрели на машины, начали агитацию за постройку электронасоса. Но иногда человека бывает очень трудно с места сдвинуть.

И тут привезли в деревню кинокартину «Кавалер Золотой Звезды». И, знаете, картина помогла. Осенью этого года будет у нас электронасос для поливки, выделили средства на покупку грузовика и всякое другое. Вот за это я хочу передать от всех нас благодарность кавалеру Золотой Звезды. Ну, и, конечно, с праздником его поздравить».

Выдающийся китайский математик, профессор Хуа Ло-гэн написал в начале 1941 года ценную работу «Аддитивная теория простых чисел». Однако рукопись этого исследования не была опубликована при чанкайшистском режиме. Ее затеряли гоминдановские чиновники. К счастью, второй экземпляр рукописи был послан профессором в Советский Союз. Через некоторое время Хуа Ло-гэн получил телеграмму от академика И. М. Виноградова, в которой сообщалось, что эта выдающаяся работа будет переведена на русский язык и издана в СССР. На снимке: директор Института математики Академии наук КНР Хуа Ло-гэн со своими студентами.

Москва, академику Виноградову

Дорогой товарищ Виноградов! Разрешите мне, одному из ваших учеников в Китае, послать вам самые сердечные поздравления с праздником Октябрьской революции. Совсем недавно мы в Пекине встречались с академиком Петровским и вспоминали о вас. От него я узнал, что вы здоровы, успешно работаете, и я рад этому.

Должен вам сообщить, что после того, как вернулась из Москвы на родину делегация Академии наук Китая, многие предложения и советы, которые вы нам дали, уже проводятся в жизнь. Многие мои ученики с большим интересом изучают ваши труды. Для нас они пример служения народу, служения науке. Я сам лично двадцать лет назад по вашим работам начал знакомиться с советской наукой и за это выражаю вам огромную признательность.

Еще раз поздравляю вас. Прошу передать горячий привет моим друзьям из Института математики имени В. А. Стеклова.

ВАШ ХУА ЛО-ГЭН

237-й школе города Ленинграда

В пекинской начальной школе № 1, в 6-м классе, мы застали десятка два черноволосых мальчиков и девочек, сгрудившихся вокруг крепкого паренька с блокнотом и вечной ручкой. Собрание шло со всей деловитостью, на которую способны двенадцатилетние его участники. Обсуждался план письма ученикам 237-й школы Ленинграда.

— Я предлагаю начать с праздника... Мы должны рассказать о нашем празднике 1 октября.

— Кто же так делает? Сначала надо людей приветствовать. Хан-лун, запиши, пожалуйста: первым пунктом приветствуем людей.

— Но о празднике тоже надо, обязательно! Им будет интересно, как разные колонны по площади шли и как мы все смотрели на трибуну. Мне даже Линь все ноги отдавил, но об этом писать не надо, потому что я не обиделась...

— Слушайте, а как мы последнюю фразу напишем?

— Что это ты? Еще начала нет, а ты уже — конец.

— По-моему, прежде всего надо с ними поделиться нашим опытом...

— А какой у нас опыт? Мы же еще не взрослые!..

— Вот и надо сейчас начать делиться, а потом всю жизнь будем это делать. Всегда.

— Давайте расскажем про нашу метеостанцию.

— А что про нее рассказывать? Вот если бы мы погоду предсказывали, а то мы только... записываем.

— Ну, а когда же мы будем последнюю фразу придумывать?!

— Подожди, ты мешаешь... Предлагаю написать, как мы перевоспитываем лентяев!

— И еще нужно вот что: выразить надежду.

— Какую надежду?

— Ну, что мы надеемся получить скорый ответ.

— Я придумал!

— Что придумал?

— Последнюю фразу! «Жмем вашу руку!»

— Неправильно, лучше сказать: «Крепко жмем ваши руки».

— Пусть Хан-лун прочтет план с самого начала.

— Еще не кончили!

— А зачем ты поставил точку?.. Хотя это клякса.

— Очень длинное письмо получится.

— А давайте не писать насчет лентяев. Я к седьмому ноября совсем исправлюсь.

Но и без пункта о лентяях в плане оказалось около двадцати разделов, аккуратно разбитых на подробные параграфы. Опубликовать полностью письмо из-за объема не представляется возможным. Его получат школьники 237-й школы Ленинграда.

— Первым пунктом приветствуем людей! ↓

УЛИЦА В УТРЕННИЙ ЧАС

Главы из романа «Черная металлургия»

А. ФАДЕЕВ

Рисунок О. Верейского.

VII

Только что партия проследовавших один за другим сдвоенных вагонов подобрала народ, скопившийся на остановке, но от угла улицы Короленко, вдоль по проспекту Строителей, пересекавшему площадь, уже нарастала новая длинная очередь. Немного левее трамвайной остановки была еще остановка автобусов, но в этот ранний час утра она пустовала: автобусы шли, не останавливаясь, переполненные рабочими из поселка Степного и поселка имени Куйбышева в шести и в двух километрах от нового города.

Те, кому нужно было попасть в цехи, близко отстоявшие от ворот по ту сторону озера, или люди молодые, больше надеявшиеся на свои ноги, чем на городской транспорт, шли пешком по проспекту Строителей — прямо на солнце, бившее им в лицо.

В стороне от большой очереди построилась группа учеников ремесленного училища. Впереди стояли ребята первого года обучения, а позади к ним примкнуло несколько юношей-выпускников. Эти, хотя еще и не сняли формы, были уже почти самостоятельными работниками: по существующему положению они уже числились в штате цехов, где должны были перед выпускными экзаменами выполнить пробную работу и получить производственную характеристику. Они держались так, будто не имели отношения к группе учеников, но и не отходили далеко: организованным ремесленникам разрешалось садиться с передней площадки прицепного вагона.

— Смотри, Павлуша, — ваш Лермонтов! — воскликнула Васса внезапно подобревшим голосом и даже схватила Павлушу за руку.

И он тоже сразу узнал возглавлявшего группу учеников мастера производственного обучения Юру Гаврилова, когда-то учившегося в этом же пятнадцатом ремесленном вместе с Павлушей и Колей Красовским. Прозвище «Лермонтов» было дано Юре еще в то далекое время их ранней юности и теперь уже всеми было забыто. Но у Вассы и Павлуши вид Лермонтова сразу воскресил в памяти все их славное поколение окончивших ремесленные училища в сорок третьем военном году.

— Подойдем? — живо спросила Васса. — Очередь для нас займите! — закричала она Соне и спутникам ее, увлекая за собой Павлушу.

Впрочем, она тут же отпустила его руку и вместе с ним подошла к группе ремесленников с таким видом, как будто оказалась здесь случайно.

Юра Гаврилов, молодой человек спортивной выправки, но роста скорее низкого, чем среднего, одетый с небрежностью, в задранной на затылок кепке, в легкой ковбойке с расстегнутым воротом — все это, однако, шло к нему, — смотрел в ту сторону, откуда должна была появиться новая партия трамвайных вагонов.

Он смотрел с выражением сосредоточенным и независимым, как будто даже не вагонов он ждал, как будто не было ему дела ни до воспитанников, ни до громадной очереди, извивавшейся по широкому тротуару, ни до пешеходов на проспекте. Он не заметил, как Павлуша и Васса подошли к нему. Не быстро, как бы снисходительно, даже горделиво он повернул голову и вдруг узнал Вассу и побледнел.

Этого она от него не ожидала, она даже растерялась немного и несколько мгновений ничего не могла сказать. Она чувствовала на себе его взгляд, невольно и сразу ей открывшийся, как это и раньше бывало. Взгляд отразил его волнение, может быть, внезапную радость, оттенок надежды, а впрочем, было скорее что-то мужественно-печальное в этом его взгляде. Но Васса не могла уловить, что это было: она уклонилась от его взгляда.

Юра Гаврилов — за это его можно было уважать — овладел собой, и глаза его обрели обычное выражение независимости.

— Сам зайди и посмотри, коли совесть не потерял, — отвечал он на вопрос Павлуши, хорошо ли разместились мастерские и интернат в новом здании, предоставленном училищу на Заречной стороне.

— Да некогда все, знаешь, — сказал Павлуша, невольно смутившись под его прямым взглядом.

Вассе вдруг показалось, что она обидела Юру Гаврилова.

— А ты почему никогда не зайдешь к нам с Соней? Ты же ее знаешь, теперь ведь мы с тобой почти соседи, — заговорила она с добрыми интонациями в голосе. — Как только тебя увижу, сразу молодость вспоминается... Такое время тяжелое, война, а кажется, я никогда так полно не жила...

Ей уже нельзя было остановиться, потому что Павлуша внезапно оставил их с глазу на глаз. Среди ремесленников-выпускников оказался парень, зачисленный в бригаду Павлуши вторым подручным, Евсеев Илларион, попросту Ларя. Павлуша сам выбрал его среди ребят выпуска этого года, — у Павлуши была легкая рука, подручные у него не застаивались, а быстро шли в гору, — Чепчиков, Шаповалов, теперь будет Евсеев.

Ларя Евсеев, рослый, красивый, серьезный парень с синими глазами и сросшимися на переносице густыми светлыми бровями, даже вспыхнул весь, когда Павлуша подошел к нему и на глазах всего народа дружески потряс его за плечи.

— Ты знаешь, мне так нравится, что ты работаешь мастером в училище и кончаешь вечерний техникум, — какой это пример для всех нас! — говорила Васса. — Я сама так мечтаю учиться! Но станка я оставить не могу, у меня, как и у тебя, мама на иждивении, а меня так забили общественными обязанностями...

Она видела его высокий открытый лоб, русую прядь волос под задранным козырьком кепки, мягкий подбородок с неуловимой волевой складкой, нос с тонко вырисованными ноздрями, которые иногда чуть раздувались и опадали. Но глаза его в пушистых темных ресницах теперь все время смотрели мимо нее — с этим независимым выражением. Нет, он не был обижен на нее, она ясно видела это. Но ему совсем не нужно было ни ее добрых интонаций, ни похвал, ни этой притворной искренности, — он был горд, Васса знала это давно. Она почувствовала облегчение, когда показался вдали вагон трамвая.

Сопровождаемая Павлушей, она шла вдоль очереди с высоко поднятой головой, как всегда, когда на нее смотрели люди, но сердце ее полно было жалости и грусти. Да, Лермонтов... Его прозвали так не только за стихи — больше за характер. Его влияние на товарищей, а теперь на ребят — учеников — было неотразимо, хотя он не вкладывал в это никаких усилий. У него просто была сильная душа, и он был талантлив во всем, за что бы ни брался. Как сталевар он шел вначале даже впереди Павлуши. Они вместе окончили двухгодичные курсы мастеров без отрыва от производства, но вдруг у Гаврилова начало сдавать сердце, и ему пришлось уйти с печи. Сказалось его тяжелое детство. Его мать, работавшая на торфоразработках где-то во Владимирской области, была оставлена отцом, когда сыну не исполнилось и года. Васса помнила, как он появился в «Шестом западном». Он сразу показал себя хорошим товарищем, но так никогда и никому не открыл своего сердца. Его трудно было вывести из себя, но все знали, что лучше его не задевать. Он любил играть в карты на деньги и всех обыгрывал, а потом швырял деньги на стол и говорил:

— Разбирайте каждый свои!..

Он научил ребят завязывать на человеческом волоске узелок и развязывать, не прибегая к помощи пальцев.

А потом это все схлынуло с него, никто даже не заметил, когда и почему совершилась в нем эта перемена; одна Васса догадывалась. Он вступил в комсомол почти вслед за ней. Но в партию он вступил раньше нее.

Васса понимала, как ему не повезло, что она так и не смогла полюбить его. Иногда она так жалела его за эту неразделенную любовь к ней, что, казалось, готова была даже поступиться собой...

Она не выдержала и оглянулась. Конечно, Юра не смотрел ей вслед. Сдвоенные трамвайные вагоны подошли к остановке. Васса видела, как ремесленники ринулись на переднюю площадку прицепного вагона и втискивались между людьми или устраивались на подножке. Юра Гаврилов — все-таки ему следовало бы быть побольше ростом, например, как Евсеев, — повис последним, держась обеими руками за поручни; трамвай тронулся... Нет, кажется, она, Васса, утратила всякую гордость... Васса шла и смеялась и что-то кричала людям, приветствовавшим ее из очереди.

VIII

Трамвайный вагон, везущий на работу рабочий люд, — это филиал все того же уличного клуба. Как ни странно, но в эти часы наиболее устойчивый контингент именно в этом филиале. Контингент этот только растет, но не убывает. Ни одна хозяйка, ни один ученик средней школы, ни один рабочий человек, которому не нужно спешить в очередную смену, не поедут в эти часы на трамвае на базар, по делу, в гости, в школу, если только это не поездка в другой конец города: только намучаешься, уж лучше пешком пойти! На всем пути следования трамвая публика почти не сходит, а только входит. Как же она размещается? Она уплотняется. Каков же предел уплотнения? Предела нет — по потребности!

Люди начинают сходить у ближайших заводских ворот, потом они сходят уже у каждых ворот, и, когда остаются позади последние ворота, вагон почти пуст. Но этим уже некому воспользоваться, трамвай идет обратно. Город сильно разбросан, но если взглянуть на него с самолета, можно обнаружить в этом и свой порядок: город лежит полукружием вокруг гигантского завода, вытянувшегося вдоль озера. Новый город на Заречной стороне, когда он будет закончен строительством, образует другое полукружие, но уже по другую сторону озера. Озеро это искусственное, оно образовано плотиной на реке Каратемир, что значит «Черное железо». Люди назвали так реку в те времена, когда они видели и, может быть, даже добывали руду, лежавшую на поверхности, окисленную темную руду — мартит.

Трамвай, подобравший Павлушу, Вассу и всю их компанию, пересек площадь имени Ленинского комсомола и, пройдя еще несколько минут по этой возвышенной части города, начал спускаться к Набережной улице.

По неписанному и глубоко человеческому закону, люди, висевшие на подножках, постепенно взобрались на площадки, а те, что были на площадках, протиснулись в вагоны.

Павлуша тоже половиной ступней был уже на площадке. Чтобы не упасть, ему пришлось

Окончание. См. «Огонек» №№ 42, 43 и 44.

просунуться немного вбок и упереться одной лопаткой в стенку. И он сразу стал не просто участником, а первым лицом в разговоре, который начался до него.

На площадке говорили о болезни директора комбината Сомова.

— А вот Павлуша, — сказал Гамалей, — он, наверно, нам лучше скажет... Где сейчас Иннокентий Зосимович, как он?

Всем известна была слабость директора комбината к мартеновским цехам, — они были детищем Сомова и лучшим его детищем. Павлуша знал о директоре не больше, чем знали другие, но он понял, что должен теперь все это повторить.

— Он в Кисловодске, — сказал Павлуша. — Если разрешили выехать, значит, ему лучше.

— Что же с ним было все-таки? — спросил незнакомый Павлуше старый рабочий с лицом того темного цвета, который день за днем и год за годом незаметно откладывается на лицах людей, десятки лет работающих на горячем производстве.

— Сердце! — сказал Крутилин.

— У нас так рассказывают: он принимал очередной рапорт из цехов и вдруг опустился без сознания, — сказал Павлуша. — Хорошо, что Арамилев, парторг, был тут, не растерялся, сразу кнопку секретарю, а сам в трубку, спокойно, чтобы паники не поднимать: «Иннокентия Зосимовича срочно Москва вызвала, обождите, рапорт будет принимать Бессонов». И тут же по городскому — врача, а сам кинулся ему галстук снимать, освободил грудь, чтобы легче дышать. Правда, он скоро пришел в себя, хотел встать, но ему не дали, перенесли на диван.

— Переработка, конечно, — сказал Гамалей.

— Что у него определили, я этого не знаю, — продолжал Павлуша. — Ивашенко, главный сталеплавильщик, раньше ведь он был у нас во втором мартеновском, так рассказывал: его хотели специальным вагоном отвезти в областную больницу, но он отказался и остался дома. Он не верил, что с ним что-нибудь серьезное, привык быть здоровым, да ведь силища-то какая! — сказал Павлуша с восхищением. — Один раз он всех обманул все-таки, оделся, хотел поехать на завод, а шофер у него ездит с ним уже лет пятнадцать, отказался везти. Он даже накричал на него. «Уволю тебя!..» «Увольняйте, — говорит, — а я не повезу...»

— Нам его потерять нельзя, — сказал старый рабочий, — его печать на всем, что мы тут сделали...

Павлуша, который начал рассказывать только потому, что был вызван на это, вдруг понял, что старый рабочий сказал правду. Павлуша подумал о том, что его личный путь на производстве и даже в жизни мог бы и не быть таким путем, если бы Сомов среди больших своих дел не помнил о нем. И все на площадке заговорили о том же и начали приводить примеры, каждый из своей работы и жизни.

Никогда так не проверяется ценность руководителя-работника, с деятельностью которого связана работа и жизнь десятков и сотен тысяч людей, как в то время, когда перед ними встает возможность по тем или иным причинам расстаться со своим руководителем.

Та оценка работника-руководителя, которую он чаще всего получает непосредственно или через чужие уста от сравнительно узкого круга окружающих и часто подчиненных ему людей, не может являться действительной оценкой его места в жизни. Как часто передвижение такого работника с одного места на другое долгое время остается даже неизвестным ни тем десяткам и сотням тысяч людей, которых он покинул, ни тем, к которым прибыл!

Много уже времени спустя где-нибудь в таком же неофициальном клубе вдруг возникнет разговор между двумя или тремя:

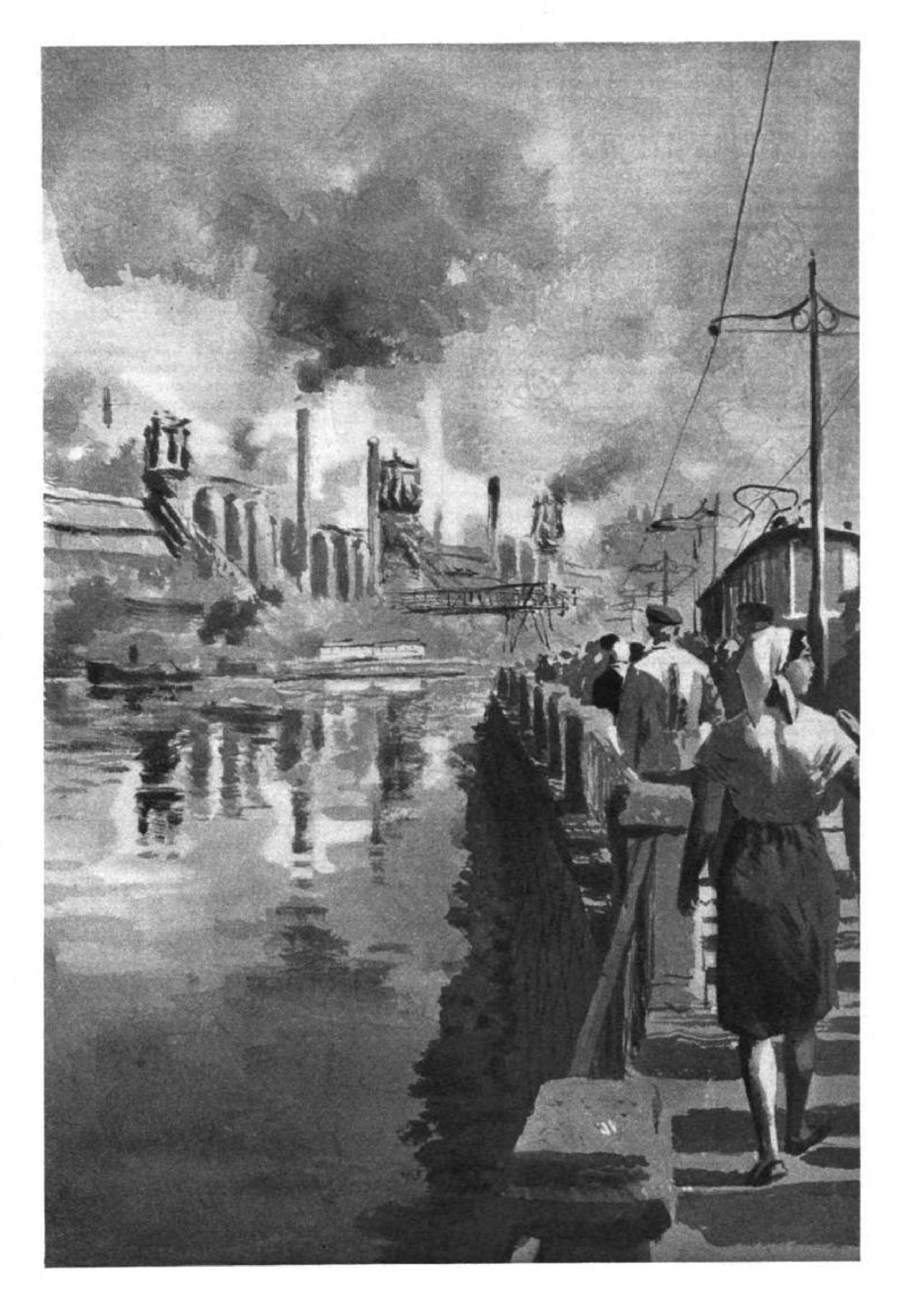
— А у нас, оказывается, новый директор!

— А ты не знал?

— Куда же того-то дели?

— А кто же его знает, перевели куда-то.

Заслужить то, чтобы заговорили о тебе десятки и сотни тысяч, можно только в двух случаях: если ты настолько дурно работал и так этим напортил, что люди не в силах удержаться от выражения удовлетворения справедливостью той власти, которая тебя наконец убрала; и

если ты работал так хорошо, что твоя деятельность оставила реальный след в жизни десятков и сотен тысяч людей, когда каждый участник общего труда понимает, что без тебя это могло быть и не сделано или было бы сделано хуже.

Вот такое чувство было сейчас в душах людей, обсуждавших во многих и многих неписанных клубах болезнь Сомова.

Все, что на протяжении последних полутора десятков лет было создано в Большегорске усилиями десятков и сотен тысяч людей, во всем этом была доля Иннокентия Сомова. Да, ему до всего было дело!

Люди знали об этом и переживали его болезнь, как свою. Если бы он мог это слышать!

Скрежеща тормозами и вызванивая себе дорогу, трамвай развернулся по широкой петле и выехал с проспекта Строителей на Набережную улицу к остановке. Здесь уже не было такого напора людей, стремившихся попасть на трамвай: до завода было уже недалеко. По Набережной густо шел народ по направлению к дамбе, и среди народа медленно продвигались сдвоенные трамвайные вагоны — те, что прошли раньше.

Вагоны были обращены теперь к заводу той стороной, с которой садились люди. И хотя люди, заполнявшие вагоны, ежедневно совершали этот путь и ежедневно перед ними открывался все тот же вид, разнообразившийся только от времени дня или ночи да от погоды в разные времена года, не было человека, который не сделал бы усилий, чтобы поверх или между голов других снова и снова взглянуть на развернувшуюся перед глазами панораму завода.

Для здешних мест не редкость солнечные дни, тем более солнечные утра в средине лета. Но здесь редко не бывает ветров — они вздымают пыль над городом, над заводом, над рудником, особенно там, где ведутся разработки, строятся новые цехи или жилые здания. Ветер не уносит, а рассеивает и перемешивает дым, пыль, сажу над всей огромной территорией, и в пелене, затмевающей небо, движется мерклое круглое солнце, на которое можно смотреть.

Но утро этого дня было особенным утром. Завод был весь залит солнцем. Он растянулся на несколько километров по берегу озера, отражавшего и завод с его дымами и небо над ним.

Трудно назвать другое производство, которое производило бы такое мощное впечатление, как крупное металлургическое производство. Здесь даже корпуса обычных цехов, не говоря уже о таких, как мартеновские или прокатные, поражают воображение своей громадностью и протяженностью.

Но особенность пейзажу придают черные великанши-домны с их беспрерывно работающими подъемными механизмами, с их куполами, оснащенными коленчатыми трубами газоотводов и пылеуловителей, напоминающими сочленения бронированных колец какого-то допотопного змея, и постоянные спутники домен — кауперы-воздухонагреватели, стройные, цилиндрические, увенчанные куполами гармоничной формы. Округлые стены циклопических силосных башен с углем отливают на солнце. Надземные легкие галереи кажутся висящими в воздухе. Гигантские портальные краны углеподготовки и изящные башенные краны на строительстве новых домен ажурно вырисовываются своими плетеными конструкциями в голубом небе. Серая железобетонная труба на новом блоке коксовых батарей заканчивается строительством, и две девчонки, кажущиеся отсюда букашками, возятся на самом верху ее, свободно передвигаясь по деревянному подвесному помосту-ободу без всяких перил. Снуют поезда, и слышен зов паровозов. Синяя вспышка автогенной сварки озаряет окна. И потоки шлака из опрокинутых вагончиков-чаш стекают по откосу берега, как золотые реки.

В безветренном воздухе дымы восходят столбами над десятками труб. Одни дымы извергаются мощными клубами, другие вздымаются тихо и медленно, как легкие испарения, третьи сочатся тонкими струями, как от сигар, четвертые можно заметить только по вибрации горячего воздуха. Дымы восходят к небу, сохраняя свою окраску, даже когда они смешиваются где-то там, в небесной вышине,— это целая симфония дымов — черных, темнобурых, желтоватых, белых, коричневых, голубоватых. И вдруг среди них над тушильной башней кокса взлетает вспышкой веселое, ослепительно белое, сверкающее на солнце облако пара!

Трамвайные вагоны, вытянувшиеся цепочкой, свернули с Набережной на дамбу и двигались через озеро в сплошном потоке мужчин, женщин, юношей, девушек, катившемся по направлению к заводу.

Есть что-то величественное и прекрасное в этом ежедневном проявлении воли, сознательности и организованности многих тысяч людей. К восьми, к четырем, к двенадцати, ранним утром, днем, ночью возникает на улицах этот поток рабочих и работниц. Все люди разные, все со своими слабостями и сильными сторонами, у всех свои неотложные заботы, беды, свои радости — у тебя умер близкий, ты не сможешь попасть сегодня со своей любимой в загс, тебе необходимо обшить и обуть детей, а ты просто с похмелья,— но все идут в свою смену в великом потоке трудового братства: в восемь, в четыре, в двенадцать ты встанешь на свое место и будешь выполнять свой долг, кто бы ты ни был. Можно понять, почему партия коммунистов родилась в рабочем классе.

Ежедневный поток тысяч людей, спешащих к труду, — там, где труд стал или становится владыкой мира, — это не только выражение дисциплины и организованности, это символ новой государственности. Каждый человек, попадая в этот поток, несет в себе ее частицу. Он совершает этот путь ежедневно и ежедневно чувствует себя частью государства. Правда, в эти минуты он редко думает об этом и еще реже говорит об этом. Чувство это выражается в том неуловимом подъеме, непринужденном веселье и взаимном доброжелательстве, которое сопровождает ежедневное движение масс на работу.

И это чувство испытывал сейчас Павлуша, как всегда, когда ему предстояло принять печь на ходу и сразу найти способ, как заставить ее работать по-своему, чтобы она не заставила его плестись за ней.

ЭТО — И НАШ ПРАЗДНИК

Франческо Антонуччи — рабочий кирпичного завода. Ему пятьдесят пять лет, живет он в небольшом предместье Рима, которое носит весьма выразительное название — «Долина ада». Название, надо сказать, соответствует этому району трущоб. Соседний же район зовется «Кореей». Разумеется, в регистрах коммунального хозяйства Рима он значится по-другому — это сами обитатели дали ему такое прозвище: как только местные фашисты пытаются поднять голову, им достается так, как доставалось заокеанским агрессорам в Корее.

У Франческо девять детей. Спросите у него, давно ли он работает на кирпичном заводе, он ответит: «С тех пор, как себя помню». Потом добавит: «С шести лет». С тех пор он выдал из обжига десять миллионов кирпичей; если бы их уложить в ряд, это покрыло бы расстояние от Рима до Москвы. Из этих миллионов кирпичей были построены сотни домов, но Франческо Антонуччи все еще живет в старом бараке. Его заработка всегда едва хватало, нечего было и думать о доме, хотя в течение многих лет приходилось работать по двадцать часов в сутки.

Антонуччи — солдат первой мировой войны. О падении русского царизма и затем о победе Октябрьской революции он узнал, находясь в казарме Питралага.

— Помню, — говорит со светлой улыбкой Франческо,— как мы, солдаты, тогда веселились: это могло ускорить конец войны! Но лично я был обрадован и по другой причине: с того дня, как в России власть перешла в руки рабочих и крестьян, надежда на освобождение засияла и для нас, итальянцев...

Да, он, Франческо Антонуччи, кое-что сделал в меру своих сил в защиту молодой Советской республики. Он был участником многих забастовок рабочих Италии против военного похода империалистов на Россию. В 1920 году забастовка длилась 54 дня. На кирпичном заводе Франческо и его товарищи бастовали под лозунгом «Руки прочь от Советской России!».

Он не прекратил этой борьбы и тогда, когда в Италии установилась фашистская тирания. Антонуччи вспоминает, что в те годы он всегда старался пройти вместе с друзьями мимо советского посольства в Риме, на улице Гаета.

— Я шел туда, чтобы взглянуть на красный флаг,— говорит Франческо и добавляет:— Правда, как правило, фашисты меня сажали в тюрьму за несколько дней до Октябрьского праздника и отпускали через несколько дней после этой даты...

Особенно запомнился нашему собеседнику день 7 ноября 1932 года.

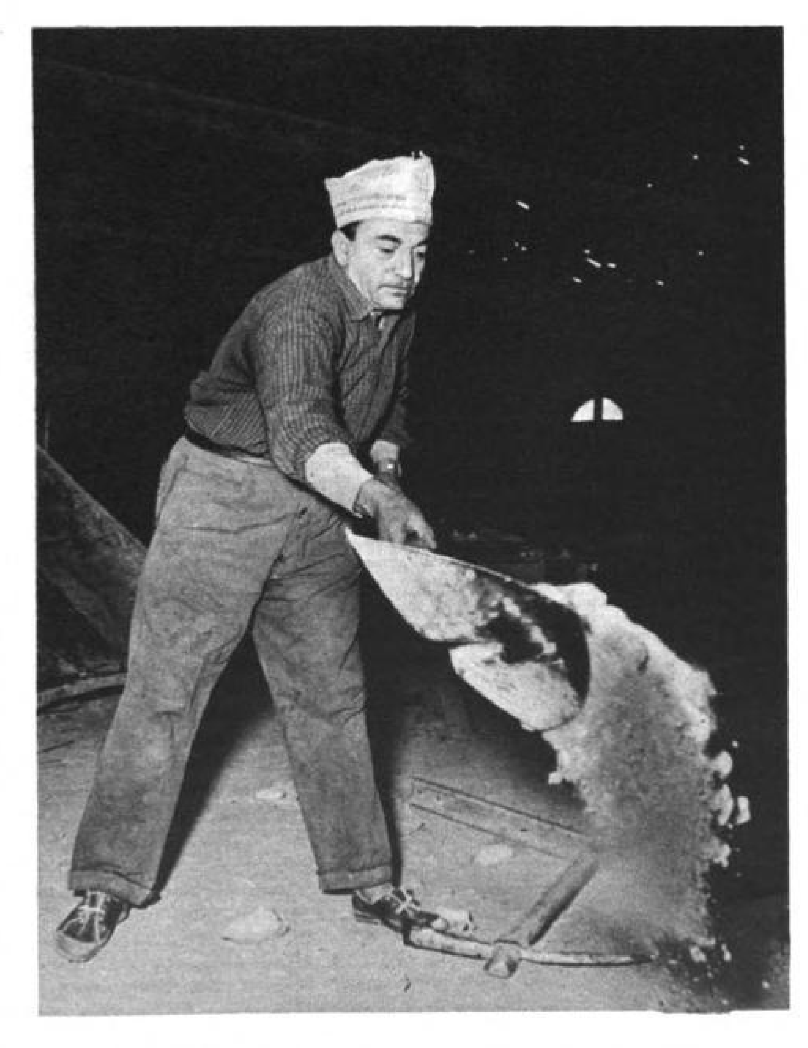
— Я сидел тогда в шестом коридоре тюрьмы Реджина Чели,— рассказывает Франческо.— В тюрьме было несколько десятков политических заключенных. Я только собирался привести в порядок свою кровать, как раздался громкий голос, певший «Интернационал». У меня захватило дух; вскоре к неизвестному певцу присоединились другие товарищи. Запел и я. И вот уже весь шестой коридор хором поет гимн трудящихся всего мира. Так отпраздновали мы в тюрьме ту годовщину Октября...

Но все это — уже далекое прошлое. После разгрома фашизма Антонуччи, как и все другие честные итальянцы, может отмечать праздник трудящихся — 7 ноября — открыто, под лучами итальянского солнца. Франческо участвует в народных демонстрациях, посвященных этой дате, вместе со своей семьей и попрежнему направляется на улицу Гаета.

— Но самые приятные часы,— восклицает Антонуччи,— наступают для нас тогда, когда вечером всей семьей, взрослые и дети, мы собираемся за столом и поем за ужином революционные песни! Так празднуют Октябрь и другие рабочие семьи.

— А в этом году?

— А в этом году будет, как и в прошлые годы. Мы отправимся на демонстрацию, которую организует компартия, а вечером сварим четыре килограмма макарон, купим столько же хлеба, фляжки две вина, немного мяса — все, что можно себе позволить на мой скудный заработок... И, как и в прошлые годы, поужинав, будем петь «Интернационал» и другие революционные песни. Если пожелаете, приходите, мы вас приглашаем. Там, где едят одиннадцать человек, хватит и для тринадцати. Вы услышите замечательный хор: вся «Долина ада» будет петь песни в честь первой победы рабочих и крестьян, за которой придет, надеемся, и победа нашего народа!

Франческо Антонуччи у своего рабочего места.

Альберто ЯКОВЬЕЛЛО,
Рикардо МАРИАНИ

Рим.

С. Кириченко. ИЗБРАННИКИ НАРОДА. ДЕПУТАТЫ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА В КРЕМЛЕ. Панно. Главный павильон ВСХВ.

С. Отрощенко. ПОДНЯТИЕ ЦЕЛИНЫ. Панно. Главный павильон ВСХВ.

ИМЕНИ ГЕРОЕВ ОКТЯБРЯ

Многим заводам и клубам, школам и больницам, площадям и улицам столицы присвоены имена героев, отдавших свою жизнь в октябрьские дни 1917 года за великое народное дело. По словам Маяковского, они воплотились «в пароходы, в строчки и в другие долгие дела». Подвиги этих героев и поныне воодушевляют советских людей, свято хранящих память о борцах революции.

Василек

Москва. Октябрь тысяча девятьсот семнадцатого года. Город охвачен восстанием. Красная Гвардия сжимает кольцо вокруг Кремля. Ожесточенные бои на Остоженке и Пречистенке. Юнкера простреливают улицы из пулеметов. Дождь льет не переставая. Наспех вырытые окопы залило, и красногвардейцы лежат в грязи и воде. Среди них — тринадцатилетний мальчик, сын кузнеца Андреева, рабочего завода Михельсона. Красногвардейцы звали его Васильком.

Случайно мальчик уронил винтовку за баррикаду. Он решил достать ее, выскочил на бруствер и упал в окоп с четырнадцатью пулевыми ранами...

На третий день после победы умирающего навестили товарищи. Он спрашивал:

— Ну как? Взяли штаб? Разбили юнкеров?

...Завод Михельсона стал заводом имени Владимира Ильича. Его продукция — генераторы, электродвигатели для экскаваторов известны во всех уголках нашей Родины, в Китае, в Индии и в других странах.

Накануне тридцать седьмой годовщины Октябрьской революции заводской комитет обсуждал, как проходит предпраздничное соревнование. Лучшей молодежной бригаде было решено присвоить имя Андреева. Все единодушно сошлись на том, что почетного наименования достойна бригада укладчиц моторосборочного цеха — Валентина Соколова и Тамара Полетаева. Теперь эту бригаду называют андреевской.

История нескольких улиц

От завода имени Владимира Ильича до Стремянного переулка одна троллейбусная остановка. Московский институт народного хозяйства имени Г. В. Плеханова помещается в огромном здании бывшего Коммерческого института.

В аудитории висит большая фотография черноволосой девушки в белой кофточке, в пенсне. Это Люсик Лисинова, курсистка Коммерческого института. В один из предпраздничных вечеров студенты первого курса встретились с сестрами Люсик — Анаид Артемьевной и Анной Артемьевной. На вечер пришли участники московского вооруженного восстания, персональная пенсионерка Полина Степановна Игнатьева и Дмитрий Иванович Рудаков, до сих пор работающий комендантом института.

Имя и фамилия юной большевички-подпольщицы так слились воедино, что улицу, которая проходит неподалеку, назвали Люсиновской. Сестры Люсик рассказали студентам о ее детстве, о ее дружбе с Еленой Дмитриевной Стасовой, под влиянием которой девушка стала революционеркой. Люсик была одним из организаторов союза рабочей молодежи «Третий Интернационал».

Когда отряд Красной Гвардии Замоскворечья натолкнулся на упорное сопротивление юнкеров, оборонявших штаб Московского военного округа, сюда пришла Люсик Лисинова. Вместе с ней подбирала раненых Полина Степановна Игнатьева. Недалеко от окопа, в котором лежал Дмитрий Иванович Рудаков, в час дня 1 ноября Лисинова была убита.

Рабочие завода Михельсона хоронили ее как солдата, с воинскими почестями, до кремлевской стены гроб несли на винтовках.

Люсиновская улица — бывшая Малая Серпуховская. Здесь, как и почти на каждой московской улице, можно увидеть вчера, сегодня и завтра нашей столицы.

Вчера — небольшие домики в один и два этажа или с мезонинами. Среди них — желтый особнячок под номером 26. Мемориальная доска: тут в семнадцатом году помещался комитет РСДРП(б) Замоскворецкого района.

Сегодня — безукоризненный асфальт мостовой, квадраты обнаженной земли на тротуарах, откуда тянутся кверху молодые липы; автобусы-экспрессы линии Москва — Симферополь, научно-исследовательский институт, школа, многоэтажный универмаг, жилые корпуса.

О завтрашнем дне этой магистрали говорят высокие башенные краны. Новые дома располагаются в глубине от теперешних тротуаров, намечая прямой, как стрела, проспект шириной в шестьдесят метров.

Люсиновская улица вливается в Добрынинскую площадь. Эта площадь носит имя двадцатитрехлетнего токаря телефонного завода Петра Добрынина. Он командовал отрядом, в котором сражалась Лисинова.

По приказу Добрынина на грузовике, захваченном у белых, привезли с ткацкой фабрики кипы с хлопком. Часть кип сбрасывали на мостовую, и красногвардеец, катя перед собой легкий, непробиваемый пулями ком, подползал вплотную к позиции белых. Затем грузовик разворачивался и начинал атаку задним ходом. В кузове за толстой стеной хлопка прятались бойцы. Еще минута — и грузовик подъезжал вплотную к вражескому окопу. На головы растерявшихся юнкеров летели гранаты.

Продвижению отряда мешал вражеский пулемет. Чтобы уничтожить его, раненный в плечо Добрынин с группой смельчаков

Бригаде Валентины Соколовой (слева) и Тамары Полетаевой присвоено имя Андреева.

В гости к студентам Московского института народного хозяйства имени Г. В. Плеханова пришли герои Октябрьских боев. Вместе с ними пришли и сестры Люсик Лисиновой. Справа налево: П. С. Игнатьева (стоит), Анна Артемьевна, Д. И. Рудаков и Анаид Артемьевна.

Добрынинская площадь.

В детской библиотеке имени Войтовича.

предпринял обходный маневр по 3-му Зачатьевскому переулку.

Высокий серый дом № 13/12. Здесь Петр Добрынин был смертельно ранен. Как раз в сотне метров от Всеволожского переулка, где погибла Люсик Лисинова...

Добрынинская площадь — центр Замоскворечья. Есть тут клуб, станция метро, универмаг и неподалеку филиал Государственного академического Малого театра. Улица Добрынина соединяет Добрынинскую площадь с Октябрьской.

Крымский мост. Широкой и легкой лентой перекинулся он через Москву-реку. Даже в осеннее ненастье мост выглядит торжественным и праздничным благодаря светлой серебристой окраске, ярким молочным плафонам фонарей и двум многослойным гирляндам клепаной стали, на которых подвешено все это гигантское сооружение.

— Тогда был другой мост, узенький и как бы с крышей,— вспоминает Полина Степановна.— Освещался он тусклыми фонарями, и первые выстрелы красногвардейцы сделали по их стеклам. Уже в кромешной темноте выкатился отряд на Крымскую площадь, завязал бой за провиантские склады.

К бывшей Остоженке, ныне Метростроевской, примыкает Померанцев переулок. Название этого переулка и мемориальная доска на одном из корпусов бывших провиантских складов напоминают, что во время боев на помощь Красной Гвардии из Хамовников пришли революционно настроенные солдаты 193-го полка. Здесь ротой командовал прапорщик Померанцев, геройски погибший рядом с рабочим Добрыниным, курсисткой Лисиновой и мальчиком Андреевым.

Не случайно и ныне встречаются в одном районе четыре этих имени...

Имени Войтовича

«Войтович Василий Ермолаевич
1891—1917
Работал на заводе молотобойцем. Принимал участие в аресте царя в мартовские дни. Погиб в октябре 1917 года на баррикадах в Москве, на площади Ногина, от разрывной пули».

О герое штурма Кремля известно не многим больше, чем сказано в подписи к портрету, который висит в клубе Московского вагоноремонтного завода имени Войтовича. Родом из далеких краев, Войтович незадолго до революции пришел в курские вагонные мастерские с германского фронта и не успел рассказать товарищам подробностей своей биографии. Осталась лишь случайная фотография, с которой художник и нарисовал портрет. Старые рабочие подтверждают, что копия полностью отвечает оригиналу. Молодой солдат с расчесанными русыми усами в серой папахе и шинели смотрит прямо на вас, заложив за борт правую руку...

Имя Войтовича известно каждому школьнику Первомайского района: оно присвоено районной детской библиотеке. Здесь берут книги пять тысяч учеников семнадцати школ. Здесь устраивают читательские конференции, встречи с писателями. Библиотека стала родным домом для ребят, и, даже «выйдя из возраста», они не теряют с ней дружеских связей.

Мы — щербаковцы...

Московский шелкоткацкий и красильно-отделочный комбинат носит имя большевика, погибшего в первые дни революции в Москве, Петра Щербакова.

В 1915 году Петра Петровича Щербакова арестовали вместе с товарищем В. М. Молотовым и сослали в Иркутскую губернию. И вот — Октябрьская революция. Петр Петрович, секретарь одного из московских райкомов партии, погиб в Лефортове при штурме кадетских корпусов, когда хотел спасти своего товарища...

С гордостью показывают щербаковцы свое предприятие — одно из лучших в нашей текстильной промышленности. Оно оснащено совершенным отечественным оборудованием.

— Мы — щербаковцы, — говорят рабочие комбината.— Это наш щербаковский креп, это наши щербаковские ясли, наш щербаковский техникум, наши щербаковские жилые корпуса...

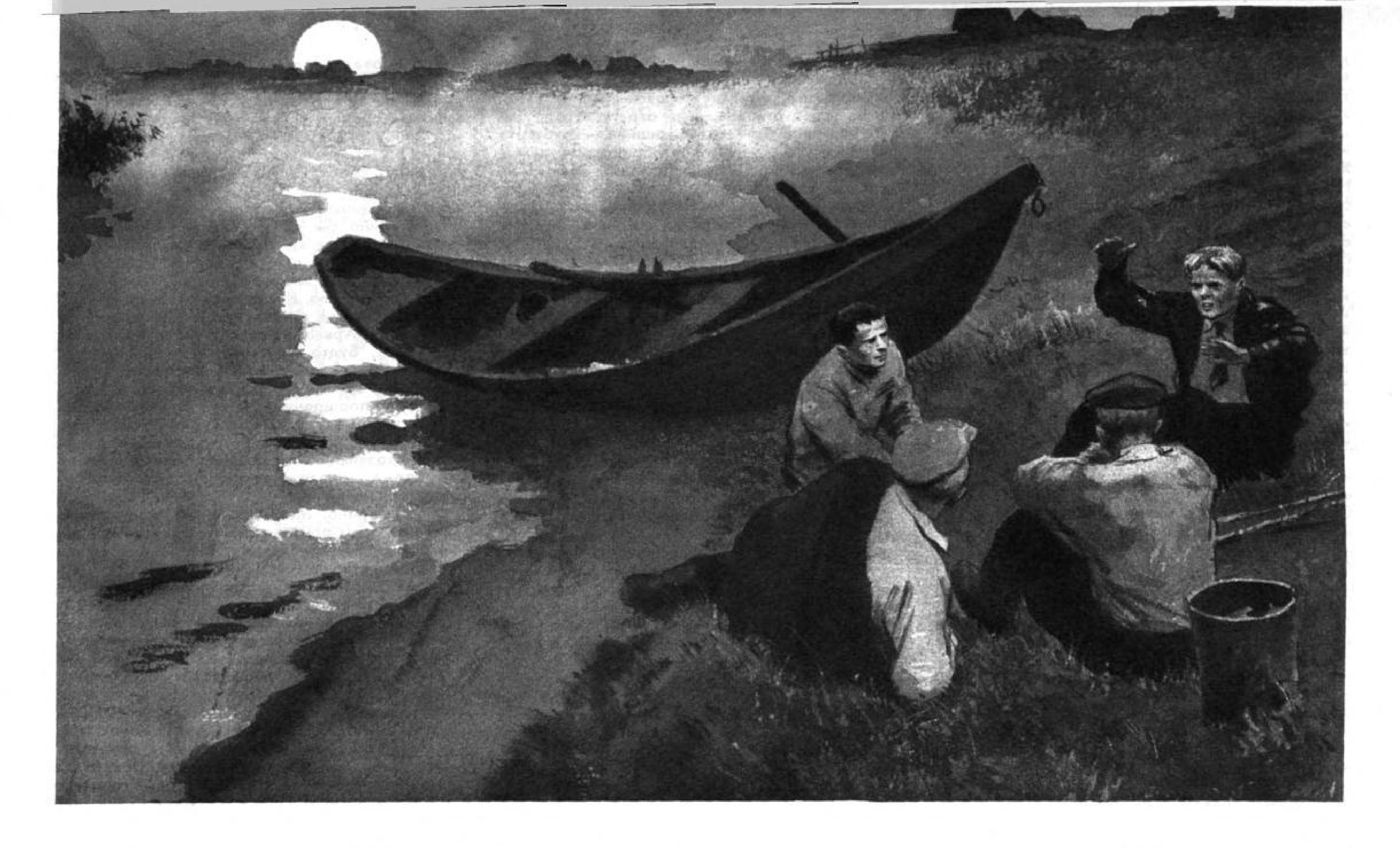
* * *

Вместе со всей страной 37-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции празднуют рабочие щербаковского комбината и завода имени Войтовича, молодежь из андреевской бригады. Колонны демонстрантов пройдут по Добрынинской площади и Люсиновской улице. Жива, неугасима память о героях Октября, о людях, которые под знаменем Коммунистической партии боролись за счастье народа, построившего социализм, уверенно идущего вперед, к окончательной победе коммунизма.

В. ПОЛЫНИН.
Фото Я. РЮМКИНА и Г. САНЬКО.

Самый молодой щербаковец.

ХРАБРОСТЬ

Рассказ

Борис ПОЛЕВОЙ

Рисунок О. Верейского.

Клев прекратился, но летний вечер был так тих, так хорош, отблески заката так задумчиво багровели на потемневшей и точно бы загустевшей воде, а с соседнего луга так аппетитно потянуло терпкими запахами подсыхающего сена, что никому не хотелось уходить. Смотали удочки и улеглись на посеревшей от росы траве. Рыба судорожно всплескивала то в том, то в другом ведерке. Ленивая волна тихо пошлепывала о днище полувытащенной на берег лодки, и только этот мелодичный звук перебивал надсадное верещание кузнечиков.

В такой вечер хорошо думается. Должно быть, поэтому разговор и шел между рыболовами на темы отвлеченные, общечеловеческие. Спорили о храбрости.

Маленький нервный человек с жесткими, точно проволочными, волосами цвета воронова крыла, подмастер с текстильной фабрики, у которого даже тут, на рыбалке, на выцветшей гимнастерке пестрели ленточки орденов, настолько, впрочем, засаленные, что цвет их трудно было уже различить, уверял, что храбрость — это от рождения, и все принимался рассказывать действительно необычайные боевые приключения какого-то своего приятеля, разведчика, о котором он повествовал с таким смаком, что собеседникам невольно думалось, будто речь шла о нем самом.

Другой рыболов, инженер с металлургического завода, человек грузный, малоподвижный, молчаливый, заявил, что думать так не диалектично, что храбрость — субстанция надстроечная, и воспитывается она средой. В подтверждение он рассказал, как в дни войны понадобилось вдруг срочно произвести ремонт еще не вполне остывшего мартена, как ремонтники в страхе остановились у разверстого жерла, из которого еще несло обжигающим жаром, и как один коммунист, обмотавшись мокрым брезентом, полез в печь и, начав там работать, примером своим увлек остальных.

Третий собеседник, черный, как жук, с белками глаз кофейного оттенка и резким ястребиным профилем, точно бы отлитым из темной бронзы, сказал, что все — дело случая. Бывает, когда мужественный парень труса отпразднует и когда вовсе пустой человек храбрецом объявится. Похлопывая таловым прутом по голенищу сапога, он не без юмора вспомнил, как в позапрошлом году в их колхозе пожилая доярка, тетка сырая, рыхлая, боявшаяся лягушек и мышей, однажды, застав у телятника матерого волка, приняла его за собаку и так огрела подвернувшимся под руку ведром, что тот вылетел из ворот, разогнав по пути троих дюжих парней из плотничьей бригады...

— Ну а вы что на сей счет скажете? — спросил инженер, обращаясь к четвертому рыболову, невысокому, крепко сбитому русоголовому человеку в кожаной летной куртке, в военных штанах и болотных сапогах, что лежал, по-богатырски развалясь на спине, покусывал травинку и, не вмешиваясь в беседу, следил, как в потемневшем небе одна за другой загораются острые, колючие звезды.

— Кто-кто, а уж вы, товарищ полковник, толк в этом знаете, — поддержал ткацкий подмастер с орденскими ленточками на гимнастерке.

В голосе его зазвучала та дружеская официальность, с какой ветераны обращаются к офицерам.

— Верно, Андрей Ликсеич. Уж сколько рыбы с вами переловлено, сколько ухи вместе съели, и хоть бы раз вы что о себе рассказали! Эдакий выдающийся человек, памятник вам живому где-то стоит, и ничегошеньки мы о вас не знаем.

Человек, которого называли полковником, сел, сердито скомкал и отбросил травинку, которую мгновение назад так безмятежно жевал. Чувствовалось, что уже много раз слышал он такие просьбы, что они ему неприятны — то ли по свойству характера, то ли потому, что это ему уже давно надоело.

— Вон, вон звезда красноватая. Марс. Говорят, там есть живые существа и будто оттуда снаряд с атомным двигателем и с пассажирами до нас долетал... В Сибири упал. Тунгусский метеорит... А ведь, черт его знает, может быть! Во всяком случае, забавная гипотеза.

Он явно уводил разговор в сторону. Но не тут-то было. Никто и не взглянул на бархатное небо, где сверкала звезда, с которой якобы падают атомные снаряды. Друзья по рыбалке уже сидели вокруг полковника, и все трое смотрели на него такими требовательными глазами, что отнекиваться было уже просто неприлично. Полковник нахмурился, раза два прочесал пятерней свои русые, торчащие в разные стороны волосы и, вздохнув, задумчиво начал, не изменяя и теперь своей обычной манеры говорить короткими фразами:

— Ладно. Теоретизировать я не стану. Так, случай один расскажу. Любопытный. Мне и сейчас вот кажется: ничего более запоминающегося не видел за всю войну.

В воде, которая теперь совсем потемнела и над которой уже потянулись первые волокна тумана, туго всплеснула рыба. Полковник весь насторожился, в глазах мелькнул охотничий азарт, даже ноздри короткого тупого носа раздулись.

— Щука! — почти вскрикнул он.

— Пусть себе живет, в другой раз выловим, — заметил колхозник. — А вы рассказывайте, рассказывайте, как у вас там все было.

— Не у меня. Я тогда был лейтенантиком. Прямо из школы и на фронт. На свой истребитель поглядывал, как на девушку, влюб-

ленно-боязливо: хороша, а какой характер, черт ее знает... Ну и, как водится, страшно храбрился, мечтал о подвигах, рвался в бой. А командир полка, как на зло, до поры, до времени выпускал нас, юнцов, лишь на барражирование, да и то над своим аэродромом. Я считал его перестраховщиком. Бюрократом. Ненавидел его всей душой. Ну как же: фашисты у Ржева, бои воздушные то здесь, то там, а он нас, как жеребят, гоняет по корде. Гуляем в воздухе, как в горсаду. Парочками. Явный бюрократ...

Однако я не об этом. Не о себе. Так вот, изнываем мы от тоски на своем аэродроме, и вдруг, на исходе дня, за ужином, после того, как была принята «наркомовская доза» и мы хотели расходиться по палаткам, влетает в столовку мой друг. Сашка Кравец. Такой же, как я, желторотый птенец. Кричит: «Ребята, потрясающая новость! Утром артисты прилетают. Из областного театра. В полдень будет концерт».

И верно, на следующий день комиссар полка — тогда еще комиссары были — вызывает к себе меня и этого самого распочтенного Сашку: встретить артистов. Привезти их в балку, что была недалеко от аэродрома. Весь народ, что будет свободен, созвать. И чтоб без гаму и беготни. Фронт-то вон он, рукой подать, орудия целый день гудят.

Ну, мы с Сашкой, понятно, рады стараться! Грузовик, на котором горючее развозили, как кадку для огурцов, с хвощом вымыли, для приличия обтянули плащ-палаткой. Чистые подворотнички себе подшили. Побрились по два раза. Даже полевых цветов нарвали. Ей богу! Ходим по аэродрому с букетами, как женихи. Народ потешаем... Ну, прилетел грузовой, вырулил, а мы тут как тут: «По поручению командования позвольте нам...», — ну и так далее.

Вылезают. Девять душ. Артисты и артистки. Ну, мы с Сашкой, как положено, артисток разглядываем, расшаркиваемся, цветы, всякие хорошие слова... Молодость! Из артистов, признаться, рассмотрели только одного: старик уж. Толстый. Лицо в красных жилках. Сизый нос. Длинная такая косица, где-то сбоку начинающаяся, довольно ловко к лысине примазана. Еле я его из самолета вытащил: укачало. И такая досада! Пока я этого почтенного дядю на землю извлекал, пока водой его отпаивал, Сашка мой со всеми артистами в боевой контакт вошел, натаскал откуда-то из палаток стульев, расставил в кузове, как в гостиной, и разливается соловьем о трудностях боевой жизни, о всяческих летных боевых делах и на меня, подлец, поглядывает: как, мол, каков я?

Ну а тем временем старикан мой кое-как отдышался, маскировочную косицу свою на лысине разложил аккуратно, с каким-то двойным разворотом, и от этого помолодел даже, и отрекомендовался: такой-то, актер комедийного плана. Ну, сами понимаете, как только в кузове мы всех разместили, я об этом комедийном плане сразу позабыл. Ну как же, у Сашки шумный успех, такие мертвые петли и штопоры выкладывает, что артистки только ахают: «Ах, Александр Иванович, вы прелесть!» «Ах, товарищ лейтенант, как это безумно интересно!..» И вспомнил я об этом моем комедийном старикане, признаться, только, когда он уже в гриме появился на сцене.

На сцене! Сейчас я вам скажу, какая это была сцена. Вот слушайте. Обстановочка следующая: на дне оврага, в кустиках, грузовик. У одного из бортов на палках занавес из плащ-палаток. У занавеса Сашка Кравец сияет, будто его всего с ног до головы песком надраили. А на откосах оврага зрители. Весь наш авиаполк. Все, кто свободен. Беспечные мы, надо сказать, тогда были: первые месяцы войны... Так вот, Сашка наш, уже прочно пришвартовавшийся к искусству, объявил, что будет показана сцена из комедии Островского «Лес». С одной стороны из-за плащ-палатки выходит здоровенный артистище с басом, как у нашего старшины. Геннадий. С другой выскакивает этот самый комик. Сразу-то я его в гриме и не узнал. Преобразился совершенно. Где она, эта стариковская одышка, эта сипотца в голосе, этот рот, брызгающий слюной? Откуда что взялось! Подвижной, вертлявый, как бес, хитрый, смешной, жалкий. Словом, Аркашка Счастливцев. Сами знаете...

Как уж они там гримируются, это мне неизвестно, никогда я в жизни за кулисы не ходил, только преобразился человек неузнаваемо. Рта не успел открыть, а по оврагу хохот... Так и пошло: тишина — хохот, тишина — хохот. На Геннадия, что, как «ИЛ» на бреющем полете, гудит, никто и не смотрит. Все только на комика. И так это он за несколько минут нас всех захватил, что как-то даже удивило нас, когда вдруг рядом в рельсу ударили. Воздух! Только тогда на небо взглянули и замерли... На горизонте «Ю-87». Пикировщики. Колеса у них еще под брюхом не убирающиеся, похоже, как будто ноги в лаптях торчат. Мы их «лаптежниками» звали. А под крыльями — сирены: когда идут в пике, ревут. Для паники... Очень с ними, с этими «лаптежниками», в первые месяцы войны считались.

Так вот, звено «лаптежников» на нас и идет. Высота — километра два. Облачно, но день ясный. Признаюсь, в первый раз их с земли-то видел, и такой обуял меня страх, что я даже окаменел. Точно судорога всего свела. Это сначала. А потом захотелось бежать. Куда, зачем, все равно, только бежать. Прятаться. Закрыть руками голову. Словом, наделать кучу глупостей. При этом прошу учесть: начало войны, и таких, как я, необстрелянных новичков, большинство. Не только обстреляться, но многие даже и загореть не успели. Наступает страшная тишина, и в ней этакий вибрирующий рев моторов: «У-у, у-у, у-у!» И сквозь этот рев доносятся слова комика. Ну, там рассказывает Геннадию что-то. Смешные такие слова. И оттого, что они простые и смешные, их тоже страшно слышать, когда это «у-у» все нарастает, а самолеты почти над головой. Комик, должно быть, так увлекся, так в роль вошел, что ничего не замечает.

И тут раздается голос комиссара:

— Слушать мою команду! Ни с места! Не шевелиться!

Только тогда, должно быть, актеры и заметили опасность. Они вдруг замерли в самых неподходящих позах. Глядят на небо. А «лаптежники» меж облаками плывут: появятся — скроются, появятся — скроются. И уже хорошо видны эти их пресловутые лапти, желтые подкрылки, черные кресты. Снизу всегда кажется, будто самолет прямо на тебя летит, в тебя целит. И бежать такая охота, что все тело, точно крапивой остреканное, зудит... Вы вот говорите, что храбрецами рождаются. А сами не испытывали такого? Ага, то-то вот! Я полагаю, дорогие товарищи, что нет человека, кто страха не знает. Разве больной какой. Или идиот...

Так вот, страхом таким подстегнутые, двое с места срываются — и бежать.

— Продолжайте, продолжайте спектакль, — это комиссар просит.

И слышу я, как этот мой старый комик, тот, что своим фиолетовым носом да маскировочной косицей так меня удивил, этот больной, одышечный человек дрожащим голосом бросает какую-то смешную реплику. Геннадий ему отвечает. Опять между ними завязывается диалог. Я глазам не верю: играют! А между тем самолеты прошли, делают широкий разворот — и опять к нам. То ли ищут, то ли на рубеж атаки выходят. Я это знаю. И другие, что вокруг сидят, знают. Но почему-то теперь уже не так страшно. Со сцены звучат человеческие слова. Спокойные, обычные. Трагические и смешные. Я слушаю. Другие слушают. Все бледны, на висках пот, но слушают. Вот уже кто-то засмеялся. Послышались аплодисменты.

А тем временем «лаптежники» развернулись — и на нас. Ищут? Заметили? На бомбежку пошли? Кто ж знает! Но там, на сцене, Аркашка и Геннадий. Разговор. Игра. И какая игра! Может быть, конечно, мне так показалось с перепугу, но и сейчас, спустя столько лет, уверен, что никогда я еще не видел такой актерской игры, как в те минуты. В Малом бывал, в Художественном в прошлом году все постановки видел, а такой игры не помню. Да, да, да... Этот жалкий, смешной Аркашка и надутый, тоже смешной Геннадий точно сковали всех нас своей игрой. Бомбардировщики на нас идут, а мы, несколько сотен людей, сидим неподвижно. Будто одеревенели. Будто загипнотизировала нас не то эта самая игра, не то самоотверженность артистов. Мы смеялись, переживали, не меняя поз, аплодировали. Аплодировали под это проклятое, вибрирующее «у-у, у-у, у-у»...

Вот вы тут, товарищ инженер, говорили о влиянии среды на характер. Среда — это верно, конечно. Старая истина: с кем поведешься, от того и наберешься. Но ведь за эти несколько минут среда не изменилась. Необстрелянный зеленый полк остался таким же зеленым, необстрелянным. Но каждый из нас в эти мгновения точно бы обнаружил в себе какой-то непочатый запас храбрости, о котором он минуту назад и не догадывался. А почему? Вот вы и подумайте, почему.

Но продолжаю. Когда первый самолет, проревев сиренами, прошел над нами, артист, что изображал Аркашку, сделал вслед ему смешной жест, будто отмахивался от надоевшего комара. И так это вышло неожиданно и уморительно, что все покатились со смеху. Должно быть, поощренный этим, Аркашка повернулся в сторону двух других приближавшихся самолетов и захлопал в ладоши с сердитым видом хозяйки, отгоняющей ворон от куриного корма, и даже сказал бабьим голосом: «Кыш, окаянные!»

Неостроумно? Может быть. Но в то мгновение нам всем показалось, что остроумней ничего и придумать нельзя. Видим, как на нас с ревом летят самолеты, и хохочем. Сотни хохочущих глоток! И не истерично, нет, а эдаким ядреным смехом, каким должны бы смеяться богатыри. Слов уже со сцены не слышно, но почему-то очень смешно было снова и снова видеть это мимическое «Кыш, окаянные!», видеть хладнокровного Аркашку, радостно ощущать собственную свою храбрость и — что там, хлопцы, греха таить! — маленечко любоваться самим собой: вот, мол, я какой, под крылом «лаптежников» смотрю и смеюсь...

Когда бомбы падают, всегда кажется, будто они идут прямо тебе на макушку. И нам это тогда казалось. И слышали мы их сверлящий свист, но никто не сдвинулся с места, не схватился бежать. Это даже просто никому и в голову не пришло. Ведь там, на грузовике, актеры продолжали свою сцену. И кто мог решиться в такой обстановке показаться трусливей других?

«Лаптежники», должно быть, что-то все-таки знали о нашем аэродроме. Но он был так хорошо замаскирован, что, не разглядев в лесу ничего подозрительного, не заметив никакого движения, они так и ушли, сбросив наобум несколько бомб. Никого не убило, не ранило. Теперь подумайте: что было бы, если бы при первом их пролете поднялась паника и все — врассыпную? Эти артисты спасли десятки, может быть, сотни людей...

Случайность? Нет, дорогой ты мой колхозный скептик, не случайность... Как только «лаптежники» ушли и опасность миновала, а друг мой Сашка Кравец соединил плащ-палатки, выполнявшие роль занавеса, старому актеру сразу же стало худо. Он упал на руки товарищей, и мы втроем еле спустили его с машины и потом уже на носилках тащили в санчасть. Его лихорадило. Каждый выстрел далекой канонады заставлял его вздрагивать. Вечером, когда гости покидали нас, мы еле уговорили его подняться в самолет. Он все смотрел на небо, все прислушивался и спрашивал, не могут ли опять налететь враги...

И все же, товарищи, храбрее этого человека я не видал. Да, да, да! Воевал много, два раза горел в воздухе. Бывал подбит. Раз спрыгнул на парашюте над самым вражеским передним краем и, направляя полет стропами, тянул к своим. Всяко бывало. А подобного случая не доводилось мне видеть...

Полковник замолчал. Молчали и его собеседники.

Сгустившийся туман, будто снег, подгоняемый вьюгой, волочился над водой, посеребренный светом большой, ясной луны. Где-то очень далеко, должно быть, в колхозе, что был за горой, не очень умело наигрывали на балалайке незатейливую повторяющуюся мелодию. Она доносилась, еле слышная, и, вероятно, от этого казалась задумчивой и красивой.

Рассказчик зябко передернул плечами, пошарил в шароварах, достал коробку папирос, угостил собеседников. Одну взял сам. Когда он зажег спичку, все заметили, что пальцы его слегка дрожат.

И каждый из трех собеседников подумал: «Почему бы это?»

В ОКЕАНЕ — С ВАМИ

А. ТРЕШНИКОВ,

Герой Социалистического Труда, начальник дрейфующей станции «Северный полюс-3»

Принято считать, что лед в океане дрейфует медленно. Это справедливо, конечно. Но вместе с тем до чего же быстро идет жизнь на дрейфующем льду!

Совсем недавно, кажется, справляли наше первомайское новоселье за 86-м градусом северной широты. И вот уж в канун Октябрьских праздников мы отметили первое полугодие существования дрейфующей станции.

Всем нам, участникам дрейфа, хорошо памятны первые дни на льдине — частые авралы на расчистке взлетных полос и на выгрузке самолетов, редкие часы отдыха. Над торосами мела поземка, ртуть в термометре опускалась ниже минус 30, но нам было уютно и тепло за толстыми стенами кают-компании, сложенными из плотных снежных кирпичей.

Потом солнце поднималось с каждым днем все выше и выше. Морозы шли на убыль, и весеннее тепло растопило наш снежный дом. Белый покров ледяного поля расцветился голубыми снежницами — озерками талой воды. Передвигаясь по лагерю, мы обували высокие резиновые сапоги, настилали деревянные мостки между палатками и домиками. На окнах радиорубки в ящиках с землей мы выращивали зеленый лук. В июле и августе на нашем обеденном столе частенько красовались не совсем еще увядшие ромашки, незабудки, герань. Их заботливо доставляли с Большой земли летчики — частые в то время гости нашей льдины.

Но коротко лето в районе Северного полюса. Едва наступил сентябрь, как солнце все ниже и ниже опускалось к горизонту. По утрам, вылезая из спальных мешков, мы, поеживаясь, разглядывали узоры инея на внутреннем пологе палатки, торопливо разжигали газовые плитки и натягивали сапоги, которые за ночь успевали примерзнуть к полу. Чтобы добыть пресной воды из озерка-снежницы, приходилось топором прорубать толстую ледяную корку.

24 сентября мы в последний раз видели солнце. Диск его словно цеплялся за горизонт, принимая самые фантастические формы, то сплющивался, то вытягивался оранжевым столбом. На фоне нежнорозового с фиолетовым оттенком заката торосы выглядели то стенами древних замков, то гигантскими башнями и обелисками.

В первые дни после захода солнца иногда в разрывах облаков еще розовела полоска неба. Но потом эти редкие сумерки сменились сплошной темнотой полярной ночи. На черном небосводе все ярче стали вырисовываться созвездия. Ударили тридцатиградусные морозы, потом немного потеплело и задула пурга.

За эти полгода путь, пройденный нашей льдиной по прямой, составляет около пятисот километров. Если же учесть все извилины и петли дрейфа, то это расстояние увеличится в два с половиной раза.

Сопоставляя скорости дрейфа в различные периоды с направлением и силой ветра, а также с течениями на глубинах, можно вывести интересные закономерности движения льдов.

В конце августа наша льдина пересекла близ Северного полюса подводный хребет Ломоносова, который, как известно, делит Северный Ледовитый океан на две глубокие впадины — восточную и западную. Когда мы еще только подходили к хребту, уже обнаружилось резкое колебание глубин — за сутки дрейфа на расстоянии пяти — восьми километров в пределах трехсот — четырехсот метров. Над самым хребтом глубины менялись еще более резко: в пределах полутора — двух тысяч метров. Наименьшая глубина над вершиной хребта была определена в тысячу с небольшим метров.

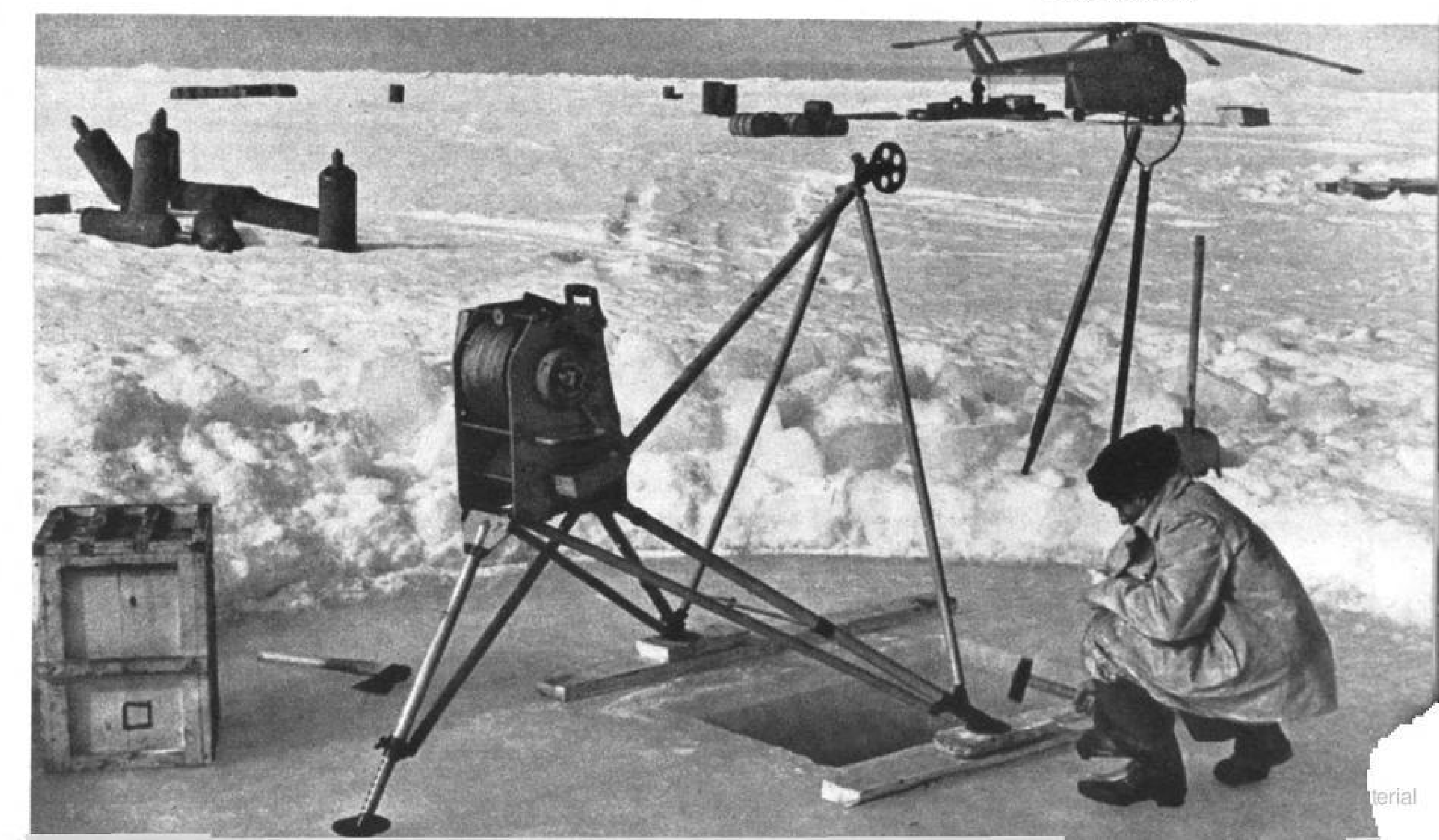
Пройдя в конце августа над хребтом, мы оказались над западной приатлантической впадиной Центрального полярного бассейна с глубинами свыше четырех тысяч метров. Но переменные ветры и течения почти на два месяца задержали нашу льдину в районе Северного полюса. Описав в дрейфе несколько петель, мы к началу октября снова оказались над вершинами хребта, несколько восточнее и южнее того

БУДНИ СТАНЦИИ «СП-4».

Палатку перевозят на новое место.

Над лункой...

места, где пересекали его первый раз.

Частые промеры глубин позволили нам исследовать подводный горный район с его отрогами, возвышенностями, крутыми склонами. Пробы грунта, взятые нами на дне океана, обнаружили желтовато-серые илы, гальку, щебень. Специальный анализ в будущем позволит определить возраст этих отложений. Глубоководным тралом мы вылавливали моллюсков, червей, морских звезд, морских ежей. Было установлено, что на склонах хребта Ломоносова гораздо более богатая органическая жизнь, нежели в глубоководных впадинах.

Высокоширотная экспедиция 1950 года и дрейфующая станция «Северный полюс-2» в 1950—1951 годах обнаружили в восточной части Арктического бассейна на глубине 75—150 метров прослойку относительно теплых вод, повидимому, тихоокеанского происхождения. Нашими нынешними исследованиями установлено проникновение этих вод еще дальше на север, в район полюса.

Нередко во время дрейфа в солнечные дни на лед из разводий вылезали нерпы. Не раз мы вылавливали рыбу сайку. В летние месяцы в верхних слоях воды появлялись разноцветные рачки, медузы, наблюдалось бурное развитие микроскопических водорослей. Все это еще раз опровергает существовавшее до последнего времени мнение о безжизненности центральной части Северного Ледовитого океана.

Наряду с океанографическими работами мы ведем обширные наблюдения по земному магнетизму и метеорологии. За время дрейфа наша льдина пересекла также зону крупнейшей в Северном полушарии магнитной аномалии. По нескольку раз в сутки наши радисты передают на Большую землю сводки погоды, которые используются гидрометеослужбой для составления прогнозов и для обслуживания навигации по Северному морскому пути.

Характерной особенностью дрейфующих научных станций «Северный полюс-3» и «Северный полюс-4», созданных в этом году, является их повседневная живая связь с научными учреждениями Большой Советской земли. И к нам на льдину и к нашему «соседу с юга» Евгению Ивановичу Толстикову не раз за минувшие полгода прилетали на самолетах представители Академии наук СССР. В работе нашей станции приняли участие член-корреспондент Академии наук СССР Л. А. Зенкевич, доктора наук — океанограф В. Г. Корт и ледоисследователь П. А. Шумский. Дважды прилетавший к нам профессор А. Е. Крисс провел впервые в высоких широтах интереснейшие микробиологические исследования.

На самолетах, которые подвозят с Большой земли свежее продовольствие и припасы, мы отправляем письменные отчеты о своей работе и научные доклады, записанные на пленку.

Наступившие сейчас зима и полярная ночь — наиболее трудный период нашего дрейфа. Нередко на льдине вокруг жилых палаток, грузового склада и площадок пурга наносит высоченные сугробы. Тогда все мы беремся за лопаты, а механик М. С. Комаров выезжает на своем гусеничном тракторе. Расчистив заносы, строим из снега плотные защитные стенки, чтобы предохранить приборы от возможных повреждений, а наблюдателей — от пронизывающего ветра.

Палатки наши тщательно утеплены, в домиках проконопачены все щели. И в жилые и в рабочие помещения проведен электрический свет.

Одеты мы все тепло, удобно, надежно. Но все-таки научные наблюдения на морозе, на ветру даются нелегко.

Вот, поеживаясь, переступая с ноги на ногу, трудится у своей метеобудки Георгий Иванович Матвейчук. Сделав очередные записи в журнале, он стремительно мчится в палатку, к синему огоньку газовой плитки.

Аэрологи Василий Гаврилович Канаки и Платон Платонович Пославский, добывая водород для радиозонда, греют руки о стенки теплого газогенератора.

Неустанно орудуют пешнями и ломами гидрологи Георгий Андреевич Пономаренко и Александр Иванович Дмитриев. Лунку то и дело затягивает корка льда. И, прежде чем начать измерение глубин и течений, приходится немало потрудиться, скалывая лед, вылавливая сачком осколки из лунки.

Словом, работы хватает всем нам. Но все же у полярников остается время для отдыха. Всегда оживленно после ужина в домике кают-компании. Тут мы смотрим кинофильмы, проводим семинары и беседы, обсуждаем прочитанные книги.

Заочные шахматные турниры — любимое развлечение полярников. Сейчас мы сражаемся в шахматы с коллективом станции «Северный полюс-4» и экипажем парохода «Ленинград», находящимся в плавании в водах Южного полушария. Наша радиопереписка с моряками идет в стихах. Вот, например, как они сообщают о своем очередном ходе:

«В тропиках жарко и светло,
К цели приближаемся упрямо,
Чтоб и вам, друзья, радиограммой
Часть тепла и света принесло.
Наш второй ход: конь — Григорий один Федор три».

А вот наш ответ морякам:

«Друзья, сегодня мрак ночной
Вы озарили южным светом.
Согреты вашей теплотой,
Мы ходим с полюсным приветом:
Конь — Борис восемь, цапля шесть».

Из-за тридевяти земель радио приносит нам дружеские шутки, теплые слова участия. Множество друзей, товарищей, знакомых и незнакомых шлют нам поздравления с наступающим праздником Великого Октября, пожелания успехов.

Со страниц «Огонька» мы от души благодарим дорогих соотечественников за внимание и ласку и заверяем их, что все работы по исследованию Центральной Арктики, порученные нашему коллективу, будут выполнены.

Во тьме полярной ночи, в океане, на дрейфующих льдах мы всегда с вами, с любимой Родиной!

Дрейфующая станция «Северный полюс-3».

По радио.

На клиппере по разводьям.

БУДНИ СТАНЦИИ «СП-4».

Фото Н. СОЛОВЬЕВА.

Лыжная прогулка по лагерю.

СИЛА ПРАВДЫ

Д. Н. ПРИТТ,
председатель Английского общества культурной связи с СССР

Это может на первый взгляд показаться странным, но в некоторых западных странах людей преследуют — прямо или косвенно — за то, что они говорят или пишут благожелательно о Советском Союзе. И это происходит на Западе, где многие охотно повторяют, что у нас-де можно говорить правду, не боясь пострадать за нее. Казалось бы, многим уже ясно, что мир не может быть сохранен без того, чтобы народы западных стран не прониклись лучшим пониманием Советского Союза, его выдающегося значения для дела мира. Жизнь показывает воочию, что Запад или, по крайней мере, значительная часть его не может разрешить своих экономических трудностей без широкой, ничем не стесняемой торговли с СССР и другими странами социалистического лагеря. И вот, несмотря на все это, правда о Советском Союзе рассматривается как нечто стоящее вне закона.

Да, это кажется странным, невероятным, но только на первый взгляд. Если же поразмыслить, то нисколько не странно, а скорее даже естественно, что люди, рассказывающие своим соотечественникам о заслугах Советского государства в борьбе за мир и зовущие к дружбе с советским народом, становятся в западных странах жертвами травли, иногда проводимой в более легкой, а чаще всего в грубой и жестокой форме.

Чтобы увидеть истоки враждебного отношения Запада к Советскому Союзу, надо вернуться к 1917 году. В самый разгар войны, которая велась за передел мира, тогда еще целиком капиталистического, владыки этого мира были потрясены неслыханным событием: в октябре 1917 года, тридцать семь лет тому назад, из народной революции возникло государство, управляемое самим народом. Они не сумели скрыть своего страха и на ряд лет окружили непримиримой враждебностью молодую Советскую республику. Более того, они пытались задушить родившийся новый мир в колыбели, прибегнув к оружию войны, интервенции. Эта попытка потерпела крушение. Тогда их враждебность облеклась в другие формы, нередко приближающиеся по своей сути к военным методам. Однако капиталистам пришлось уже все больше считаться с нарастающим в недрах их собственных народов чувством солидарности с рабочими и крестьянами Страны Советов. Чтобы ослабить эти растущие симпатии, капиталистические политики вот уже более трех десятилетий ведут антисоветскую кампанию лжи, систематически искажая и извращая действительное положение вещей в Советском Союзе. Эта повседневная ложь должна, по их мысли, сделать еще более непроницаемой завесу, которая мешает проникнуть на Запад правде о стране социализма.

Так было и в самый канун второй мировой войны. Война изменила положение; даже правители воюющих западных государств вынуждены были признать и публично выразить уважение к Советскому Союзу как к спасителю народов Европы от гитлеровской тирании. Правда, сюда примешивалась и тайная надежда на то, что Советское государство в результате тяжелой борьбы на фронтах ослабнет и многие годы не сможет оправиться. Эта надежда не оправдалась. Как ни велики были принесенные Советским Союзом военные жертвы, могучие творческие силы освобожденного народа сделали свое дело: страна социализма поднялась, восстановила свое хозяйство в изумительно короткие сроки, вновь стала и остается самым прочным и устойчивым государством мира.

Удивительно ли, что в наши дни, например, у некоторых политических деятелей Соединенных Штатов одно упоминание о Советском Союзе вызывает приступы бешенства? Более чем когда бы то ни было они не в состоянии переносить слово правды о замечательных успехах Советской страны в хозяйстве, культуре.

В наши дни Советский Союз стал признанным оплотом мира и дружбы между народами, и каждый день приносит новые доказательства того, что мирная политика Советского государства завоевывает признание и поддержку сотен миллионов людей на всех континентах земного шара. Лидерам так называемого западного мира именно это обстоятельство представляется особенно опасным. Капиталистические страны все глубже погрязают в трясине экономических трудностей и противоречий, и единственное спасение от экономического паралича видят они в гонке вооружений. Проповедь мира и неразрывно связанная с нею проповедь взаимопонимания и соглашения с СССР означают в их глазах покушение на «военный бум», на военные заказы, приносящие гигантские прибыли. Как же им не клеймить и не преследовать людей, зовущих к дружбе с Советским Союзом?

Так, повторяю, небольшое размышление раскрывает перед нами суть того «удивительного» явления, что в странах Запада, кичащихся своей «свободой», сторонники мира и сближения с СССР объявляются вероотступниками, как в далекие времена средневековья. Иногда, впрочем, все это действительно напоминает средневековье. В Соединенных Штатах, где крайняя экономическая неустойчивость простой семьи живет бок о бок с гигантскими богатствами, гонка вооружений есть вопрос жизни и смерти для пресловутого «процветания» кучки миллиардеров. Понятно поэтому, что именно в Соединенных Штатах преследование друзей мира и сторонников сближения с СССР принимает обостренные, самые дикие формы. Травят выдающегося певца Поля Робсона — он лишен возможности выступать в открытых концертах; пластинки с записью его замечательного голоса не продаются; ему отказано и в праве выезда за границу, где его выступлений ждут миллионы. Робсон не единственный. Десятки, сотни борцов за мир и дружбу с Советским Союзом предстают перед судилищами вроде комиссии сенатора Маккарти, их сажают в тюрьму, в лучшем случае обрекают на безработицу, лишают возможности работать по специальности. Учителей, врачей удаляют с работы, стоит им только высказаться положительно о Советском Союзе или выразить надежду на улучшение отношений с ним. Что же касается людей из других стран, которые хотели бы приехать в США, чтобы сказать правду о советском народе, то здесь немедленно приводится в действие испытанный метод отказа во въездных визах. Нежелательным для США гостем в этом смысле признается каждый, кто хоть раз побывал в Советском Союзе и что-либо о нем написал.

В Англии память о великом и благородном вкладе Советского Союза в общую победу над фашизмом жива в миллионных массах трудящихся. Общественное мнение все более склоняется к взаимопониманию с Советским Союзом, к расширению англо-советских экономических и культурных связей. У нас еще не сажают за решетку друзей Советского Союза и не отбирают у них заграничные паспорта. Однако есть косвенные методы преследования; они применяются, и иногда с немалым эффектом. Представление об этих методах дают известные всем попытки отстранить от работы по специальности одну из видных деятельниц движения сторонников мира, Монику Фелтон. У всех в памяти подобные же методы дискриминации, предпринимавшиеся в некоторых научных сферах по отношению к Джону Берналу, неоднократно подчеркивавшему роль Советского Союза

Д. Н. Притт выступает в лондонском Гайд-Парке на митинге за запрещение оружия массового уничтожения.

в борьбе за мир. Нет сомнения, что и доктор Хьюлетт Джонсон, настоятель Кентерберийского собора, давно испытал бы нечто подобное, если бы устав английской церкви позволял снять его с занимаемого поста.

Если обратиться к другим странам, то среди бойкотируемых и подвергающихся травле в реакционной печати мы увидим профессора Брандвайнера в Австрии, известного борца за мир профессора Икуо Ояма в Японии и многих, многих других. В Западной Германии люди, выдвинувшие идею народного референдума, борющиеся против возрождения германского милитаризма, за нормализацию отношений с СССР, были обвинены в «государственной измене», судимы и приговорены к тюремному заключению. Приемы негласного бойкота приводят подчас к тому, что книги, честно и правдиво изображающие жизнь в Советском Союзе, возможно печатать только в некоторых, прогрессивных, издательствах. Нелегко проникают на страницы «большой печати» статьи или письма, разоблачающие ложь о Советском Союзе, о лагере мира и социализма. И, наоборот, гостеприимство всегда обеспечено здесь для бесчестных, полных неправды выступлений всякого рода реакционных эмигрантов, предателей и прочих врагов мира.

Но жизнь не стоит на месте. Она безудержно и непоколебимо идет вперед, прокладывая правде о Советском Союзе все более широкий путь к сердцам миллионов людей в западных странах. Как ни тяжела бывает для друзей Советского Союза атмосфера дискриминации, они не только не останавливаются на полпути, но еще громче подымают голос за дружбу и взаимопонимание между народами. Мы, работающие на этом поприще в Англии, знаем, что боремся за правое дело, за интересы подавляющего большинства англичан, за дело, которое является заветной целью всего человечества. Мы знаем, что идем по единственному пути, который может спасти наш народ и все другие народы от ужасов новой истребительной войны.

И именно сегодня, в день 37-й годовщины Октябрьской революции в России, открывшей новую эпоху в мировой истории, мы с гордостью перечисляем мысленно те успехи и победы Советского Союза, которые принесли ему заслуженную славу и любовь, которой он пользуется среди народов мира. Для нас Советский Союз — это пример того справедливого и мудрого строя, при котором для всех обеспечена возможность быть свободными, жить в мире и пользоваться источниками знания и культуры. Как не гордиться тем, что мы друзья Советской страны, какие бы трудности для каждого из нас лично ни приносила эта дружба!

Мы долгие годы боролись за то, чтобы правда о Советском Союзе была известна нашим соотечественникам. Порой, как в годы второй мировой войны, эта наша деятельность казалась легче, иногда трудней. Но мы не уставали в этой борьбе, и каждый день приносил нам хоть небольшой успех. Сейчас мы намного ближе к полному торжеству правды о Советском Союзе — правды о мире, человечности, социализме. Борьбу за эту правду мы доведем до конца.

Стихи

Сергей СМИРНОВ

Капля

Если в каплю
пристально всмотреться,
Целым миром кажется она:
Вот — ваш дом,
Деревья по соседству,
Панорама улицы видна,
Провода, прочерченные резко,
Дальше небо —
синего синей.
Вот уже глаза слепит от блеска:
Это солнце
отразилось в ней.

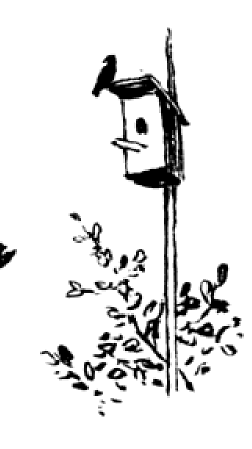
Земля

Ни водопадов, ни ущелий,
Ни гор, ушедших в синеву.
Среди простых берез и елей
Лежит земля,
где я живу.

Бегут дороги.
Вьются тропы.
Растет пшеница за селом.
А профиль
старого окопа
Напоминает о былом...

И пахнет сеном тонко-тонко.
И ровно тянутся поля.
И вдаль торопится трехтонка,
На всю вселенную пыля.

И дед, с цыгаркой самосада,
Сидит в единственном числе.
И примелькавшееся стадо
Губами тянется к земле.

Первый полет

Громким криком встречает
скворчиха
Материнское счастье свое:
Из скворечницы выбрался тихо
Ненаглядный питомец ее.

Вот он пискнул,
храбрец желторотый,
Словно с вышки,
Нырнул в пустоту
И, наверно,
от страха и взлета
У него пересохло во рту.

И летит он,
Летит неуклюже
Через вишню — в июньской росе,
Через небо, лежащее в луже,
Через влажную ленту шоссе.

Он летит к придорожной осине,
И ему
рукоплещет она.
Все дороги открыты отныне,
А скворечница стала тесна...

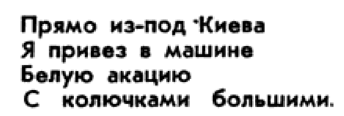
Пусть мелькнет быстротечное
лето,
Вспыхнет осень,
придут холода,
Пусть придется
увидеть полсвета,—
Все равно
Ты вернешься сюда!

Ночью

Темнеют окрестные кручи.
Во тьме пропадает река.
За шпиль МГУ задевая,
Бегут и бегут облака.

И только луна между ними
Мелькает, кругла и легка,
Как будто бы
Нина Думбадзе
Метнула ее в облака.

Сестры

Прямо из-под Киева
Я привез в машине
Белую акацию
С колючками большими.

Посадил акацию
В землю Подмосковья.
Вырастай, красавица,
На доброе здоровье!

Чтобы не кручинилась
Ты на новом месте,
Пусть береза белая
Растет с тобою вместе.

Посадил два деревца
И любуюсь ими —
Молодыми, стройными
Питомцами своими.

Если ветер северный
Дует, завывает,
Белая березонька
Южанку прикрывает...

Припекать по-южному
Солнце начинает,
Белая акация
Березку заслоняет.

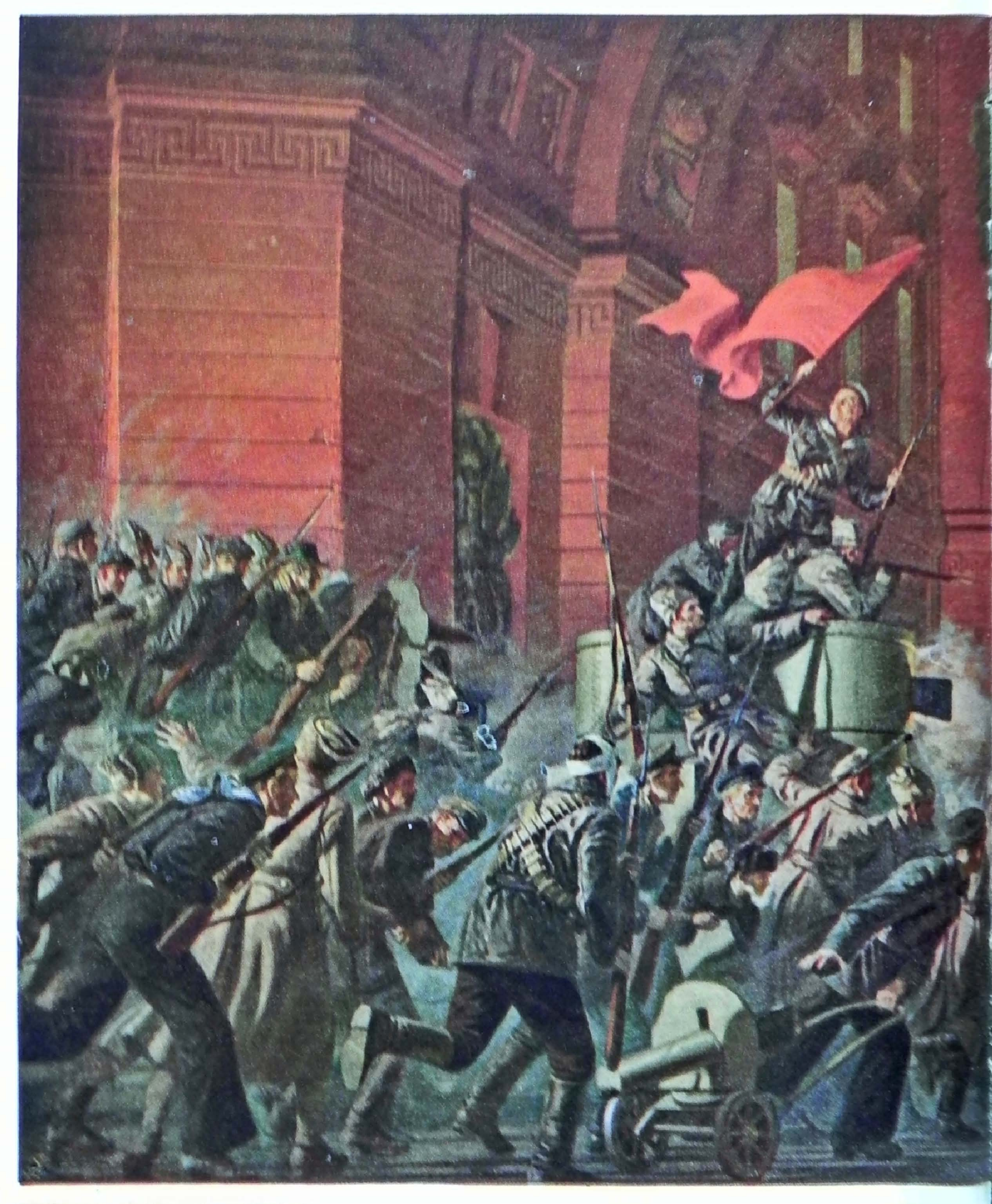
Тянутся красавицы,
Словно две сестрички.
По плечам рассыпаны
Зеленые косички.

И не испугаются
Зноя да мороза
Белая акация
И белая береза!

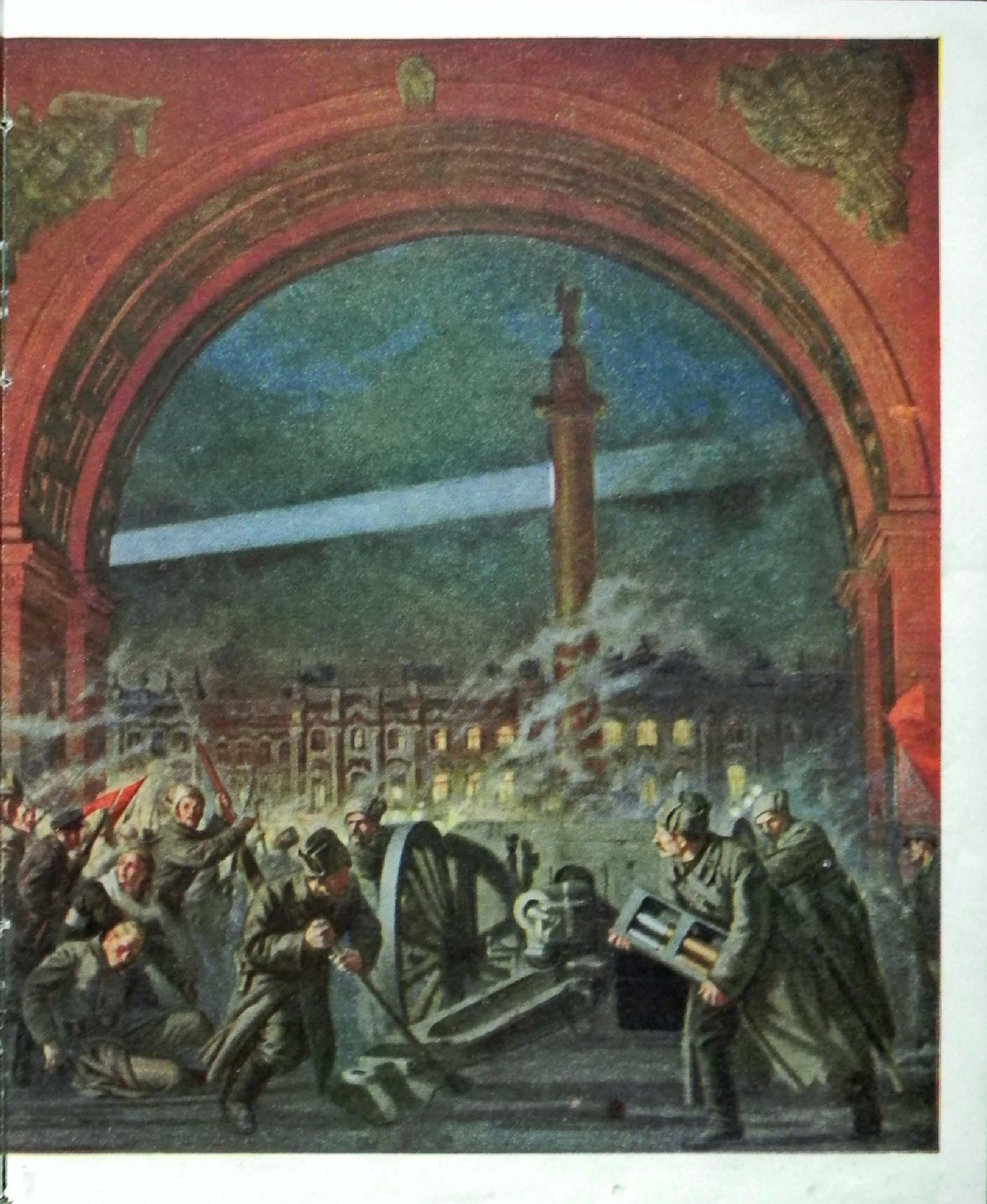
А. Дейнека. ОТКРЫТИЕ МЕЖКОЛХОЗНОЙ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ.

Панно. Главный павильон ВСХВ.

П. Сокопов-Скаля. ШТУРМ ЗИМНЕГО ДВОРЦА.

«Огонек». 1954.

Панно. Главный павильон ВСХВ.

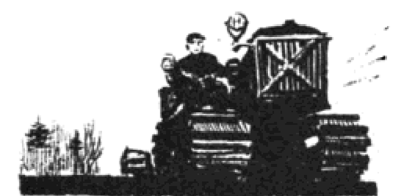
А. Герасимов, Г. Горелов, Н. Денисовский, Н. Дрючин, Р. Зенькова, С. Папекян. ВСЕ БОГАТСТВА СТРАНЫ ПРИНАДЛЕЖАТ НАРОДУ. ОТКРЫТИЕ ВОЛГО-ДОНСКОГО СУДОХОДНОГО КАНАЛА.

Панно. Главный павильон ВСХВ.

Свежий хлеб

Из нового цикла

Александр ЯШИН

НАЧАЛО

Тянет в простор полей
С каждой весной упорней.
Все-таки на селе
Все мои корни.

Там, средь лесных берлог,
Я возмужал и вырос,
Первый страх превозмог,
Первое горе вынес;

К трактору привыкал,
Свыкся с порой страднóю;
Там в первый раз припал
К речке с живой водою.

Все на земле родной
Мне лишь на пользу было:
Грудь не спирало в зной,
В стужу не леденило.

Что там ни говори,
Мне не заменит город
Ясной — в хлебах — зари,
Ягодного косогора.

Снова издалека
Манят и лес и поле.
Пусть на моих руках
Будут гореть мозоли!

Пусть в самый жар работ
На поле хоть однажды
Губы опять сведет
От нестерпимой жажды!

Хочется самому
Тяжесть весны изведать
Там, где в пыли, в дыму
Делается победа,

Где и моя целина
Вспашки ждет и расцвета...
Так принимай, весна,
Пахаря и поэта!

Алтай.

В НОЧНУЮ СМЕНУ

Подрагивая от натуги,
Ломают плуги целину.
Сидят на сцепе две подруги,
Москвичкою зовут одну.

То снег летит, то дождик мочит,—
Весна давно, а нет тепла,
Совсем порой не станет мочи,
А ничего,
Идут дела!

Перед зарей на травах иней
Блестит, куда ни кинешь взгляд,
Под стылым ветром,
Не в кабине,
Согнувшись, девушки сидят.

Обеим кажется порою,
Что не пласты, не целина,
А море бьет у ног прибоем
И за волной идет волна.

Подружке Вале все в привычку,
Но и ее кидает в сон,
Ну, а Наташеньку, москвичку,
Вот-вот с прицепа свалит он.

Но обернется Валя, взглянет,
И от тепла в глазах ее
Москвичке сразу легче станет,
И сразу схлынет забытье.

И сразу выпрямятся плечи:
Вдвоем все можно превозмочь!
Ей тоже хочется, чтоб легче
Для Вали стала эта ночь.

И, напрягаясь что есть силы,
Кричит Наташа:
— В добрый час!
Мы не такое выносили...
Так повторял отец не раз.

Гилёвская МТС.

В ГОРНОМ АЛТАЕ

А мне гроза всегда в охоту.
В горах такой грохочет гром,
Как будто молнии с разлету
О скалы стукаются лбом.

Вода в Катуни рвет и мечет,
Но кажется, она молчит:
Земля лишилась дара речи,
Одно лишь небо говорит.

На миг вершины луч осветит,
Над каждой радугу зажжет,—
И снова ливень,
Снова ветер,
И беспросветен небосвод.

Но вот со скал, из-за Чемала,
Из-за гранитных темных круч
На нас надвинулись обвалы
Каких-то странно белых туч.

И все, кого застал в дороге
В миг налетевший холодок,
Столпились, словно по тревоге,
С тревогой глядя на восток.

Ужели град? Ужели нечем
Его в горах остановить?
Ужели, все вокруг калеча,
И вкривь и вкось начнет он бить?

Возникла в памяти живая,
Во весь размах большой земли,
Степная даль полей Алтая,
Где в эти дни хлеба цвели.

Они совсем с горами рядом.
И вздох людской был, как мольба:
«Ах, только не было бы града:
Хлеба в цвету!
Цветут хлеба!»

Чемал.

БЕРЕЗОВЫЕ КОЛКИ

Быть может, лес здесь был когда-то,
Теперь лишь рощи там и тут —
Для косачей, для куропаток,
Для всякой живности приют.

Всегда нарядные — в ложбинке,
В открытом поле, близ реки
Стоят березки и осинки
Среди хлебов, как островки.

Зовут колкàми эти рощи,
Околочками.
Почему?
Но слов понятнее и проще
Здесь и не нужно никому.

Хочу, чтоб все в степях Алтая,
Особенное с давних пор:
Сердца людские, речь живая,
И запахи, и цвет озер,

И песни, полные значенья,—
Все стало также для меня
Не требующим разъясненья,
Родным с сегодняшнего дня.

Гилёвская МТС.

СУДЬБА

А мы с тобой всегда вдвоем:
И в Вологде,
И на Алтае,
В лесах, в степях...
Где ни бываем,—
Одними чувствами живем.

Верны своим родным местам.
Но кажется порой обоим,
Что и родились оба там,
Где познакомились с тобою.

Ведь даже ливень не гроза
Без молнии, без озаренья.
Так мне нужны твои глаза
Для каждого стихотворенья.

От самых первых встреч нигде
Не существуем друг без друга,
Мой добрый друг,
Моя подруга
Не только в счастье — и в беде.

Не это ли и есть судьба?
Ей благодарен вечно буду.
Ведь даже если нет тебя,
Мы вместе все равно повсюду.

ОХОТНИК

Пред девушкою похвастать
Охотник ничем не мог.
Вот если б к лесным богатствам
Сводить ее на денек,

За ягодами, за медом
За свежим
От диких пчел,
В бору не одну колоду
На днях лесовик нашел;

Вдвоем глухаря подслушать,
Дать в руки и ей ружье,
И там же открыть ей душу:
Смотри, дескать, все твое!

Ведь может случиться чудо!
Как в сказке, все может быть,
О чем охотник покуда
Боялся заговорить.

Он взял патронташ да тулку —
И к девушке
На свету.
— Пойдете в бор на прогулку?
Она сказала:
— Пойду!

Осока резала ноги,
И холодом жгла роса.
Ни мостиков, ни дороги,
Лишь зàболоть да леса.

— Смотрите, какие выси,—
Кричал он,— стена стеной!
Тут есть медведи и рыси,
Но вы за моей спиной.

В суземах, в черничной чаще,
Без устали мчась вперед,
Он стал забывать все чаще,
Что девушка с ним идет.

А чуть собака взбрехнула —
Охотник, взведя курки,
Понесся — как ветром сдуло —
На лай, сквозь лес, напрямки.

По просекам, по завалам —
Не под руку, где уж там!
Она едва поспевала
Бежать за ним по следам.

Не меряны километры,
Несчетно часов прошло,
Пока их стегали ветры
И солнце нещадно жгло.

А ночь в тайге наступила —
Устроились в шалаше.
И тут в первый раз спросил он:
— Ну как, денек по душе?

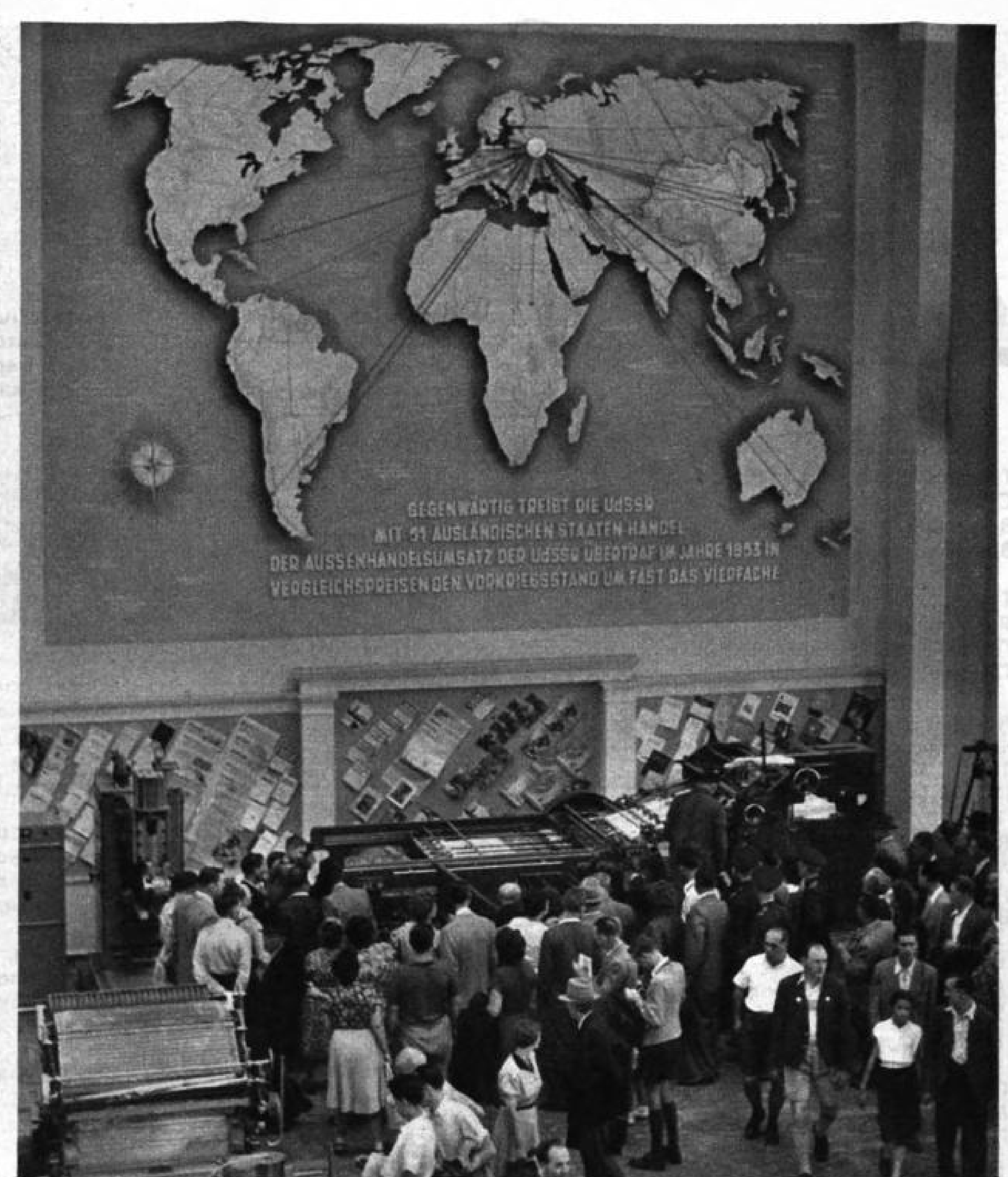
Шалаш для него стал раем,
И, разжигая костер,
Затеял он, замирая,
Тот самый свой разговор

Издалека, с начала:
Для чуда пора пришла...
Но девушка не отвечала,
Она ничего не слыхала:
Она
Спала.

Рисунки П. Караченцова.

Карта, выставленная в советском павильоне на международной ярмарке в Вене, показывает, с какими государствами мира торгует СССР. Всего таких государств пятьдесят одно.

ПОД СОВЕТСКИМ ФЛАГОМ

В нынешнем, 1954 году СССР принял участие в двенадцати различных международных выставках. Советские павильоны, отражающие достижения нашей промышленности, сельского хозяйства, социалистической культуры, повсюду были в центре внимания самых широких кругов населения. В тысячах отзывов на многих языках мира посетители приветствовали развитие взаимно выгодной торговли между Советским Союзом и зарубежными странами, способствующей укреплению дела мира.

Публикуемые ниже фотографии сделаны на нескольких советских выставках, состоявшихся в последние месяцы этого года.

«Можно лишь с похвалой отозваться о продуманности и широте охвата, с которыми показаны колоссальные ресурсы России в области продовольствия...» — писала газета «Таймс» в связи с открытием в Лондоне выставки продовольственных товаров, в которой принял участие и Советский Союз. Павильон СССР, где демонстрировались достижения нашей пищевой промышленности, привлек множество посетителей.

На международной ярмарке в Дамаске (Сирия) Советский Союз участвовал впервые. Среди почетных гостей нашего павильона был президент Сирии Хашим Атаси (в первом ряду, в центре).

Джакарта. В первый раз в истории Индонезии на состоявшейся здесь в сентябре этого года международной ярмарке появился павильон Советского Союза. Чтобы осмотреть его, жители приезжали с самых отдаленных островов. Все индонезийские газеты приветствовали открытие советского павильона. «Мы должны воспользоваться участием СССР в ярмарке,— писала газета «Хариан ракьят»,— для установления крепких торговых связей с СССР».

Советский павильон посетили министры индонезийского правительства во главе с премьер-министром Састроамиджойо. На снимке: г. Састроамиджойо осматривает советские ткани.

В павильоне СССР на традиционной международной ярмарке в Лейпциге. У советской машины «ЗИМ», как всегда, толпится народ.

Рубиновая звезда на шпиле здания, напоминающего кремлевские башни и высотные дома Москвы,— этот ставший уже традиционным облик советского павильона на международных выставках знаком ныне миллионам людей многих стран мира. За девять послевоенных лет советские выставки гостеприимно раскрывали свои двери для жителей 47 государств. И повсюду они были символом мира и дружбы между народами.

Многие тысячи посетителей побывали в павильоне СССР на международной ярмарке в Салониках; здесь тоже советская выставка устраивается впервые.

Среди сотен восторженных записей в книге отзывов есть и запись премьер-министра Греции А. Папагоса: «Впечатления от посещения павильона — прекрасны». На снимке: А. Папагос обменивается рукопожатием с Чрезвычайным и Полномочным послом СССР в Греции М. Г. Сергеевым.

КОНЕЦ КАРАВАННОЙ ТРОПЫ

Рассказ

Г. КАЛИНОВСКИЙ

Рисунки П. Караченцова.

Обманывать себя больше не стоило: они заблудились...

Катя Лаврова потерла шершавыми от песка ладонями виски и с тоской посмотрела на окутанный облаком пара мотор грузовика. Из облака выскакивали крохотные горячие капли и, сверкнув на солнце, исчезали в раскаленном воздухе, не долетая до земли. Зарывшись передними колесами в крутой склон высокого бархана, машина накренилась и словно всем своим видом — от вздувшейся на бортах краски до кипящего радиатора — пыталась объяснить людям, что есть предел и для ее железного сердца...

До сих пор сохранявший бодрость шофер Егор Макарыч злобно сплюнул:

— Тьфу! И какой дьявол занес меня в эти пески!

— Можете подать заявление хоть сейчас! — не сдержавшись, вспылила Катя.— Отпустим!

Шофер крякнул, достал пачку «Беломора» и миролюбиво протянул Кате:

— Я ж просто так... Обидно! Первого класса шофер, а, как слепой котенок, мордой в барханы тычусь. Закуривайте, Екатерина Михайловна.

— Спасибо, накурилась!

К ним подошли остальные спутники: топограф Коля Черемушкин и рабочий Курбанов. Коля снял очки и, подслеповато щурясь, разложил на песке карту. Его худая, длинная фигура уныло сложилась вдвое, и под теннисной, пегой от пота, четко обрисовались острые лопатки.

— Рельеф не совпадает,— провел он пальцем по карте.— Пески здесь должны быть не такими сыпучими и барханы ниже.

— Сверни свои скатерти! — отмахнулся Егор Макарыч и тихо спросил Катю: — Как быть дальше, Екатерина Михайловна?

Как быть дальше? Если бы она только знала, как быть дальше!..

Всего несколько дней назад большая комплексная экспедиция прибыла в глухой, до сих пор плохо обследованный район пустыни для составления детальной геологической карты. Штаб экспедиции разместился в ауле, за триста километров от железной дороги. Из всего состава экспедиции один лишь старший геолог Петр Степанович Рудаков почти наизусть знал пустыню, проработав здесь двадцать пять лет. Но он не мог руководить сразу всеми маршрутами. А начинать съемку, закладывать скважины и бить шурфы приходилось немедленно, потому что сроки и планы не должны были меняться от непредвиденных обстоятельств.

Одним из таких обстоятельств являлось и то, что карты этого участка, снятые в начале века, имели очень приблизительное сходство с местностью.

И все же Катя сама, добровольно вызвалась в маршрут. Вчера вечером она сказала начальнику экспедиции Владимиру Михайловичу Корчевому:

— Кто-то должен начинать? Попытаюсь я...

И вот попытка кончилась полным крахом.

Полдня машина двигалась по более или менее проходимой верблюжьей тропе. Потом, если верить карте, они свернули в нужном направлении и влезли в сыпучие, ячеистые пески. Под скаты пришлось беспрерывно подкладывать «шалманы» — длинные, узкие бревна, упираться плечами в задний борт машины; но чем дальше они пробирались, тем все выше вырастали барханы, похожие на присевшие пепельные тучи.

Вскоре один «шалман» превратился в щепки, а вода в бочке неумолимо убывала, поглощаемая ненасытным радиатором и ошалевшими от солнца людьми...

Как быть дальше?.. Катя достала папиросу, не торопясь, тщательно помяла ее пальцами и жадно затянулась.

— Давайте выясним точно, сколько у нас воды,— сказала она.

Егор Макарыч взобрался на машину, за ним немедленно последовал Коля Черемушкин. Шофер поднял крышку с бочки и присвистнул:

— Чего тут выяснять? На самом дне!

— Около пяти литров,— педантично уточнил Коля.

— Так...— Катя поправила выскочившие из-под соломенной шляпы косы.— Поворачиваем обратно, Макарыч. Первый блин — комом...— Катя запнулась и вдруг почувствовала, что если не будет говорить дальше, то немедленно выбросит папиросу и заревет.— Другого выхода нет! Пробиться по компасу к колодцу мы не сможем. До него по карте пятьдесят километров. А карты врут. Вода кончается. Путь один — по старой колее на караванную тропу. В штаб! Домой!

Она выкрикивала короткие слова бессилия и понимала, что говорит не столько для своего отряда, сколько старается убедить себя в правильности решения.

А люди, которые в душе уже давно ждали этого приказа, смущенно и даже виновато переглядывались, словно все-таки надеялись на иной исход...

Егор Макарыч выбрался из кузова и буркнул:

— Песочки, будьте вы прокляты! А ты что целый день молчишь, Курбанов? — обернулся он к рабочему.— Ты ведь, так сказать, местный житель. Посоветуй что-нибудь!

Курбанов провел ладонью по черной редкой бороде и медленно произнес:

— Я пустыню не знаю. Я в ауле живу. Пустыню чабаны знают, караванщики знают... — Он помолчал и, что-то вспоминая, добавил: — Брат у меня от каравана отстал. Давно было. Три дня искали. Нашли. Еще живого нашли. По барханам ползал. Людей боялся. Думал, он ящерица...

—Утешил! — шаркнул брезентовым сапогом по песку Егор Макарыч.— Лучше бы ты и дальше молчал, Курбанов!

— Температура изменилась,— не обращаясь ни к кому, неожиданно сказал Черемушкин. Катя недоумевающе посмотрела на долговязого топографа, и он, как будто пытаясь оправдаться, объяснил: — Вечер...

Черемушкин был прав. Лишь после его слов Катя ощутила, что жара не так обжигает кожу, и увидела, что солнце торопливо спускается к горизонту и гребни дальних барханов отливают расплавленной желтой медью.

— Ладно! — попробовала улыбнуться Катя.— Может, перекусим?

Ужинали в полной темноте. Солнце исчезло внезапно, не оставив на краю неба привычной вечерней зари.

В костре звонко потрескивал саксаул, освещая дрожащим пламенем осунувшиеся лица изыскателей.

— Вот что,— Катя тронула за плечо Егора Макарыча,— предлагаю вздремнуть часа два. Надеюсь, в темноте с дороги не собьетесь, Макарыч?

— Фары в исправности,— встрепенулся шофер.— А колея одна — наша. Подбрось-ка саксаула, Курбанов. Пусть полыхает.

Растянувшись на кошме, Катя долго, не мигая, смотрела на костер.

Первый раз в жизни молодой геолог Екатерина Михайловна Лаврова возвращалась в штаб экспедиции, не выполнив задания. Представив, как сочувственно будет кивать ей лысиной Корчевой и равнодушно посасывать трубку Петр Степанович Рудаков, Катя приподнялась на локтях и плюнула с досады в костер.

В геологический институт она поступила не из-за романтики путешествий. Еще в школе Катя твердо верила, что обязательно останется в нашей стране хоть одно-единственное место, куда она придет первой как геолог и исследователь. Пусть скромное, совсем небольшое, даже не пятно, а белое пятнышко, но чтобы там ничем не могли помочь описания в тисненых переплетах, чтобы не было рядом всезнающих скептических «старших» и чтобы всеми работами, начиная с топографической съемки и кончая бурением глубоких скважин, она руководила самостоятельно, без подсказок.

Катины мечты рождались не столько от честолюбия и желания славы, сколько от странной, как говорил ее отец, «сугубо мужской» жажды ответственности.

И наконец ей дали маршрут по-настоящему самостоятельный, ее слова должны были быть первыми словами геолога об этом участке земли...

«Слов не будет — будут слезы,— грустно усмехнулась Катя.— Жалкое оправдание: неточные карты, окончилась вода!»

Костер погас. Последние угольки нехотя подмигнули красноватыми точками и исчезли, а низкие звезды, словно обрадовавшись полной темноте, засияли еще ярче.

Катя уснула сразу, прижавшись щекой к холодной коже планшетки...

* * *

...Вместо того, чтобы висеть над головой, маленькое неуклюжее солнце быстро ползло по барханам, все ближе и ближе подбираясь к машине. Стоило ему взобраться на гребень бархана, и Катя чувствовала, каким жгучим зноем дышат его лучи, как яркий свет заливает пустыню. Потом на секунду солнце проваливалось в ложбину, зной пропадал, наступал странный, мерцающий полумрак. Вдруг солнце вырвалось на вершину самого близкого бархана, нестерпимым жаром ударило в лицо...

Катя вскрикнула и открыла глаза. Сухо трещал костер, летели в темноту искры, и у костра сидел незнакомый человек, деловито шевеля длинным сучком не успевшие загореться ветви.

Еще не проснувшись окончательно, Катя испуганно спросила:

— Вы кто?

— Воды хочешь? — в свою очередь, поинтересовался незнакомец.

Катя вскочила и нарочито громко, чтобы услышали остальные, повторила:

— Кто вы такой?

— Что случилось, Екатерина Михайловна? — встревоженно пробасил Егор Макарыч и сразу шагнул к костру: — Ты что здесь делаешь, хлопче?

Человек неторопливо приподнялся, одернул гимнастерку без пояса и поправил съехавшую на затылок лохматую туркменскую шапку. Из костра полыхнул широкий язык пламени, резко осветил смуглое, почти коричневое лицо с тонкими, вьющимися книзу усиками. Сверкнув крепкими зубами, человек весело объяснил:

— Я гость!

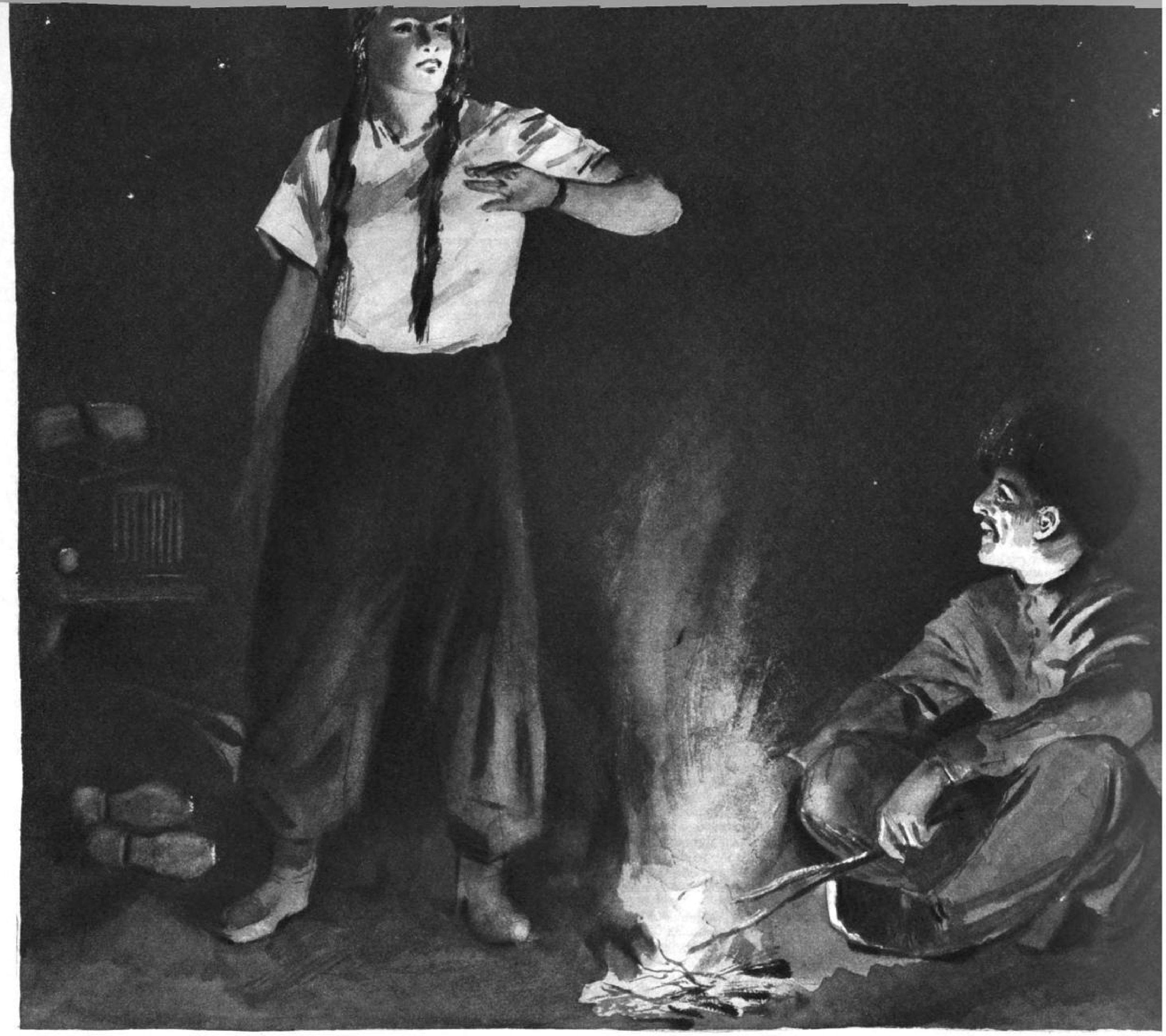
— Ты не чуди...— начал было Егор Макарыч, но его перебил проснувшийся Курбанов.

— Салам, Халлар!

Они пожали друг другу руки, перебросились несколькими фразами по-туркменски, и, чему-то радуясь, Курбанов представил ночного гостя:

— Ой, хорошо! Зовут Халлар. Из нашего аула. Очень хорошо!

— Ни черта не понимаю! — пробормотал Егор Макарыч и, оглянувшись по сторонам, не обнаружил никаких признаков транс-

порта.— Ты с неба свалился, что ли?

— Зачем с неба? — снова показал зубы Халлар.— Верблюдом ехал.

— А где верблюд? — вступил в разговор Коля Черемушкин.

— Домой пошел.— Халлар лукаво усмехнулся и кивнул на грузовик.— Верблюд — не машина, сам дорогу знает.

Катя удивленно разглядывала стройного молодого туркмена, освещенного костром, и никак не могла собраться с мыслями, не могла поверить, что ей не снится этот веселый человек, внезапно появившийся в глухой пустыне, в стороне от караванной тропы. А он, перехватив катин взгляд, протянул руку в темноту:

— Я по тропе шел. Вижу: свежая колея. В таком месте никуда проехать нельзя. Думаю, плохо людям будет: машину поломают, воду всю выпьют. Друзьям сказал: «Сами дойдете». Начал вас догонять...

Халлар нагнулся и легко приподнял перед собой чулек — тяжелый овальный бочонок.

— Вода. Вам. С верблюда снял.

— Ой, Халлар, молодец, Халлар! — от избытка гордости за земляка прищелкнул языком Курбанов.— Халлар всю пустыню знает! На тропе родился, песчаный человек!

— Дошлый парень! — сказал Егор Макарыч.— Ты что ж, проводником по здешнему краю?

— Такую должность, понимаешь, счетовод не признает! — рассмеялся Халлар.— От колхоза работаю. Что в пустыне надо, я делаю. Бывает, караван проведу, бывает, баранов на новое место перегонять надо. Сейчас саксаул на зиму заготовляем. Топливо.

Простое, будничное объяснение Халлара странно подействовало на Катю. В душе мгновенно пропал щемящий холодок ожидания необыкновенных событий, и одновременно родилась обида на собственную беспомощность, на неточные карты, на застрявший грузовик.

«Он здесь на верблюде преспокойно катается, а мы пропадаем... Рассказать в экспедиции — осмеют!»

И вместе с тем от шутливого тона Халлара, от его беззаботной, чуть снисходительной улыбки вся катастрофа с возвращением в штаб стала выглядеть случайной задержкой, словно пустыня — и вправду хорошо обжитое, людное место.

Катя улыбнулась Халлару и спросила:

— А вы согласитесь нам помочь?

— Куда ехать надо? — охотно отозвался Халлар.

— Черемушкин, достаньте карты.

Коля расстегнул планшетку, но Халлар отрицательно покачал головой:

— Карты плохо понимаю. Скажи так, название скажи!

— Белый колодец, пропади он пропадом! — ругнулся Егор Макарыч, вспомнив дневные злоключения.

— Зачем колодцу пропадать? — с обидой возразил Халлар.— Белый колодец — хороший колодец. Там наша отара стоит. Главный чабан — старый Мамед.

— Это я к слову,— сконфузился шофер.— Значит, туда тропа имеется?

— Обязательно имеется! — оживился Халлар.— Поворот вы рано сделали. На Большую тропу, обратно надо. Потом километров десять вперед. Я покажу! Поехали!

— А насчет воды? Хватит дотянуть?

— Очень хватит! — и Халлар поднял второй чулек.— Полный тоже. Я два привез.

— Нет, ты все-таки с неба прыгнул, хлопче! Продолжаем маршрут, Екатерина Михайловна! — решительно заявил Егор Макарыч и, не дожидаясь ответа, распахнул дверцу грузовика.

Сиплый, воющий звук стартера прозвучал для Кати, как лучшее подтверждение, что теперь все будет в полном порядке, что уважаемому начальнику экспедиции Владимиру Михайловичу Корчевому не придется подыскивать сочувственных слов.

Еще не остывший мотор заработал сразу, и Катя усмехнулась про себя: «Победный марш! Кажется, вам начинает покровитель-

ствовать судьба, геолог Лаврова!»

— В кабине женщина ехать должна! — услышала Катя голос Халлара.— Я наверху посижу.

— Она не совсем женщина: она начальник,— назидательно доказывал шофер.— А нам вместе сподручнее в дороге разбираться.

— Садитесь в кабину, Халлар, и не переживайте,— поддержала Катя Егора Макарыча.

— Да? — обрадованно откликнулся Халлар и с плохо скрываемой гордостью, молодцевато сбив набекрень шапку, устроился рядом с шофером.

* * *

Курбанов неожиданно оказался словоохотливым человеком и рассказывал по дороге удивительные вещи.

— Кумбаев фамилия Халлара. Песчаный хозяин по-русски. Отец Халлара, Халлар-ата, знаменитый проводник был. В старое время караван-баши, начальником караванов, у купцов работал. Ходил с товаром в Иран, в Багдад ходил. Каждую звезду на небе знал, каждую тропу во сне помнил. Потом басмачи у нас были. Знаешь?

— Читала.

— Старого Халлара сам Джунаид-хан уговаривал басмачом стать. Такого проводника иметь — где хочешь, пройти можно. Но Халлар-ата отказался, крепко отказался. «Несправедливым делам не помогаю»,— сказал. Тогда его басмачи казнить хотели. Он удрал. Пока басмачей не разбили, большую нам помощь оказывал. Благодарность от Красной Армии специальную имел.

— Он где сейчас? Жив? — спросил Коля Черемушкин, тоже крайне заинтересованный рассказом Курбанова.

— Нет,— покачал головой Курбанов.— Недавно умер. Очень почетным человеком умер. Председатель райисполкома на могиле речь говорил.

Польщенный вниманием слушателей, Курбанов, чтобы не показаться болтливым, помолчал для приличия и продолжал рассказ.

По его словам выходило, что в роду Халлара с незапамятных времен все мужчины были проводниками. Одни доходили с караванами до Индийского океана, другие останавливали верблюдов на ночлег у подножий египетских пирамид. И еще сохранилась легенда о самом древнем предке Халлара, который при нашествии монголов увел в пески отряд туркмен и не подчинился завоевателям, а целые годы кочевал от колодца к колодцу, оставаясь неуловимым и свободным...

— Получается целая династия,— сделал вывод Черемушкин.

— Золотой человек Халлар! — подтвердил Курбанов.

В полдень солнце обрушилось на изыскателей потоком раскаленных лучей, и снова забулькала вода в радиаторе, зазвенели в голове противные, злые колокольчики...

Грузовик остановился у ничем не приметного бархана, Халлар открыл дверцу кабины и сочувственно улыбнулся Кате:

— Жарко? Вот тропа в гости к старому Мамеду...

Черемушкин недоверчиво посмотрел вниз и, лишь сойдя с машины, обнаружил узкую, выбитую верблюжьими ногами канавку. Канавка хитро извивалась среди барханов, и по обе ее стороны виднелись крохотные следы копытцев.

— Отара недавно прошла,— объяснил Халлар.— А вон видишь полоски? Туда-сюда виляют. Змея ползла. Сильно ядовитая змея!

— Эфа,— понимающе вставил Черемушкин, прочитавший перед поездкой в пустыню серию книг о ядовитых змеях.

Халлар, уловив в глазах Кати жадный огонек интереса, продолжал:

— Широкая полоса рядом — удавчик. Невредный. Мышей, сусликов ловит. На цепочку следы похожи — суслик бежал. От удава удирал. Удав его вот тут душил. Смотри, как песок разворочен.

— Черт-те что! Целая наука! Сколько нам до твоего Мамеда ковылять осталось? — спросил шофер.

— Лес проедем, а там близко.

— Какой еще такой лес? — насторожился Егор Макарыч.

Лес был саксаульным. Высокие, в добрых пять метров, перекрученные, словно извивающиеся от вечных страданий деревья не шумели кронами, не роняли случайно облетавших листьев. Кое-где верхушки переплетались корявыми ветвями, и под ними возникало жалкое подобие тени — разорванные темные пятна на сером песке. Пористая черная кора, пыль, покрывшая нитки побегов, заменяющих листья, причудливые петли веток нагоняли тоску.

— Это тебе не сосновый бор,— Егор Макарыч от удивления забыл прикурить и жевал мундштук незажженной папиросы.

— Слушайте! — Катя резко схватила шофера за руку.

В тишине возникло еле слышное, угрюмое поскрипывание. От горячих порывов ветра скрипели кроны саксаула. Лицо у шофера потеплело, и он удовлетворенно сказал:

— Живые!

Невеселый, тоскливый звук напоминал о том, что победители здесь не безмолвные груды песка, что можно не иметь листьев, не давать людям тени и все же быть лесом!

— Без ордера ломать не разрешают,— окончательно поставил точку Халлар и, улыбнувшись, добавил: — Лесничество есть. Там строгий начальник. Всех ругает, сам в пустыню не ходит.

— Бюрократ! — заключил Егор Макарыч.— А ордер правильно — учет.

Но Кате сообщение об ордере не понравилось. Она украдкой взглянула на Халлара.

«Обрадовалась! Нашла белое пятно! А люди на этом белом пятне саксаул по ордерам заготовляют и пасут овец. Наверно, даже ревизор приезжает. Надо было в первый день в колхоз за помощью пойти, а то понадеялась на себя!»

Мечту о собственном белом пятнышке разрушил Халлар — человек, первым пришедший к ней в пустыне на помощь...

* * *

Халлар Кумбаев быстро стал популярным человеком в экспедиции.

В десять часов вечера к чайхане подкатывала машина — шоферы сразу оценили преимущества езды по пустыне ночью и выезжали вечером, а возможность заблудиться, если рядом в кабине Халлар, полностью исключалась.

Под потолком чайханы слабо желтела электрическая лампочка, в углу шипели над темнокрасными углями шашлыки. Среди степенных стариков, увенчанных белыми чалмами и лохматыми шапками, в неизменной гимнастерке без пояса сидел Халлар.

Катя, не раз присутствовавшая в чайхане при проводах машины, с интересом наблюдала, как резко изменялся Халлар в кругу седобородых стариков.

Его детская улыбка исчезала, лоб хмурился, отчего брови сбегались и над переносицей появлялась глубокая поперечная складка. Веселые, беззаботные глаза делались серьезными, но чувствовалось, что еще минута — и Халлар не выдержит, сверкнет зубами, нарушит чопорный ансамбль старческого величия.

Но Халлар терпеливо сохранял серьезность и однажды радостно шепнул Кате, кивнув головой в сторону монументальных стариков:

— Раньше здоровались только. Теперь почти равным считают. Спрашивают, как в песках дела, интересуются. А все вы, Екатерина Михайловна!

— Что ты, Халлар! — смутилась Катя.— Ты сам пришел ко мне на помощь!

Но смутилась Катя не зря. В расчетной ведомости значилось: «Проводнику Кумбаеву причитается...» То, что слово «проводник» стало узаконенным словом, Катя считала своей собственной заслугой. Как-никак, а именно она, геолог Лаврова, возродила традиционное занятие славной династии проводников Кумбаевых!

И правильно, по заслугам ценят видавшие виды старики молодого проводника. Они встают, прощаясь с Халларом, и один из них сдержанно, но сердечно произносит:

— Многих тебе на пути колодцев!..

Сама Катя уже давно не могла выбраться в пустыню. Десять дней первого маршрута в районе Белого колодца дали такой богатый материал, что пришлось сидеть в штабе экспедиции, обрабатывать дневники, писать подробный отчет с выводами. А выводы обещали быть серьезными: намечались пласты ископаемых и горизонты пресной воды.

Катя работала в саду, поставив в тени яблони чертежный стол. Слева от стола высилась густая стена джугары. Ее гибкие стебли перебирал ветерок, джугара шуршала, и тихий, спокойный шорох помогал думать.

Иногда зеленая стена раздвигалась, и появлялся Халлар. Еще не помывшись после очередного рейса, он считал своим долгом нанести визит Кате.

— Все пишешь? — спрашивал Халлар и опять улыбался своей доверчивой улыбкой.

— Пишу, Халлар.

— А когда в пески поедем?

— Скоро, вот закончу — и поедем.

Халлар, продолжая улыбаться, говорил:

— Очень с тобой поездить хочется. Ты счастье приносишь. Пошел пока. Егор Макарыч ждет. Купаться в арыке будем...

* * *

Почти целый месяц ушел на отчет. Приехавший ненадолго из пустыни Петр Степанович Рудаков в одну ночь прочел объемистую папку и появился у чертежного стола под яблоней рано утром.

Катя, бледная, с припухшими веками, бессмысленно переставляла на столе чернильницу, перекладывала карандаши и курила, потеряв счет папиросам.

Старый геолог, грузный и широкий, в синей, выцветшей пятнами спецовке, тяжело опустился на стул. Он не спеша набил трубку, провел кончиком гнутого мундштука по густым усам с рыжей от никотина каемкой и, выдохнув струйкой дым, сказал:

— Надо бурить скважину. Возьмете буровой станок, бригаду рабочих и рацию.

— А когда выезжать? — все еще плохо веря в происходящее, спросила Катя.

— Можно сегодня вечером. Чем скорее, тем лучше.— Петр Степанович развернул на столе карту.— Давайте попытаемся наметить, где выгоднее всего закладывать скважину...

Обсуждение плана работ у Белого колодца заняло полдня. Рудаков попыхивал трубкой, короткими и точными фразами давал советы, причем всегда прибавлял:

— Судя по вашим наблюдениям, могу порекомендовать...

Прощаясь, он крепко пожал Кате руку:

— Желаю удачи. И верю в удачу...

Катя после ухода Рудакова бегом бросилась к чайхане.

— Ахмет! — крикнула она чайханщику, еле переводя дыхание.— Передай Халлару: мы сегодня едем на Белый колодец!

— Ой, Халлар рад будет! — просиял Ахмет.— Давно с вами в пески рвется!

Потом Катя вместе со старшим буровым мастером выбирала станок, ругалась на складе из-за палатки с прожженными дырами, пересчитывала ящики с консервами.

Обойдя вокруг внушительной груды оборудования, Егор Макарыч хмыкнул:

— И это все вы хотите в один рейс захватить?

Катя тревожно взглянула на шофера:

— Не дотянем?

— Навряд! Прибавьте людей да еще воду.

— Что же делать?

— Отвезти сперва самое необходимое. Ну, буровой станок, часть труб, немного продуктов...

Катя долго спорила с Егором Макарычем, и все равно после самого строгого отбора шофер остался недоволен:

— С чего вы такая жадная, Екатерина Михайловна? Ведь рисковано! Полетят рессоры, и будем загорать!

— А загорать у бурового станка приятнее? — горячилась Катя.— Вы только о своей машине волнуетесь. Общее дело вас не касается!

— Спасибо на добром слове! — рассердился шофер.— Отблагодарили старого дурака!

Он обиженно замолчал и, не предлагая по обычаю Кате, закурил, поломав о коробок десяток спичек.

Катя поняла, что сказала лишнее, и виновато дернула Егора Макарыча за рукав:

— Извините, сорвалось... Я могу остаться до второго рейса. Пока станок будут монтировать, мне там делать нечего. Черемушкин тоже подождет.

Егор Макарыч отвел глаза в сторону и, продолжая хмуриться, как будто нехотя, невнятно проговорил:

— И без Халлара можно доехать...

— Как вы сказали? Без Халлара? — вздрогнув, переспросила Катя.

— Так и сказал,— шофер круто повернулся к Кате.— Пока вы под яблоней работали, пустыня другая стала. Свой участок мы исколесили вдоль и поперек. Успевай разбираться, где твоя колея, где чужая.

— Но без Халлара никто не ездил,— пролепетала Катя.— Все шоферы берут его с собой...

— По привычке берут,— обрезал Егор Макарыч и усмехнулся,— и за компанию. Шоферы — народ компанейский.

— Мы обидим Халлара, Егор Макарыч! — крикнула Катя, на мгновение увидев перед собой доверчивую улыбку проводника.

Шофер махнул рукой и не спеша поплелся к грузовику.

Подошел Курбанов:

— Петра Степановича в пески провожал. Мы когда поедем?

Стараясь говорить спокойно, Катя спросила Курбанова:

— Как ты считаешь, Егор Макарыч предлагает без Халлара ехать: очень груза много.

К ее величайшему удивлению, Курбанов принял это сообщение абсолютно равнодушно.

— Правильно. Давно сами дорогу знаем.

«Им всем кажется, что так и надо! — подумала Катя.— Но что будет с Халларом?..»

Затягиваясь до едкой горечи папиросой, Катя широким шагом направилась к машине:

— Я согласна, Егор Макарыч. Но в следующий рейс мы с ним обязательно поедем. Слышите!

Последнее слово сорвалось на дрожащий крик, и шофер, покосившись на Катю, пробормотал про себя:

— Не глухой...

Поздно вечером они подъехали к чайхане. Подмигивала, как всегда, электрическая лампочка, шипели шашлыки, вели нескончаемые, неторопливые разговоры завсегдатаи-старики.

Халлар ждал у входа, радостный и возбужденный.

— Смотри, Катя! Смотри! Портрет мой напечатали! Статья большая!

Катя, пытаясь выжать улыбку, вздрагивающими пальцами взяла журнал.

На отдельном листе красовалась цветная фотография: Халлар, заслоняясь рукой от солнца, вглядывался в барханную даль, за ним, накренившись набок, стоял грузовик.

— Ахмет хотел на стенку повесить. Я не дал! Неудобно, правда?

— Почему неудобно? — вмешался из-за стойки Ахмет.— Знаменитому человеку почет!

Сияющие в полусумраке глаза Халлара, весь его откровенно счастливый вид заставили Катю опустить голову.

— Я рада за тебя, Халлар.

— Ты счастье приносишь, я знаю! — звонко рассмеялся Халлар и повелительно приказал Курбанову: — Помоги! Я дыни, арбузы в пески заготовил.

— Машина сильно груженная,— отозвался из темноты Курбанов.

— Ничего! Груз небольшой!

Халлар подхватил подмышку арбуз и шагнул к машине.

— Обожди, Халлар,— остановила его Катя и не узнала своего голоса.— Понимаешь, мы действительно перегрузили машину...

— Ничего! — тряхнул лохматой шапкой Халлар.— Дорогу полегче выберем! Бери арбузы, Курбанов!

Егор Макарыч взял у Халлара арбуз, подержал его на весу и, передавая Курбанову, сказал:

— За арбузы спасибо. А больше мест нет.

Сначала Халлар не понял. Секунду он еще продолжал улыбаться, потом его глаза широко раскрылись, не мигая, он растерянно посмотрел на Катю.

— Не волнуйся, Халлар. Я тоже остаюсь,— Катя торопилась и проглатывала слова.— Они пусть едут. Они станок должны монтировать. А мы с тобой послезавтра поедем.

Егор Макарыч смущенно помахал рукой, поспешно влез в кабину, и машина, выбрасывая перед собой зарево белого света, виновато юркнула в темноту.

— Все хорошо, Халлар! Послезавтра и мы отправимся,— продолжала Катя.

В это время из группы стариков, сидевших в глубине чайханы, приподнялся один, с крючковатым носом и насмешливым, колючим взглядом. Он о чем-то спросил Халлара по-туркменски. Халлар полуобернулся, и Катя увидела его глаза. Вместо зрачков горели два злых, почти бешеных огонька.

Шелестя страницами, полетел к стойке журнал, и Халлар, наклонив вперед голову, ринулся из чайханы.

— Что он ему сказал, Ахмет?

Ахмет угрюмо взглянул на Катю и перевел.

— Люди ушли в пески. Почему ты дома, Халлар?..

Над аулом низко висела луна; она выбелила в неприятный, призрачный цвет стены глинобитных мазанок и переплетенные глубокими трещинами дувалы. Лениво лаяли собаки; где-то далеко уютно урчал мотор машины, и пахло теплой, невидимой пылью.

Катя постояла посреди улицы и медленно пошла вдоль арыка, густо заросшего по берегам виноградниками, среди которых высились лохматые пики тополей.

«Где его теперь найдешь? — Катя хотела закурить, но в спичечной коробке не оказалось ни одной спички. Она с размаху швырнула пустой коробок в темную, журчащую воду.— Как глупо получилось! Надо бы за час до отъезда разыскать Халлара, объяснить... А что объяснять? Завтра Корчевой узнает о самостоятельном рейсе Егора Макарыча на Белый колодец. Он рассчитает Халлара и еще похвалит Катю. Авдонин скажет что-нибудь вроде: «По смелой инициативе геолога Лавровой мы отказались от проводника...»

— Ой! — Катя вскрикнула и, отшатнувшись, чуть не свалилась в арык.

На берегу, под свисающими к воде виноградными ветвями, сидел Халлар. Он был без своей огромной шапки, короткие черные волосы отливали при лунном свете едва заметным стальным блеском.

Халлар медленно поднял голову, глаза его уже не горели злы-

ми огоньками. Подернутые легкой влажной пленкой, они смотрели грустно и равнодушно.

— Это ты, Халлар? — Не дожидаясь приглашения, Катя уселась рядом.— У тебя нет спичек? Впрочем, ты не куришь...

Халлар пошевелился и достал из кармана несколько коробков.

— Спички есть.— Он невесело усмехнулся.— Я ведь в пески собрался. Запас делал. Возьми. Все возьми.

Катя закурила и, не зная, с чего начинать разговор, сказала:

— Тебе надо отдыхать. Поздно...

Халлар опять обхватил колени и, пристально глядя на противоположный берег, не сразу ответил:

— Домой приду, мать спросит: «Почему ты дома, Халлар?» На улице завтра каждый спросит, все спросят!–Он помолчал и глубже вжал подбородок в колени.— Девушка у меня есть. Жениться хотел. Она сегодня журнал видела. Смеялась, радовалась. Утром плакать будет. Жених лишним стал. Безработный жених...

— Какие глупости ты говоришь, Халлар! — не на шутку рассердилась Катя.— В колхоз вернешься...

— Хороший совет беда рождает! — засмеялся Халлар злым смехом.— Мой портрет напечатали, старики мне кланялись, вся пустыня знала: «Халлар — проводник экспедиции!» Теперь обратно на верблюда сесть? Саксаул по ордеру ломать? Да?

— Всякий труд почетен...— растерявшись, проговорила Катя.

— Кончился мой почет! — Халлар стремительно вскочил на ноги, пальцы его сжались в кулаки, глаза снова загорелись недобрыми огоньками.— Уйду из аула, от стыда уйду! А ты меня не проси поехать вместе. Пассажиром в песках никогда не был! Кумбаев моя фамилия! Помнишь?! И не ходи за мной!

Он круто повернулся и побежал по берегу арыка, отбиваясь руками от хлеставших по лицу виноградных веток.

— Халлар! — изо всех сил крикнула Катя.— Ты шапку забыл! Вернись!

Но Халлар не остановился. Катя подняла лохматую шапку и тихо побрела в противоположную сторону...

* * *

Егор Макарыч вернулся с Белого колодца пыльный и помолодевший. Вытряхивая спецовку, он весело докладывал:

— Будто по рельсам катили! Ни одной заминочки! Но глаз держал востро: здорово песочек исполосовали, того и гляди вильнешь на неведомую колею. А вы чего киснете?

— С Халларом плохо,— ответила Катя и сбивчиво рассказала о ночной встрече у арыка.

Шофер присел на подножку грузовика, закурил и неопределенно произнес:

— Жизнь...

— Что? — переспросила Катя.

— Жизнь, говорю, такая удивительная! — Он хитро прищурился.— Вы моей биографией ни разу не интересовались, Екатерина Михайловна?

Катя пожала плечами.

— А зря! Вам бы полагалось как начальнику отряда в анкетку шофера заглянуть!

— Слушайте! — перебила Катя. — Я с вами о деле, а вы...

— И я о деле. Ежели б вы мою анкетку почитали, то уяснили бы, что нынешний шофер первого класса Егор Макарыч Соболенко во времена нэпа работал ломовым извозчиком у братьев Тягиных. Бывало, дугу лентами цветными украшу, лошади в гриву розы вплету и как промчусь по улицам — все девки замирали! Ей богу! Как-то коняга одна норовистая попалась...

— Егор Макарыч, дорогой! — взмолилась Катя, чувствуя, что шофер нескоро окончит приятные воспоминания молодости.— Разыщите Халлара, потолкуйте с ним по душам, как мужчина с мужчиной!

— А о чем толковать? — сердито пробурчал шофер.— Я ведь в толкователях не нуждался. Молодежь нынче особенная, привыкли, чтобы вас все уговаривали да воодушевляли! — Но через минуту он поднялся и натянул спецовку.— Не могу начальству отказывать. Дисциплина...

К чайхане Егор Макарыч подходил безо всякого определенного плана.

«Караванной тропе крышка. Факт! — рассуждал он, шагая по мягкой пыли, водоворотами крутившейся вокруг брезентовых сапог.— А парень, конечно, переживает. Славы хлебнул. И ничем я ему не помогу. Скажу Ахмету, пусть найдет Халлара, а вечером побеседуем все вместе: Катя, я и, если нужно, Корчевого на помощь позовем».

Но искать Халлара не пришлось. Он стоял посреди пустой чайханы, на спине блестел застежками новый рюкзак, недавно купленный в экспедиции. Из угла в угол бегал разъяренный Ахмет и, что-то горячо доказывая, размахивал руками. Увидев шофера, Ахмет смешно подпрыгнул на месте:

— Скажи несколько слов этому глупому человеку! Уходить из аула вздумал! Обиделся, понимаешь! Радоваться надо: пустыне смерть наступает!

Халлар вяло пожал Егору Макарычу руку и грустно скривил губы:

— Что нового на Белом колодце, Макарыч?

— Лучше не спрашивай! Еле добрался! — неожиданно для самого себя соврал шофер.— Плутал, плутал, чуть вода не кончилась.

— Ага! — совершил прыжок по чайхане Ахмет.— Я всегда говорил: без Халлара не обойтись! Снимай дурацкий мешок, работать будем!

У Халлара недоверчиво сузились глаза, он тяжело задышал и вплотную подступил к Егору Макарычу:

— Смеяться надо мной хочешь, да?

— Какой там смех! Горе одно! — торопливо откашлялся в сторону шофер.— Первый раз с колеи сбился за Большим такыром, после в барханах намертво засел...

— Правильно! Все правильно! — возбужденно поддакивал Ахмет.— Наука тебе — Халлара не брать!

Когда Егор Макарыч запнулся, чтобы глотнуть воздуха, Халлар уже не сомневался ни в одном его слове. Он снял вещевой мешок и улыбнулся, как умел улыбаться раньше,— беззаботно, с детской уверенностью в своей правоте.

А Егор Макарыч, поняв, что можно не продолжать, заключил:

— Готовься. Через часа три отправимся.

— Днем? — насторожился Халлар.

— Ничего! Лишку воды прихватим. Работа не ждет...

— Порядок! — торжественно поднял кверху палец Ахмет.

Выйдя из чайханы, Егор Макарыч долго вытирал носовым платком обильный пот, густым бисером усыпавший лицо.

«Нелегкое это дело — женские поручения! Успеть бы погрузить машину. Собирались-то на ночь выехать...»

* * *

Машина уже несколько часов ныряла среди барханов. Коля Черемушкин расстегнул пуговицы рубашки и, зачерпывая ладонью из бочки воду, поливал свою не очень выпуклую грудь.

— Не понимаю я вас, Екатерина Михайловна,— стараясь сохранить равновесие, жаловался Черемушкин.— Честное слово, я изучил каждый километр до Белого колодца, нанес тропу на карту, а вы попрежнему верите только проводнику. И совершенно зря мы потащились днем...

— Помолчите, пожалуйста, Коля,— вежливо попросила его Катя,— сохраняйте на жаре силы.

Черемушкин умолк и, плеснув в физиономию горсть воды, зафыркал.

Объяснять Коле переживания Халлара Кате не хотелось. Он все равно не поймет и выскажется насчет развития техники и планомерного освоения пустыни.

В начале пути Катя пробовала считать: «Вот одна новая колея, вот другая, третья...» Потом она сбилась и вспомнила Егора Макарыча: «Успевай разбираться, где твоя колея, где чужая».

Большое сердце у Егора Макарыча! Он все рассказал ей, и она немедленно согласилась ехать днем, целиком положилась на шофера...

Сегодня Халлар смутился, когда Катя отдала ему шапку. Но тут же, снисходительно улыбаясь, сказал:

— А ты отдыхать советовала! Рано мне отдыхать!

Шофер поддержал Халлара:

— Примите к сведению, Екатерина Михайловна. Я его из своей кабины не выпущу.

Пусть злится Черемушкин, они с Егором Макарычем правы!..

Машина вырвалась наконец на Большой такыр, похожий на глиняное потрескавшееся без воды дно огромного сосуда. Сосуд давно разбили, и от стенок остались по краям, на горизонте, невысокие, сглаженные ветром бугристые края — барханы.

Резво пробежав по такыру, машина внезапно затормозила; Егор Макарыч вылез из кабины и с лязгом открыл капот мотора.

— Забарахлил, приятель!

— Перегрев,— высказал предположение Черемушкин.— Результат езды днем.

Катя спустилась на твердую пружинящую глину и подошла к распахнутой с обеих сторон кабине.

— Ты что, Халлар?

Халлар сидел хмурый, брови его сошлись в знакомую Кате складку на переносице, прищуренные глаза смотрели недоверчиво и зло.

— Катать меня решили, да?

— С чего ты взял?

— Слушай, Катя! — быстро заговорил Халлар.— Я не дурак! Полдня едем, ни одной дороги Макарыч не спросил!

— Я спрашивал, не заливай! — откликнулся шофер, продолжая копаться в моторе.

— Как спрашивал? Для вида спрашивал! Сам все знаешь! Зачем пассажиром сделали? Зачем? Я...

Он хотел еще что-то сказать, но Егор Макарыч перебил:

— Погоди кипятиться! Не в службу, а в дружбу: поверни-ка ключик. Так, добре! А теперь левую педаль нажми и не отпускай. Крайнюю правую нажимай потихоньку.

Мотор сразу заработал, и Егор Макарыч захлопнул капот.

— Хорошо! Не спеша левую отпускай...

Машина стремительно прыгнула, с грохотом полетели в кузове ящики, шлепнулся на дно Черемушкин, а Егор Макарыч, вскочив на подножку, кричал:

— Левую выжимай! Ручку в правый угол! Вторую скорость!

Делая невероятные прыжки, грузовик бешено закрутился по такыру.

Увидев за рулем Халлара, Коля Черемушкин выскочил из кузова. Он упал на колени, ткнулся носом в глину и весь перемазанный заорал на Катю:

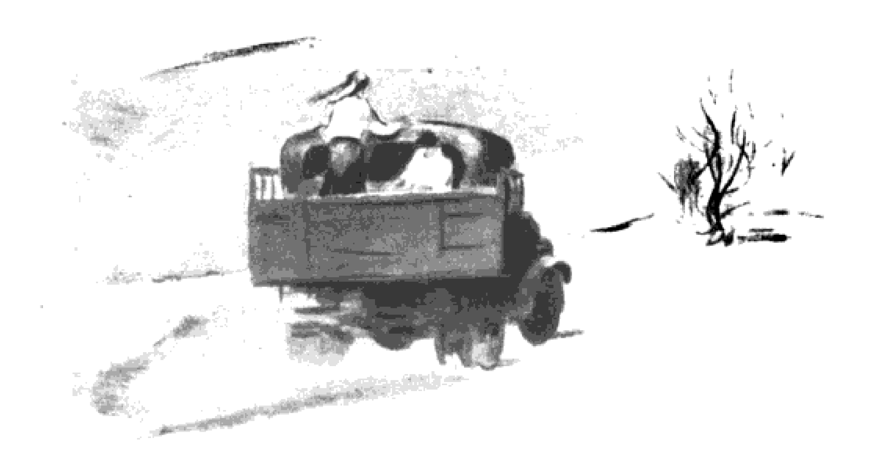
— Хулиганство! Я напишу докладную Корчевому!

Катя не ответила. Затаив дыхание, она следила за машиной. Грузовик постепенно перестал метаться. Словно объезженная лошадь, он пошел все ровнее и ровнее, набирая скорость и не выбиваясь из малоприметной колеи.

Кате захотелось петь, танцевать, но Черемушкин наступал на нее и угрожающе размахивал остатками очков:

— Объясните, черт возьми, что это такое?!

— Это? — Катя подумала и, подражая Егору Макарычу, неопределенно провела рукой по воздуху: — Жизнь...

А. Герасимов, Г. Горелов, Н. Денисовский, Н. Дрючин, Р. Зенькова, С. Папекян. РАСЦВЕТ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ СССР. СТУДЕНТЫ У ЗДАНИЯ МГУ.
Панно. Главный павильон ВСХВ.

С. Кириченко и С. Отрощенко. СОВЕТСКИЙ НАРОД ИМЕЕТ ПРАВО НА ОТДЫХ. **Панно. Главный павильон ВСХВ.**

СНЫ

Рассказ

Юрий НАГИБИН

Рисунки В. Богаткина.

Дима и Саша возвращались из школы вместе. В школу они ходили тоже вместе. Вместе играли во дворе, вместе завтракали, обедали и ужинали. Они жили в одной квартире, их матери преподавали в одном и том же институте, и поручены мальчики были заботам одной и той же бабушки, диминой бабушки. Им не оставалось ничего иного, как дружить, несмотря на разницу в возрасте и общественном положении. Дима был третьеклассником и пионером, Саша первый год ходил в школу и мог лишь мечтать о пионерском галстуке. Саше льстила дружба с третьеклассником, Дима был бы непрочь покровительствовать младшему, если б не сашин несносный язык.

Вот и сейчас, едва они вышли из дверей школы, как Саша произнес восторженным голосом:

— Смотри, правда, они похожи на новорожденных цыплят?

— Кто? — сухо спросил Дима, хотя отлично понял, к чему относится сашино восклицание.

Из-за чугунной ограды школьного сада клен выбросил в переулок длинные ветви с яркожелтыми листьями. Было начало ноября, листья с деревьев давно облетели, только клен сохранял свой последний золотистый наряд.

— Ничего не похожи,— угрюмо сказал Дима.— Цыплята круглые, а листья зубчатые.

— Правда! — с легкостью согласился Саша. — Они больше похожи на руки с растопыренными пальцами. Смотри,— засмеялся он,— вот эти руки давно не умывались! — и показал на слипшиеся в ком черные, сопревшие листья.

Дима ничего не ответил. Его раздражала манера Саши говорить всякие неожиданные и, как ему казалось, бессмысленные вещи. Самое обидное, что эти нелепости нередко нравились взрослым. Так, вчера мама рассказывала отцу, что на праздники к ним приедет ее двоюродная сестра Вероника.

— Вероника? — задумчиво повторил находившийся при этом Саша.— Красивое имя — Вероника. Будто белая птица пролетела над озером.

А когда Саша ушел к себе, отец заметил:

— Занятный товарищ!..

— Ломается,— ревниво сказал Дима, но в глубине души он чувствовал, что. Саша не ломается, недаром он сам никогда не запоминал своих словечек.

Но оттого Диме лишь сильнее хотелось показать всем, что Саша вовсе не занятный, а самый пустой человек, выдумщик и кривляка.

— А вон тот дядька,— послышался опять голос Саши,— сейчас полетит на своих усах.

Дима поднял голову и увидел на крыше двухэтажного дома пожилого мужчину с огромными и разлетистыми рыжими усами. Мужчина командовал отрядом подростков, укреплявших под карнизом гирлянду разноцветных ламп. Его роскошные усы раздувались по ветру, и впрямь можно было поверить, что он вот-вот полетит.

«Я бы сам мог это придумать, если б увидел его раньше»,— с досадой подумал Дима. Он огляделся. Тихий арбатский переулок готовился к близкому празднику. Дворник в белом фартуке красил парадную дверь; две женщины, пожилая и молодая, приколачивали к стене лозунг, написанный мелом на кумачовом полотнище; в конце переулка тянули транспарант на крышу семиэтажного дома. Легкая, тут же подавленная улыбка тронула димины губы. Искоса взглянув на Сашу, он сказал:

— Папа обещал взять меня на демонстрацию!.. Мы пойдем, как двое мужчин!..

В ответ послышался глубокий вздох. Сашин папа работал метеорологом в Арктике и вот уже второй год, как Саша слышал своего папу только по радио. Да и то он никогда не узнавал папин голос. Быть может, потому, что по радио папа говорил так, будто обращался не к Саше, а ко всем мальчикам Москвы.

— Папа купит мне флажок,— самодовольно сказал Дима.— И наша колонна пойдет ближе всех к Мавзолею.

— Счастливый ты!.. — снова вздохнул Саша. Ему стало грустно. А грустить Саша не любил. Он любил радоваться и удивляться жизни. Вот и сейчас он окинул взглядом знакомый переулок в надежде найти что-нибудь такое, чему бы он мог обрадоваться. Но все кругом говорило о близком празднике, а праздник напоминал о разлуке...

— Знаешь, мне вчера приснился смешной сон,— медленно, словно припоминая, начал Саша, и на лице его вновь появилась улыбка.— Будто плыву я на корабле по синему-синему морю, и вдруг над кораблем — стая летающих рыб, золотых, серебряных, красных... Понимаешь, машут себе плавниками, как крылышками, и летают над кораблем. Я схватил удочку, закинул ее в небо, будто в воду, и стал ловить. Много уже наловил, как вдруг крючок зацепился за мачту. Я дернул — и сразу проснулся. Смешно, правда?..

— Смешно... — серьезно подтвердил Дима, а сам думал о том, почему ему всю ночь снились два скучных бассейна из задачника по арифметике: серая вода лениво переливалась из одного бассейна в другой. Вдруг он пристально взглянул на Сашу.

— А море было очень синее? — спросил он со странным выражением.

— Синее-пресинее, вот как небо сейчас! — подтвердил Саша.

— Рыбы были золотые, серебряные... Какие еще?

— Красные, розовые...

— А серо-буро-малиновых в крапинку не было?

— Не было...

— То-то и оно, что не было! — злорадно сказал Дима.— Ничего не было: и рыб не было, и моря не было, и сна не было!

У Саши задрожали губы.

— Почему? — спросил он тихо.

— А ты разве не знаешь, что сны у людей серые? То-то и оно! Сны всегда серые, хоть у папы спроси, а ты... ты просто врунишка и загибала!

Саша подавленно молчал.

— Теперь я все про тебя знаю! — с торжеством продолжал Дима.— Это ты измазал хвост Карнаухому!..

Карнаухий, белый с коричневыми щечками двухмесячный щенок-терьер, вот уже несколько дней ходил с измазанным фиолетовыми чернилами хвостом. Виновника обнаружить не удалось. Саша выдвинул смелую теорию, что виной тому голуби, которых бабушка кормила хлебными крошками на подоконнике. Голубь толкнул створку окна, створка сшибла чернильницу, а чернильница, падая, плеснула на хвост Карнаухому, который постоянно терся около окна.

— Нет, честное пионерское! — с жаром воскликнул Саша.

— Во-первых, ты еще не пионер,— рассудительно сказал Дима,— и не будешь им, пока...— он усмехнулся,— пока тебе снятся цветные сны. А во-вторых, ты нарочно измазал ему хвост, чтобы придумать про голубей и показать, какой ты умный!..

Дима не был великодушен в своем торжестве: Саша в тот же день узнал, что прозвище «загибала» прочно утвердилось за ним во дворе. Домашние также не проявили снисхождения к мальчику, уверяющему, что ему снятся цветные сны.

— Мы сами виноваты,— сказала димина мама.— Он привык, что все восхищаются его выдумками.

— Пусть выдумывает, сколько его душе угодно,— сказала сашина мама.— Только не надо выдавать свои фантазии за правду...

И только Карнаухий с прежним доверием терся о сашины ноги. Глядя на его фиолетовый хвостик, Саша в смятении думал:

«Может быть, в самом деле, это я испачкал ему хвост?..»

Словом, день не принес Саше радости. Зато ночь щедро вознаградила его за все испытания. Саше приснилось, будто отец прилетел со своей льдины и спустился на парашюте прямо во двор. «Я боялся опоздать на демонстрацию»,— сказал отец и, взяв Сашу за руку, вывел его на улицу, в праздник. У Саши зарябило в глазах от праздничной толпы, от блеска синего-пресинего неба в белых барашках облаков, от сверкающей меди труб, от жарко полыхающего кумача знамен и плакатов, от рвущихся в небо голубых, синих, зеленых, красных шаров. И в руке у него был красный флажок, а на груди — что ни говори Дима — развевался настоящий пионерский красный галстук! Рядом гордо шагал Карнаухий, задрав кверху куцый фиолетовый хвост...

ПЕСНИ СЕЛА ШЕ

Воскресное утро. В красном уголке Шестаковской МТС, Воронежской области, хор готовится к выступлению. Молодежь разучивает новую пляску, повторяет частушки:

В молодого инженера
Мы влюбились горячо.
Он один, а нас четыре.
Присылайте к нам еще.

Нина Вострякова лихо отстукивает дробь каблучками, ребята подхватывают припев. Ваня Логвинов, голубоглазый паренек со вздернутым носом, никак не приладится к партнерам, и пляску повторяют снова и снова.

На эстраде девушки готовят костюмы к выступлению хора. Из чемоданов извлекаются кумачовые, шелковые сарафаны, расшитые рубахи, цветастые платки.

В комнату входят две немолодые женщины, аккуратно повязанные белыми косынками, в хромовых сапогах. Колхозницы Евдокия Егоровна Турищева и Мария Васильевна Харитонова из сельскохозяйственной артели имени Ленина живут в пяти километрах от МТС, но и зимой и летом исправней других ходят на спевки хора. Они подсаживаются к колхознице Анастасии Михайловне Нетёсовой и комбайнеру Дмитрию Егоровичу Панину и тихо говорят о своих делах. Хор весной участвовал в смотре сельской самодеятельности, выступал в Москве на столичных сценах, в Большом театре, получил премию...

— «Я тужила, горевала, а теперь больше не буду»,— заводит низким, грудным голосом молодая колхозница Таисия Рягузова, лучшая песенница в хоре, смуглая, со строгим, неулыбчивым лицом. Песню подхватывают все сидящие в кружке. Поют с чувством, целиком отдаваясь мелодии. Высокие женские голоса оживляют песню. Лица у всех помолодели, глаза заискрились... Кончили. Стало тихо. Обаяние старинного напева захватило всех.

Осторожно ступая, вошел Стефан Игнатьевич Рягузов, знатный комбайнер, почти четверть века работающий в Шестаковской МТС. Староста хора, он с юных лет помнит сотни воронежских напевов. Встав позади поющих, Стефан Игнатьевич тихо затягивает:

— «У кого, кого кудри русые, у Ивана все расчесаны».

И снова всех увлекает за собой широкая, раздольная мелодия. Подошла и молодежь, позабыв про пляску, девушки перестали разбирать костюмы. Баянист осторожно включился в общий хор. Репетиция началась.

...Из ворот МТС выезжает машина. В кузове алеют красные сарафаны, белеют платки. Весело заливается баян. Ветер разносит по селу припевки:

Провожала я миленка
Охранять наш мирный край.
На прощанье приказала:
— Про меня не забывай.

Следом бегут мальчишки:
— К Логвиновым хор поехал...
— Василия в армию провожают...

У ворот гостей встречает хозяин Илья Тихонович, механик МТС. Степенно здороваясь, входят в дом артисты, и сразу становится тесно и шумно. Мария Алексеевна Рягузова, «Машанка», как ее все любовно зовут, заводит шуточные частушки, придумывая их тут же. К хору присоединяется вся большая семья Логвиновых. В сенях и под окнами полно народу: всем любопытно поглядеть, как славят будущего воина. Развеселив гостей, оказав честь уважаемому механику, бригада спешит обратно.

Во дворе МТС, перед эстрадой, устроенной из кузовов грузовых машин, уже собрался народ. Солнце светит ярко, но воздух холоден. Колючий ветер напоминает об осени. Сегодня последний концерт на «открытой эстраде». В осеннюю непогоду, зимнюю стужу хор будет выступать в сельском клубе.

...Торжественно и сильно звучат слова песни, с которой начинается концерт хора машинно-тракторной станции:

Всего милей нам Родина советская,
Она сильней и краше с каждым днем,
Спасибо Партии, великой Партии
За то, что мы в стране такой живем.

←
Нина Вострякова — первая частушечница в хоре.

«...Елочки, сосеночки, зеленые, колючие,
В Воронеже девчоночки веселые, певучие».

СТАКОВА

Много хороших и разных песен поет хор. Полюбились шестаковцам новые песни, сложенные талантливыми участниками хора. Радостно поются песни о весне, об урожае, о машинах, облегчающих труд хлебороба. А перед выступлением в Москве сочинили новую запевку — «Хороши у нас дела». Теперь эти частушки распевают не только в Шестакове, но и далеко вокруг:

Эх, чок, чок, чок,
Бей дробь, каблучок!
Хороши у нас дела,
Потому что жизнь мила.

Под этот задорный припев складываются злободневные частушки, которые не всем по душе приходятся. Тут достается и трактористу за нерадивый труд, зазнавшемуся инженеру, радисту, проспавшему подъем, сельскому кооператору.

Выступая на сценах столичных театров, самодеятельный хор шестаковцев с большим успехом исполнял свои частушки. И каждый раз заканчивали концерт приветливым приглашением:

В МТС у нас кипит
Дружная работа,
Приезжайте в Шестаково —
Встретим вас с почетом.

К. МАССАЛИТИНОВ,
художественный руководитель Воронежского русского народного хора.

Слушателям нравятся песни односельчан.

Фото А. Гостева.

Развеселив гостей, оказав уважение хозяевам, хор спешит в другой дом.

← Момент игры на первенство Советского Союза по футболу между командами «Спартак» (Москва) — ЦДСА (Москва).

Фото А. Бочинина.

Между травой и льдом

Лев КАССИЛЬ

20 октября, без четверти девять вечера, в густом тумане раздался свисток судьи Н. Латышева, возвестивший о конце летнего спортивного сезона 1954 года...

Когда в апреле на юге первый раз пропела сирена и мяч взлетел в небо, все было по-весеннему ясно, но ожидания приверженцев разных команд, прогнозы знатоков, судьба первенства и Кубка — все было туманно.

Когда был сделан последний в этом сезоне удар, мяч растворился в сплошном мокром тумане, но все уже было совершенно ясным.

Впрочем, может быть, все это вас не волнует? Возможно, что мы напали на читателя, которому безразлично, у кого знамя чемпиона и где зимует хрустальный Кубок? Погодите, не перемахивайте через эту страницу, скользнув по ней равнодушным взглядом. Разве вы в час, когда десятки тысяч людей устремляются на стадион, оказавшись взятыми в полон, где-то в глубине своей до предела стиснутой души не ощущали некоторой зависти к окружающим? Люди всех возрастов, прижатые к вам, весело, с шутками, с лихой, завидной стойкостью переносили все тяготы подобной поездки.

В этом братстве футбольных болельщиков кипели споры, потому что приверженцы «Спартака» оказывались рядом, плечом к плечу или, еще хуже, локтем к пояснице, прижатыми к убежденным почитателям «Динамо»... А вам, оказавшимся между двух огней, разве не хотелось узнать, почему слева от вас все хвалят Нетто и Симоняна, а справа уверяют, что нет никого лучше на свете, чем Сальников и Рыжкин? Пожалуйста, не пожимайте плечами, не отмахивайтесь, не делайте безразличное лицо, не говорите высокомерно, что вы не понимаете «этого массового психоза».

Слушайте!.. Вы же сами, помнится, изрядно волновались, когда наши динамовцы впервые поехали в Англию. Вам тогда очень хотелось, чтобы советские футболисты не подкачали. Кто только не звонил тогда в Радиокомитет? И, судя по задававшимся вопросам, вроде, например, такого: «Скажите, пожалуйста, после того, как забили этот самый... гол... можно еще играть?»,—звонили люди, никогда до той поры футболом не интересовавшиеся и имевшие о нем весьма смутное представление.

Видите, значит, вы не безнадежны. Когда в вас затронули патриотическую жилку, она оказалась тесно сплетенной со спортивной. И вам, как и всем нам, естественно захотелось, чтобы крепкие, отважные, дружные советские ребята оказались в спортивном состязании с лучшими заграничными командами на высоте, чтобы они показали себя сильнейшими. Вы начинали понимать, что дело тут идет не только о том, сколько раз кожаному мячу предстоит побывать в тех или иных воротах.

Нет, вы уже тогда начинали понимать, что в спорте и, в частности, в футболе, мужественной, атлетической игре, обнаруживаются с убедительной наглядностью не только сила, быстрота, энергия и все чисто физические достоинства человека, но и его способность самоотверженно служить коллективу.

Все эти нужные качества наша молодежь обретает на спортивных площадках, на гаревых дорожках стадиона, на травяных полях, на льду и на лыжне. И футбол, ставший у нас поистине всенародной любимой игрой, позволяет нам по своим успехам или изъянам судить в какой-то мере об общем качественном уровне нашей спортивной культуры.

Мы уже не говорим здесь о том, какое увлекательное и захватывающее зрелище представляет собой настоящий, большой футбол. Честное слово, можно только пожалеть тех, кто никогда не видел ярких, цветных футболок, перемещающихся по изумрудному ковру, пестрых флагов, струящихся над башнями в голубом небе, всего этого просторного, продутого ветром, прохваченного солнцем, широко распахнутого мира, объятого живой, кипящей стеной зрителей! Что же мешает и вам, если вы еще до сих пор никогда там не были, слиться с возбужденной, всегда мажорно настроенной толпой любителей футбола, занять свое место на трибуне и увидеть вокруг себя и молодых спортсменов, и знатных мастеров московских заводов, и почтенных академиков, и азартных студентов, и обмирающих от волнения юных болельщиков той или иной команды?

Вы уже упустили сезон, еще один сезон. Флаг спущен! У вас еще есть время подумать о потерянном. А пока, если вы хотите уже сейчас быть посвященным во все, что знали бы сами, если бы посещали стадион, подведем с вами итоги.

Сезон оказался интересным, что и говорить! Волнений было немало. Как играли? Неровно. Перефразируя Маяковского: было всякое—и у ворот стояние, пасы, финтов нервное желе... Но вот, когда ты гол забить не в состоянии, это, Владим Владимыч, много тяжелей...

Нападающие наши попрежнему не забили огромного числа мячей «из возможных», то есть тех, которые должны были за этот сезон влететь в ворота противников. С ударами по голу у нас прямо беда. Даже одиннадцатиметровые — и то иной раз не приносят результатов. Симонян, например, не смог забить мяч с одиннадцатиметровой отметки во время последнего матча футбольного чемпионата. А Савдунин пробил одиннадцатиметровый удар прямо в штангу ворот «Арсенала»... Защитники наших лучших команд, мне кажется, играли в этом сезоне очень точно, плотно закрывая нападающих противника, неукоснительно «опекая» их и «наставляя» мяч так, как это было выгодно для своей команды.

Пожалуй, наиболее надежную игру показали московские динамовцы. Конечно, и у них были срывы, но в общем «Динамо» планомерно набирало ход и очки и сумело по праву стать чемпионом страны, оторвавшись на четыре очка от своего ближайшего и постоянного соперника.

Таковым был и остается московский «Спартак», прошлогодний чемпион. Но в нынешнем году спартаковцы играли весьма неровно. Приверженцам этой славной команды не раз за сезон приходилось хвататься за голову и за сердце.

А вот кого можно поздравить с серьезным успехом, так это минских спартаковцев! Они заняли в таблице первенства третье место, всего лишь на одно очко отстав от своих московских одноклубников. В первом круге минчане выиграли у нынешнего чемпиона страны — московских динамовцев.

Что касается встреч с зарубежными командами, то не все они принесли удачу нашим футболистам. А встреч было много: и с французскими командами, и с футболистами Германской Демократической Республики, и с датчанами, и с норвежцами, и с болгарами, и с поляками, и со шведами, и с венграми, и с англичанами, и с финнами.

Были очень серьезные испытания. И, надо сказать, наши футболисты в общем выдержали их с честью. Они показали, что могут играть в силу сильнейших, сделав ничью с лучшей командой мира — сборной Венгрии. Они убедительно победили прославленных «канониров» Лондона — знаменитую команду «Арсенал» со счетом 5 : 0.

Совсем были сбиты с толку даже наиболее опытные болельщики играми на Кубок СССР. Уже в самом начале неоднократные «кубкодержатели», спартаковцы Москвы, выбили из розыгрыша своих самых грозных соперников — московских динамовцев. Но вскоре они сами были выведены из игры киевскими динамовцами. Ни одна из московских команд впервые за всю историю игр на Кубок не добралась до финала. В последний поединок с киевлянами вступила команда ереванского «Спартака», игравшая по классу «Б». Четыре с лишним месяца ворота этой команды сУфпехом защищал способный вратарь Затыкян, и его ворота оставались почти «сухими». Но 20 октября мокрый мяч дважды побывал в сетке ереванцев, в то время как они смогли забить лишь один гол киевлянам.

И хрустальный Кубок, принятый капитаном киевлян Андреем Зазроевым, совершив последний «круг почета» по стадиону, покинул впервые за 10 лет Москву. ...Природа, казалось, сжалилась над московскими болельщиками, наполовину скрыв густым туманом это нестерпимое для их глаз зрелище...

Итак, все! Сезон окончен. Флаг на стадионе «Динамо» опущен. Кубок—в Киеве. А футболисты... Нет болельщику ни сна, ни отдыха, ни покоя. Динамовцы играют во Франции, спартаковцы уехали в Бельгию, а потом — в Лондон, киевские динамовцы выступают в Польше, а команда ленинградского «Зенита»— в Чехословакии. Опять надо волноваться, настраивать радиоприемники, звонить по телефону в редакции.

И впереди нет просвета: трава на опустевшем поле стадиона еще мокнет под осенним дождем, а для хоккеистов уже начался «бархатный сезон»: на льду Западной Германии блистает советская команда, в Крефельде она уверенно забирает почетный «Кубок бархата и шелка».

Скоро и нам, в Москве, предстоит, одевшись потеплее, не обязательно, правда, в бархат, а скорее в драп, мчаться на стадион и, притопывая застывшими ногами, следить за вихревым мельканием коньков, клюшек и шайбы на льду!

ПИСЬМО

Варвара **КАРБОВСКАЯ**

Рисунки А. Каневского.

Комната № 38 в первом корпусе студенческого общежития считается образцовой по чистоте и порядку. Особенно заметно это перед праздником: книги аккуратно стоят на полках; посреди стола, накрытого скатертью, астры в стеклянной банке из-под маринованных огурцов; кровати застелены безукоризненно. Если бы еще у Коли Матушкина на тумбочке не было «постоянно действующей обжорки», как говорит Женя Суботеев, то есть колбасы, сыра, печенья и конфет, а Володя Брабантов не валялся бы на постели, закинув ноги на ее железную спинку и примостив гитару у себя на животе, Женя был бы вполне удовлетворен.

Впрочем, он не теряет надежды, что за пять лет совместной жизни сумеет привить товарищам некоторые правила, которых придерживается сам. Кое-что в этом направлении ему уже удалось. Например, когда он по утрам двадцать раз подряд приседает и выпрямляется, тонкий, стройный, широкоплечий, или прыгает на одном месте, или, улегшись на коврике, выбрасывает вверх свои длинные ноги, толстый Коля Матушкин начинает сучить ногами под одеялом, вздыхает и говорит:

— Честное слово, и я буду! У тебя, Женька, ловко получается! Вот я назначу себе число, скажем, сразу после праздников, десятое, и тоже буду.

С Володей Брабантовым произошел небольшой конфликт. Володя повесил у себя над кроватью изображение чьих-то ножек, повидимому, рекламу чулок-паутинок.

— Это снять! — решительно потребовал Женя.

— Женька, ты попираешь мои эстетические запросы! — возмутился Володя.— Даже Пушкин сказал, что ножка Терпсихоры...

— Если тебе хочется эстетики, повесь Уланову,— сказал Женя и сам достал ему фотографию Улановой-Джульетты. На этом примирились.

Сейчас Володя, мечтательно глядя на портрет Улановой, берет аккорды на гитаре и произносит томным речитативом:

— Отчего это так бывает, ребята, как вы думаете? То все ничего-ничего, а то вдруг захочется запеть во весь голос, или прыгнуть с вышки в холодную воду, или подойти к дверному косяку, прижаться к нему лбом и прошептать что-нибудь такое... хорошее.

— Например?.. — спрашивает Женя, не отрываясь от книги.

— Например: ми-ла-я, люби-мая...

— Несмотря на то, что косяк мужского рода?

— Это не имеет значения, а ты, Женька, просто сухарь! Отчего это так бывает, ребята?

— Это от любви,— с обычной определенностью говорит Женя и добавляет презрительно: — Студент первого курса влюблен, как школьник.

Дверь открывается, и в комнату входит комендант. Он небольшого роста, плотный, одет в защитную гимнастерку, украшенную орденской колодкой. Голова у него круглая, лысая и светится, как фарфоровый абажур, в который вставлена тысячесвечовая лампочка. Он держит кадку с пальмой, затем ставит ее на стол и говорит, отдуваясь:

— Вот! Хамеропс-низкий. Роскошная пальма, товарищи. Это вам в виде премии к празднику за образцовую комнату.

— Это как же понимать: переходящий хамеропс? — спрашивает Женя.—Когда у других будет лучше, пальму передавать им?

— Надеюсь, что не придется передавать,— говорит комендант.

— Ну, спасибо вам, дядя Миша, за хамеропса.

За два месяца студенческого житья первокурсники успели полюбить коменданта и зовут его дядей Мишей. Он вносит в общежитие какой-то домашний уют и тепло, от которых первокурсники еще не успели отвыкнуть.

Знакомясь с первокурсниками, комендант сказал:

— Конечно, товарищи, мы с вами не на Ленинских горах. Там лучше. Но и у нас будет неплохо. Все зависит от вас. А что зависит от меня, я сделаю. Только вы не подводите, ладно? Договорились?

Они договорились и дядю Мишу не подводят. Во всем корпусе чистота, цветы поливаются; если курят, то в форточку. Не мусорят. И даже не слишком шумят. Может быть, это потому, что комендант живет в первом корпусе не один, а со своим семейством: с женой Клавдией Ивановной, которая работает институтским библиотекарем, и с дочерью Зиной.

Зина учится в другом институте, в литературном, и ее почти никогда не видно. Но когда она пробегает по коридору, так приятно встретиться с ней и сказать:

— Добрый вечер, Зиночка!

На первом курсе девушек мало. Все они хорошие и милые девушки, но, не в обиду им будет сказано, нет ни одной такой, как Зина.

Между прочим, Женя Суботеев, который вечно иронизирует, сказал:

— Наверное, какой-нибудь начинающий поэтик в литературном институте говорит ей, что ее ресницы похожи на темнокрылых бабочек, порхающих над голубыми цветами. К счастью, я не поэт и глупых сравнений не делаю.

Пока еще никому не известно, какой у Зины характер. Но если она удалась в родителей, то характер у нее должен быть чудесный. Ведь каким же милым человеком нужно быть, чтобы вникать во все мелочи студенческой жизни, как это делает комендант дядя Миша! Вот хотя бы сегодня, с этим хамеропсом.

— А я,— с хитрецой говорит дядя Миша,— входя в комнату, уловил обрывок разговора: кто-то влюблен? Разлюбезное дело в восемнадцать лет. В особенности, если предмет на дальнем расстоянии. Тут и испытание чувств и ученью не помеха. Но вот я к чему веду разговор: вы, случайно, не позабыли послать к празднику своим любимым девушкам, а также папе и маме — это главное — поздравительное письмо или телеграмму?

Студенты переглядываются и смущенно улыбаются. Коля Матушкин произносит с полным ртом:

— Телеграммы дороговато, дядя Миша.

— Эх, молодежь! — укоризненно говорит комендант.— Секрет вежливости вами утрачен. А вы себе представляете, что́ такое телеграмма для родителей? Они же ее на праздничный стол положат и будут всем показывать! «Поздравляю целую люблю» — три с полтиной, самое большее, а вы: дороговато! И еще хотите, чтоб вас любили. Конечно, родители все равно будут любить: и вежливых и грубиянов. Иная мамаша скажет: «Мой Женечка такой...»

— Почему именно Женечка? — сдержанно спрашивает Суботеев. Он как раз послал родителям телеграмму, но не считает нужным сообщать об этом.

— Ну, все равно, не Женечка, так Алик или Валерик. Мамаша скажет: «Мой Валерик такой грубый!»,— а у самой при этом на лице сияет полный материнский восторг.

— Дядя Миша,— томным речитативом произносит Володя, аккомпанируя себе на гитаре,— а вы любимым девушкам посылали поздравительные телеграммы?

— Откровенно говоря, нет,— признается комендант.— Но время было совсем другое, вы учтите. Тридцать семь лет тому назад в Москве на каждом углу не торговали цветами. Хлеба — и того не всегда ели досыта.

— И все-таки вы были влюблены?! — искренне удивляется Коля Матушкин. Он дожевал последний ломтик колбасы и теперь хрустит печеньем.

— Обязательно!

— И в кого, если можно?

— Можно. В нее, в Клавдию Ивановну.

— И на всю жизнь?! — Володя берет звенящий аккорд.

— Обязательно и принципиально!

— Дядя Миша, присаживайтесь, что же вы стоите! Расскажите, это же интересно!

— Извольте, расскажу, но вкратце, потому что некогда. Мне было восемнадцать, а ей семнадцать лет. Я был пильщиком, она прачкой. Я уходил на фронт и сказал ей... гм... только предупреждаю, товарищи, что лексикон у меня в ту пору был небогатый. — Он говорит это с достоинством, давая понять, что теперь его лексикон обогатился несравненно против прежнего.— Я сказал ей: «Клава, мы еще долго будем с тобой тянуть эту волынку?»

— А она что?

— Она спросила: «Что это еще за волынка?» Я говорю: «Ну все равно, канитель. Потому что я еду на фронт». А она мне ответила: «И я с тобой». Я, конечно, предупредил: «А если убьют?» «Все равно,— говорит,— пускай с тобой вместе. Только я знаю, что нас с тобой не убьют...» Вот и все. Вы, может быть, скажете, мало убедительных слов? Да, слов было мало, но было много чувства. Так-то, дорогие мои.

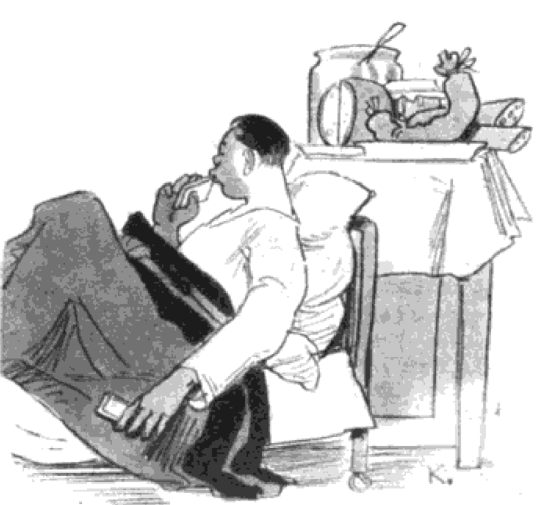
— Возьмите печеньица, дядя Миша,— растроганно говорит Коля и протягивает коменданту коробку.— Сдобный набор.

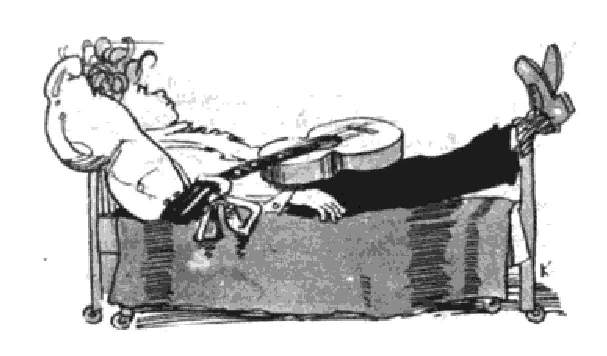
Володя минорно тренькает на гитаре. Женя молчит.

— Вот видите, у вас и без писем обошлось прекрасно,— говорит Володя. — А вы советуете непременно писать!

— Теперь бы написал непременно, будь я на вашем месте,— убежденно говорит комендант.— Время же совсем другое: красота жизни, простор для развития высоких чувств, законченное среднее образование. Но у вас, у молодежи, секрет утерян, в этом и беда. Вот и Зина моя говорит...

Коля поперхнулся печеньем и

закашлялся. Володя начал наигрывать: «Кто может сравниться с Матильдой моей...», а Женя сделал холодное лицо и отвернулся. Дядя Миша продолжает:

— Вот и Зина. Она в литературном учится. Говорит авторитетно: про любовь нынче не умеют выразительно писать. Кто умеет? Симонов, Щипачев... Раз, два — и обчелся. Зина считает, что, например, Пушкин...

Неожиданно для всех Женя Суботеев говорит глухо и порывисто:

— «Я вас любил: любовь еще, быть может, в моей душе угасла не совсем; но пусть она вас больше не тревожит...»

— Именно! — восклицает дядя Миша.— Не тревожит! Ведь как заботливо сказано! В настоящей любви должна наличествовать вот именно эта самая трогательная бережность. Зиночка у меня тоже часто к этим стихам прибегает: «Я не хочу печалить вас ничем...» Так ведь, кажется?

— Так!

— А у иных бывает не так,— говорит комендант.— Сначала: не хочу тебя ничем печалить, а потом: ты стара, ты дурна, ты мне больше не нужна. Не поощряю такого отношения! Ну, я заболтался с вами. Работайте.

Володя срывается с места и выбегает из комнаты вслед за комендантом.

— Дядя Миша, о чем я хочу вас просить...

— Слушаю.

— Вы бы могли написать такое письмо?

— Какое? Поздравительное?

— В общем поздравительное. Но так, чтоб было понятно...

— Про любовь?

— Угу!

— Мне, милый друг, без надобности.

— Для меня.

— А сам что же?

— Анатомия замучила, боюсь тройку схватить. И потом, откровенно говоря, я не сумею. У меня же совсем не было практики, дядя Миша! Видите, даже ваша Зина, в литературном учится и говорит, что о любви не умеют писать. А у вас так здорово получается! Напишите, дядя Миша! Но чтоб никто, чтоб ни одна душа не знала, ладно?

— Оказия! Ну, раз тебя анатомия задушила, пойду тебе навстречу, но не ручаюсь. А она какая, девушка-то?

— Она... исключительная!

— Вот это правильно. Если любишь,— значит, все другие исключаются, иначе и быть не может. А поспеет письмо к празднику-то? Нынче пятое.

— П...поспеет. Авиапочтой. Только чтоб ни одна душа не знала! Дайте слово.

— Ну-ну. Не было коменданту заботы...

...Вечером комендант сидит за чаем и сосредоточенно трет блестящую лысину.

— Зинушка, матушка, выручай. Не хочется перед ребятами авторитет терять.

— Нашему отцу мало хозяйственной деятельности,— говорит Клавдия Ивановна, разливая чай. — Он морально-этическими вопросами занялся.

— Правильно, Клава. Считаю, что одно от другого неотделимо.

— Поздравительное письмо любимой девушке? — задумчиво говорит Зина.— Тебе, папа, нужно было узнать: кто она, какая? Колхозница, работница или тоже студентка?

— Одно знаю: замечательная. Да и малый уж больно хорош. В глазах такая доверчивость. Сам сознался: практики не было в этом деле. И так ласково на меня смотрел, будто я и есть та самая его любимая девушка.

— Это какой же? — Зина щурится на свое отражение в электрическом чайнике.—Высокий, тот, что на институтском соревновании взял третье место по бегу?

— Э, нет, тот Суботеев Женя! Тот советоваться не станет да, пожалуй, и писать не будет. Суховат. Но я его уважаю. Это он у себя в комнате навел образцовый порядок. А я говорю о Володе Брабантове. Нежный такой парнишка, с завитушечкой на лбу. Встречала?

— А-а... — неопределенно произносит Зина. — Попробую, напишу. Напишу так, как мне хотелось бы, чтобы написали мне самой, но, может быть, не получится...

Рано утром дядя Миша с таинственным видом передает Володе письмо, переписанное своей рукой.

— Может, что не так, тогда добавишь. Но впредь будешь сам писать, а то мне, милый, не по возрасту да и некогда. Договорились?

Он уходит. Коля Матушкин говорит умоляюще:

— Прочти, Володька! Мне тоже пригодится, честное слово!

Женя отходит к окну и делает вид, что это его не касается. Володя предупреждает:

— Прочту, но чтоб об этом не болтать. Слушай: «...Москва в огнях, в знаменах, в цветах... На улицах веселая предпраздничная суета. Столько оживленных лиц кругом! Тут и старики, тридцать семь лет тому назад сражавшиеся на этих улицах за наше счастье; и люди средних лет, ровесники Октября — они успели и повоевать за Родину и сделать много хорошего за свою жизнь,— и молодые люди, такие, как мы с тобой...»

— А где же тут любовь? — спрашивает Коля.

— «Любовь нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь»,— иронизирует Женя.

— Женька, не мешай! В тебе лирики ни на копейку!.. «...Вот промелькнула в толпе легкая девичья фигурка, и мне показалось, что это ты, моя любимая, далекая...» Многоточие.

— Какая многоточия?

— Коля Матушкин, пока не поздно, уходи из института и возвращайся в родимую школу, в третий класс,— серьезно говорит Женя.

— На месте многоточия нужно проставить имя, как в анкете. Понятно? Читай, Володька!

— «...Я невольно пошел за ней. Твоя летящая походка, твои золотистые локоны...» — Володя берет карандаш и что-то зачеркивает.

— Ты что там исправляешь?

— У моей нет золотистых локонов... «Лицо тоже красивое, но не твое. И поэтому мне нет дела до этой девушки. Но ты не думай — многоточие,— что ты далеко. Ты рядом со мной. Я грею твои тонкие пальчики в своей руке и рассказываю тебе обо всем, что мы видим. Вон там, высоко в небе, сияет величественный контур самого прекрасного в мире института...» — Володя снова исправляет карандашом.

— К институту поправки вносишь?

— Нет, просто география Москвы мне не подходит. Она получше меня знает.

— Как? Разве ты не в Красноярск посылаешь письмо?

Володя краснеет.

— А ну вас совсем! Только путаете! Конечно, в Красноярск, а то куда же?

— Володя,— канючит Коля Матушкин,— дай переписать! Я тебе в подарок к празднику куплю носовой платок в клеточку. Дай! Моя живет в совершенно другом месте, и никогда она с твоей не встретится.

— Эх вы, котята-мальчики! — презрительно говорит Женя.— Я не спорю, старик написал довольно прилично, с хорошим патриотическим звучанием и даже с лирической ноткой. Я не ожидал. Но о любви все-таки нужно писать своими словами. Пусть хуже, но своими. И, может быть, даже не писать, а говорить. А еще лучше... молчать.

— Ну и молчи на здоровье! Самое лучшее, что можешь придумать.

Володя и Коля, отгородившись друг от друга книгами, переписывают письмо. Володя диктует и предупреждает:

— Ты, Колька, переделывай соответственно твоим координатам. Если у твоей волосы черные, пиши как-нибудь: «...твои смоляные локоны...»

— Ну ясно! Только у нее не смоляные. Вроде каштановых.

— Так и пиши.

...Рано утром седьмого ноября Зина спешит по коридору, прыгает по лестнице, мимоходом глядится в зеркало: голубая пуховая косынка, новое серое пальто с поясом,— кажется, все хорошо. Внизу, у входной двери, стоит высокий, плечистый юноша. Стоит, видимо, уже давно и колупает пальцем стенку. Пол вокруг него в известке.

— Здравствуйте, Зина, вы на демонстрацию?

— Да, в институт. Поздравляю с праздником... Женя!

— Конечно... и я вас поздравляю с праздником. Извините, вы на автобус? Можно, я пойду с вами?

— Но ведь вам не на автобус?

— Это не имеет значения.

Они выходят на улицу. Зина смеется.

— Я сегодня получила два поздравительных письма. От двух разных людей. Но они похожи, как две капли воды.

— Кто, люди?

— Нет, письма. Но, кажется, и люди тоже. Начинаются оба так: «Москва в огнях, в знаменах, в цветах...»

Женя удивленно поднимает брови:

— Вы даже выучили наизусть?

— Я? Нет, но дело в том, что я сама... впрочем, не скажу. Вы, может быть, знаете, кто писал?

— Откуда ж мне знать? Не представляю!

— Тем лучше.

Женя отлично знает, кто писал, но, во-первых, для него это — неожиданное открытие, а, во-вторых, он не собирается выдавать товарищей. Поэтому он только пожимает плечами и произносит с холодком:

— Очевидно, писали люди, которым вы очень нравитесь. Но почему по шпаргалке?

— А откуда вы знаете, что по шпаргалке? — Зина заглядывает ему в лицо.

Женя отворачивается и закусывает губу. Кажется, проговорился.

— Просто предполагаю, раз письма одинаковые. А вот и ваш автобус! Побежали?

— А вы куда же?

— Проеду с вами две остановки. Разве нельзя?

В автобусе тесно. Их плотно прижимают друг к другу. У них сразу становятся строго официальные лица, и они начинают говорить о погоде:

— Чудесная погода сегодня!

Пассажиры смотрят на них и улыбаются. На улице серо, дождливо, холодно.

— Ну, я пошел. До свиданья, Зина!

Женя выскакивает из автобуса и пускается с места в карьер. Зина смотрит ему вслед, прижавшись к старушке в шляпке с потрепанными петушиными перьями. Старушка встряхивает перьями и говорит ворчливо:

— Господи, как конь, не разбирая дороги, скачет по лужам! Нет, все-таки в наше время молодые люди так не бегали.

— Что верно, то верно, мамаша,— соглашается один из пассажиров.— В наше время русские молодые люди и мировых рекордов столько не ставили.

А Женя Суботеев бежит. Он засек время: до института нужно добежать в три минуты двадцать секунд. За это время он успевает мысленно продекламировать любимое стихотворение и даже несколько переделать — бессовестно по отношению к Пушкину, но зато соответственно своему восторженному настроению:

«...Я вас люблю так искренно, так нежно,
Как и не снилось... всяким там... другим!..»

Осенние зарисовки

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

ОСЕННИЙ ВЫПУСК.

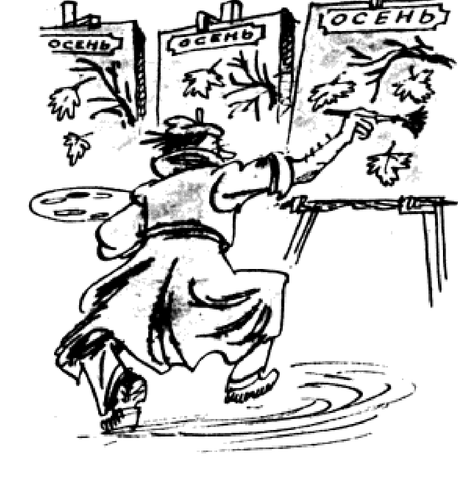

ЗА ПОПУТНЫМ ВЕРТОЛЕТОМ.

СЛУЧАЙ В ПАРКЕ.

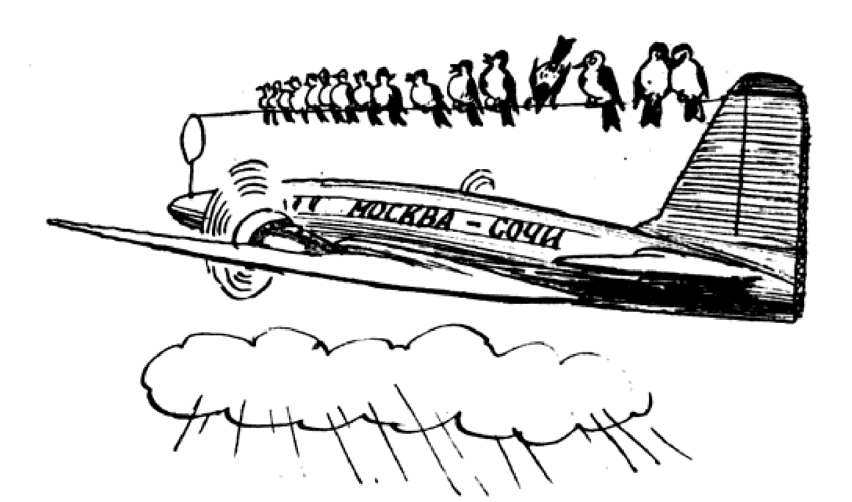
ОСЕНИЛО...

МЕЧТА ЗАГОТОВИТЕЛЯ.

ЛИСА И ВИНОГРАД.

ВОЗДУШНЫЕ ЗАЙЦЫ.

Секрет микрозаписи

В Тульском историческом музее оружия немало интересных экспонатов, созданных русскими умельцами. Я хочу рассказать лишь об одном — небольшом медальоне, изготовленном руками нашего современника, гравера-оружейника М. И. Почукаева. Диаметр медальона — 3,5 сантиметра. В нем одиннадцать «окошечек» с микрозаписями и микрорисунками.

Размер этих записей и рисунков равен... торцу спички. На крохотной площади — 2×2 и 2×3 миллиметра — четко написан, например, полный текст Гимна Советского Союза, выгравированы портреты конструкторов-изобретателей Мосина и Токарева, рисунки: здание тульского завода, «Как тульский кузнец блоху подковал» (4×3 мм) и другие.

Увидеть записи, портреты и рисунки можно только в микроскоп.

С помощью каких же инструментов производит мастер такую точную работу?

М. И. Почукаев делится своим опытом с посетителями музея:

— Главное в моем деле — любовь к своей профессии, настойчивость и упорство. Необходимо постепенно овладевать мастерством и постоянно его совершенствовать, выполняя все более тонкие и точные работы.

Известно, что если пристально смотреть на два одинаковых рисунка или фотографии, положенные рядом, то они через некоторое время сольются в одно стереоскопическое изображение.

Мне пришла в голову мысль о возможности обратного процесса, если его можно так назвать.

Я изготовляю небольшой рисунок на бумаге и смотрю на него одним глазом, а другим — в микроскоп. Тогда в поле зрения микроскопа возникает второе, мнимое изображение рисунка.

Пользуясь этим, я под микроскопом постепенно создаю на заданном материале такой же, но микрорисунок.

Мой рабочий инструмент — простой алмазный резец. Кристалл алмаза врезан в медную оправу. Для большей устойчивости при работе держу резец средним и безымянным пальцами, а ногтем большого пальца опираюсь на столик микроскопа.

Работаю без отдыха обычно не более трех — пяти минут, затем необходим перерыв, иначе немеет и затекает рука.

Вот и весь «секрет» микрозаписи.

Сейчас М. И. Почукаеву 58 лет. Он работает на заводе и много времени уделяет общественным делам.

А. ЧИЖОВ,
кандидат технических наук.

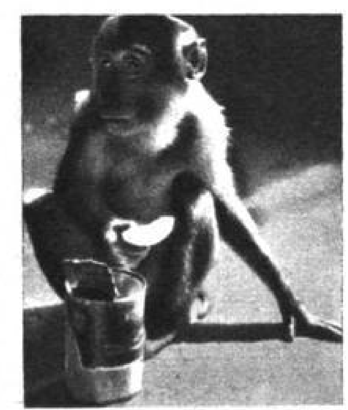
Из почты «Огонька»

Яшка

Яшка — это обезьяна, вывезенная из Индии, любимец команды корабля.

Яшка быстро привык к жизни на корабле и занялся его изучением. Вскоре он узнал расположение всех помещений корабля и ориентировался в них, как заправский матрос.

Все вещи и предметы, которые интересовали обезьяну, она пробовала на зуб. Яшка любил «наводить порядок» в каютах. Начинал он со стола. С него все летело на палубу. Закончив «приборку» на столе, Яшка принимался за шкаф, умывальник, койку. Но лишь только слышались шаги в коридоре, Яшка стремительно выскакивал через иллюминатор и забирался куда-нибудь повыше, чувствуя, что его «работа» вряд ли понравится морякам.

Яшка хорошо изучил распорядок дня на корабле. Когда звучит сигнал подъема, он мгновенно улетучивается с «койки». Возвращается команда с обеда или ужина, Яшка издает радостный крик и спешит навстречу матросам.

Яшка любит конфеты. Он тщательно разворачивает оберточную бумажку и закладывает содержимое за щеку. При этом довольно улыбается.

После еды Яшке дают зажженную папиросу. Он берет ее в рот с глубокомысленным видом и с удовольствием курит.

Во время киносеансов Яшка сидит тихо и внимательно смотрит на экран до тех пор, пока там не покажутся звери или птицы. Тут обезьяна не может спокойно сидеть на месте: она начинает прыгать, визжать, по-своему выражая радость встречи с «близкими».

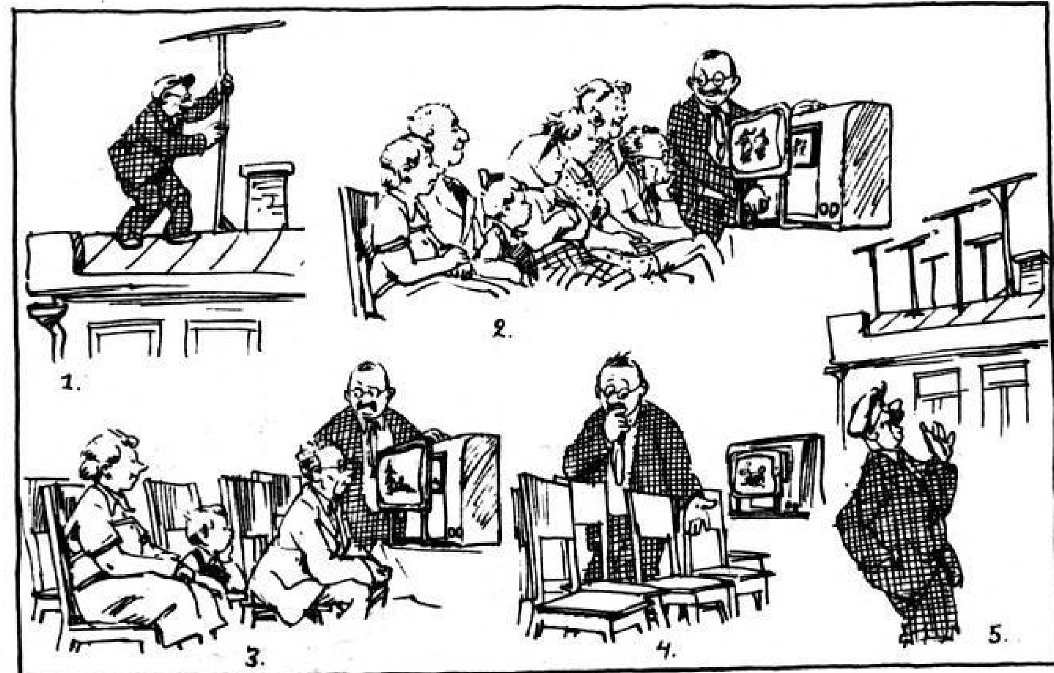
С интересом разглядывает Яшка себя в зеркало: хмурится, морщит рот, гримасничает.

Качку Яшка переносит неважно, как матрос по первому году службы. В шторм настроение у него заметно падает. Грустный, он сидит в кубрике, перестает есть и при каждом толчке корабля судорожно хватается за что попало. Зато после качки Яшка начинает веселиться, как ребенок.

В. ЖУРАВЛЕВ,
И. ШЕХТЕР.

Фото А. Сурдутовича.

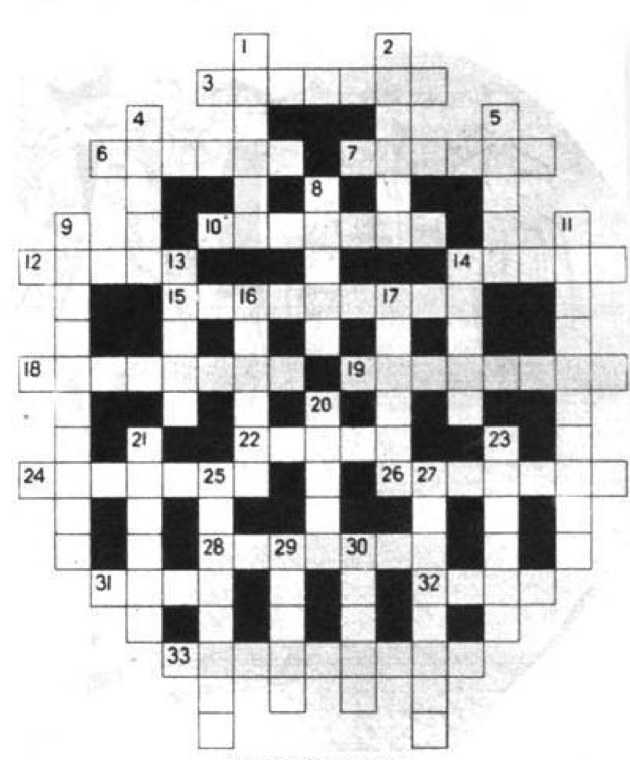
Порт-Артур.

ПОЧЕМУ ПРОПАЛИ ЗРИТЕЛИ?.. Рисунки Ю. Узбякова.

В этом номере на вкладках восемь страниц репродукций панно Главного павильона ВСХВ. Репродукции Н. Барабанова.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Новатор колхозного производства. 6. Заседание выборного органа в полном составе. 7. Поощрение. 10. Настольная игра. 12. Набросок чертежа, рисунка. 14. Единица речи. 15. Город-герой. 18. Человек безмерной силы. 19. Деятельный член коллектива. 22. Народный струнный инструмент. 24. Возвышение для выступающих перед публикой. 26. Чешский композитор. 28. Соискательство на получение премий. 31. Съезд, собрание. 32. Работа. 33. Руководящее указание.

По вертикали:

1. Повесть В. Василевской. 2. Постановление верховной власти. 4. Яркий свет, отсвет. 5. Заглавный лист в книге, журнале. 8. Молодежный журнал. 9. Рекордсмен мира в метании молота. 11. Дорога. 13. Приток Волги. 14. Значительное изменение. 16. Чилийский поэт. 17. Наивысший показатель. 20. Отделение корабля между водонепроницаемыми переборками. 21. Группа лиц, организация для совместной работы. 23. Выдающийся оратор и публицист. 25. Учение, теория. 27. Демонстрация изделий промышленности, продуктов, произведений искусств. 29. Музыкальное произведение. 30. Итальянская газета.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 44

По горизонтали:

4. Саратов. 6. Паровоз. 9. Дидро. 10. Налим. 14. Влияние. 16. Орион. 18. Нитон. 20. Заголовок. 21. Фара. 22. Уста. 23. Отделение. 26. Слива. 28. Опока. 29. Кутанси. 30. Петит. 33. Смерч. 34. Находка. 35. Либерти.

По вертикали:

1 Какао. 2. Майор. 3. Ворон. 5. Зинин. 6. «Правда». 7. Зарево. 8. Лиман. 11. «Риголетто». 12. Индонезия. 13. Профиль. 15. Мозаика. 17. «Обрыв». 19. Иссоп. 24. Токсин. 25. Идиома. 27. Асеев. 28. Опера. 31. «Тазит». 32. Ботев. 33. Скетч.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. **Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.**

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление Л. Шумана.

А 06257. Подп. к печ. 1/XI 1954 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 650 000. Изд. № 948. Заказ 3172. **Рукописи не возвращаются.**

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

На дрейфующей станции «Северный полюс-3». Метеорологи Г. И. Матвейчук, А. Д. Малков и аэролог П. П. Пославский за чаем в палатке.
Фото Я. Рюмкина.

Цена номера 3 руб.